

Николай Михайлов

Эпоха сестёр

Некромант

18+

Эпоха сестёр

Николай Михайлов

Некромант

«Автор»

2026

Михайлов Н. Н.

Некромант / Н. Н. Михайлов — «Автор», 2026 — (Эпоха сестёр)

Ты - великая волшебница, но ты не можешь использовать свою силу на полную катушку. Ты прожила тысячи лет, но не можешь вспомнить, что было вчера. Тебя боготворили миллионы, а сейчас даже не знают по имени. Героине приходится разбираться в происходящем, в своей памяти, в окружающих, а вокруг бушует зомби-апокалипсис. Неумершие окружают остатки живых и нужно найти способ с ними справиться, иначе вся планета будет принадлежать ходячим мертвецам.

© Михайлов Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 С небес на землю. Босиком по битому стеклу	5
Глава 2 От красоты к выживанию	11
Глава 3 Код красный: синяя ведьма	18
Глава 4. Ледяная стена	25
Глава 5 Тревожное пробуждение	33
Глава 6 Чудовищные откровения.	39
Глава 7 Объект «Снежная Королева»	50
Глава 8 Осколки прошлого.	60
Глава 9 Смерть через исцеление	68
Глава 10 Луч надежды	74
Глава 11 Начало пути	81
Интерлюдия. Совет выживших	89
Глава 13 Ледяные мосты	92
Глава 13 Ледяные мосты	99
Глава 14 Пятнадцать километров под землёй	106
Глава 15 Бой за базу. Цена припасов	113
Глава 16 Через пустыню	124
Глава 17 Последний рубеж	132

Николай Михайлов

Некромант

Глава 1 С небес на землю. Босиком по битому стеклу

«Она была прекрасна, как морозная ночь в разгар зимы: в ней жила та красота, которая обещает гибель всякому, кто приблизится слишком близко.»

— Джордж Р. Р. Мартин, «Песнь льда и огня» (о Королеве Красоты, одной из женщин-дикарей)

Солнце тонуло в кровавой мути горизонта, прощаясь с миром, который, возможно, уже не стоило спасать. Тяжелая металлическая дверь за спиной молодой, с виду девушки, вздрагивала с ритмичностью исполинского сердца — глухо, монотонно, без надежды на то, что этот стук когда-нибудь стихнет. Бум. Бум. Бум.

Она сидела на холодном цементном полу, прижимаясь к двери спиной и чувствуя каждой клеточкой вибрацию от ударов. Её одежда, ещё сегодня утром бывшая образцом кокетливого изящества — синее платье, точно лоскут небесной лазури, тонкие капроновые чулки и лакированные туфли на шпильке, — превратилась в жалкие лохмотья. Ткань разошлась в нескольких местах, обнажая бледную кожу, испачканную дорожной пылью и чем-то тёмным, липким, что лучше было не рассматривать. Чулок предательски пополз стрелкой от шиколотки до самого колена, а одна туфелька безвозвратно потеряла каблук, застряв, кажется, где-то между рёбер поверженного, но вновь восставшего мертвеца.

Девушку, если так можно называть бесконечно древнюю волшебницу, которую в течение всей её жизни все окружающие воспринимали не иначе как богиню, звали Зарина.

Зарина поднесла дрожащую руку ко рту, оттопырив мизинец — жест, который когда-то заставлял мужчин терять дар речи, а сейчас выглядел пугающе неуместно. Она прикусила костяшку пальца, сдерживая рвущийся наружу истерический смех. Русые волосы, ещё утром аккуратно убранные в тугую косу, перевитую голубой атласной лентой, растрепались. Пряди выбились и липли к вспотевшему виску и высокому, нежному лбу. Большие голубые глаза, обычно сияющие насмешкой, были расширены от пережитого ужаса, но в самой их глубине всё ещё тлел ледяной огонёк гордости. Аккуратный, чуть курносый нос нервно подрагивал, вытягивая затхлый воздух подъезда.

Бум. Бум. Бум. Ударная волна осыпала с косяков мелкую известковую пыль.

Воспоминания последних часов прокручивались в голове рваными, болезненными кадрами.

Всё случилось несколько часов назад, хотя по ощущениям минула вечность. Зарина не могла припомнить, что заставило её покинуть общество так называемых «богов», почивающих на «Олимпе». Но она решила навеститься на свою планету. Причину столь стремительного побега со станции она сейчас мучительно пыталась вспомнить. Возможно, просто потому, что ей нравилось появляться внезапно, нравился этот эффект театральности. Обычно он давал нужный результат: люди восхищались ею, боготворили её. Наверное, повинуясь капризу, она покинула скучный Олимп и по транслокатору дальней телепортации переместилась прямо на Главную площадь столицы Демократической республики Славногория — самого древнего и развитого государства этого мира.

Она шагнула на брусчатку и тут же поняла: что-то пошло не так.

Вместо привычного людского круговорота, почтительных взглядов и краски смущения на мужских щеках её встретила тишина. Точнее, не тишина, а влажный, чавкающий хор сотен гниющих глоток. Площадь была забита живыми мертвецами.

— Ээ... какая неприятность, — протянула она, жеманно поведя плечом, даже не успев толком испугаться. Досадная помеха её торжественному выходу.

Но они уже заметили её. Тысячи мутных глаз повернулись в её сторону, и в следующую секунду серая, воняющая тленом волна хлынула к ней.

— Ну уж нет, мои хорошие, вам здесь не место, — капризно надула губки Зарина, взметнув скипетр.

Десятки монстров вокруг рухнули... чтобы через мгновение снова подняться. Зарина удивлённо передёрнула плечами и развела руки в стороны.

Взмах скипетра — и от неё рванула ледяная волна. Передние ряды мгновенно обратились в статуи, покрытые коркой синеватого инея. Она взмахнула рукой, и в воздухе, со звоном высекаясь из пустоты, материализовались десятки ледяных стрел. Они со свистом вонзились в толпу, разбивая замёрзшие тела на тысячи осколков.

— Вот так-то лучше, — кокетливо поправила она выбившуюся прядь, поднеся мизинец к губам. — Смерти захотели? Получите вечный покой.

Но покоя не было.

Из домов, с соседних улиц, из всех щелей к волшебнице стекались новые толпы. Их были уже не сотни — тысячи!

— Это... это возмутительно! — выдохнула Зарина, когда ожившая рука вцепилась ей в подол. Она ударила скипетром, превратив нападавшего в глыбу льда, и тут же разбила её вдребезги.

Их было слишком много. Они лезли со всех сторон, игнорируя холод и саму смерть. Заклинания упокоения не работали, приходилось замораживать их десятками, превращать в ледяные изваяния и с хрустом крушить скипетром, словно хрупкие ёлочные игрушки. Но на место одного разбитого вставляли трое целых. Её дыхание сбилось, грациозные движения сменились отчаянными рывками. Шпилька предательски подвернулась, и она, вскрикнув, едва не упала, вовремя опершись на скипетр.

— Да что же вы... да как вы смеете! — кричала она, но в голосе уже звенели слёзы обиды, а не гнева.

Она побежала. Сначала просто отступала, пятясь и поливая тварей холодом, а потом, когда поняла, что магия бессильна против этой бесконечной реки смерти, рванула прочь. Туфли отчаянно стучали по камням, порванные чулки сползали, платье трещало по швам, когда она протискивалась в узкие арки. Она бежала, роняя ледяные слёзы отчаяния, чувствуя за спиной смрадное дыхание гниющей плоти. Петляя по переулкам, она влетела в распахнутую дверь многоквартирного здания, захлопнула её и, не помня себя, взлетела наверх, запирая за собой одну дверь за другой.

Бум. Бум. Бум. Реальность вернулась резким толчком.

Зарина открыла глаза. Последние лучи солнца золотили пыль в воздухе. Скоро стемнеет. В темноте её магия холода станет сильнее, но и они, эти твари, станут злее.

Она подтянула колени к груди, обхватив их дрожащими руками. Скипетр лежал рядом, камень в нём тускло мерцал, словно тоже устал. Ветреная, капризная «богиня холода», никогда ничего не доводившая до конца, сидела в пыли и ловила ртом спёртый воздух. В дверь били. Её иногда за глаза называли Богиней смерти, но сейчас она отчаянно, по-детски всхлипнула, боясь, что смерть пришла за ней самой. Но время шло, и спокойствие медленно возвращалось.

Тьма упала на город внезапно, словно тяжёлый бархатный занавес в финале трагедии. Зарина ждала этого момента, вжимаясь спиной в холод металла и чувствуя, как с последним лучом солнца уходит страх.

Бум. Бум. Бум. Мертвецы за дверь не уставали, не ведали сомнений. Они просто били. Монотонно. Вечно.

— Ну хватит, — прошептала Зарина одними губами, и впервые за этот кошмар её голос обрёл привычные капризные нотки. — Надоели.

Она поднялась, с трудом удерживая равновесие на одной уцелевшей шпильке, и оперлась ладонью о дверь. Дрожь от ударов отдавалась теперь не страхом, а силой.

Зарина глубоко вздохнула, откинув с лица растрепавшиеся пряди, и подняла скипетр. Голубой камень в наверху вспыхнул, осветив лестничную клетку призрачным сиянием. Она прижала свободную руку к губам, театрально оттопырив мизинец, и зашептала заклинание.

— Ну же, милый, покажи им, кто здесь настоящая хозяйка...

Воздух заскрипел, зазвенел тысячами крошечных ледяных игл. Из темноты начала кристаллизоваться влага. Сначала тонкая изморозь покрыла металл и косяк, затем выросла коркой, и вдруг с оглушительным хрустом взметнулась глыба. Гигантская стена чистого льда намертво впечатала дверь в проём, заблокировав её так, что теперь даже взрыв не сдвинул бы эту преграду.

Удары с той стороны стали глуше, обречённее. А потом и вовсе стихли. Мертвецы поняли тщетность усилий? Или просто нашли другую цель? Зарине было всё равно. Главное — тишина.

Она перевела дыхание и, чуть пошатываясь, подошла к окну в торце коридора. Луна уже поднялась, заливая двор молочным, обманчиво-спокойным светом. Внизу валялись перевернутые машины, темнели бесформенные кучи мусора. Но движения не было. Ни одного силуэта. Двор был пуст.

— Ах, какая прелесть, — промурлыкала Зарина, разглядывая луну. — Совсем как я... холодная и прекрасная.

Она распахнула окно, впуская свежий, чуть сырой воздух. Лететь вниз было высоко — этаж седьмой, не меньше. Но спускаться через подъезд, мимо этой двери и того, что за ней, было бы безумием.

Зарина выставила скипетр в окно, зажмурившись от удовольствия, словно художник перед чистым холстом.

— Сделаем лесенку... красивую, как в сказке.

Камень засиял. Из стены, прямо под подоконником, начал расти лёд. Он не просто выстул поверхность — он творил сам себя. С хрустальным звоном, переливаясь в лунном свете, вниз поползли прозрачные ступени. Неровные, изящно изогнутые, они были рождены не холодом, а прихотью капризной девы. Края украсились морозными узорами, перила завились ледяными лилиями, а поручни заиграли всеми оттенками синего — от нежного аквамарина до глубокого сапфира.

Зарина довольно хмыкнула, скинула уцелевшую туфлю и ступила на лёд босой ногой. Холод обжёт кожу, но для неё это была ласка, а не боль.

— Ну вот, совсем другое дело, — промолвила она, кокетливо подобрав остатки подола, и начала спускаться.

Она шла медленно, величаво, словно по подиуму. Ледяные ступени звенели под босыми ступнями, луна отражалась в глазах, и на миг Зарина снова почувствовала себя той самой Богиней холода, которой восхищались и которую боялись. Внизу ждала неизвестность, но ледяная лестница растаяла за спиной без следа, едва её пятки коснулись тротуарной плитки.

Она оглянулась на многоэтажку — чёрный, безжизненный силуэт на фоне звёздного неба, — машинально проверила косу. Голубая лента всё ещё держалась, хоть и выпачкалась в чём-то неупотребленном.

— Ну и ладно, — прошептала она, поднося мизинец к губам. — Подумаешь, платье испорчено. Зато я цела, а они там, за дверь, мёрзнут теперь.

Она решительно зашагала вперёд, держа скипетр наготове.

Город притворялся спящим. Зарина кралась вдоль стен, стараясь держаться теней, и впервые в жизни пожалела, что её любимый синий цвет так заметен в ночи. Луна, словно издеваясь, вылезла полная и яркая, заливая улицы призрачным светом.

На перекрёстке она увидела первого зомби. Он стоял спиной, покачиваясь, словно пьяный, и уставившись в разбитую витрину. Зарина замерла. Мертвец медленно, с хрустом позвонков, начал поворачивать голову.

— Не надо, милый, не смотри на меня, — прошептала она и взмахнула скипетром.

Лёд ударил бесшумно. Тонкая струя холода окутала мертвеца, и он замер в полуобороте, покрываясь прозрачной коркой. Лунный свет заиграл в гранях ледяной статуи, и она вышла почти красивой — мужчина в рваном пальто с застывшим на лице вечным удивлением.

— Вот так-то лучше, — кивнула Зарина и двинулась дальше, оставив изваяние посреди перекрёстка.

Она шла дворами, перебегала просветы улиц короткими перебежками. В подворотне пришлось затаиться: мимо проковыляла целая процессия, десятка два мертвецов, тащивших за собой тряпки и сумки, будто они ещё помнили о мирском скарбе. Зарина вжалась в стену, зажав рот ладонью, и считала до ста, пока шарканье не стихло.

Второго она заморозила у детской песочницы. Тот копошился в песке, словно искал что-то важное. Зарина подкралась сзади на цыпочках, морщась от того, как гравий впивается в нежную кожу, и коротким жестом превратила его в ледяную скульптуру. Получился забавный экспонат: скрюченная фигура с руками, погружёнными в песок.

— Сиди уж, — фыркнула она и зашагала дальше.

Третьего она заметила слишком поздно. Он выскочил из-за трансформаторной будки почти вплотную. Зарина вскрикнула, отшатнулась, но скипетр взметнулся сам собой. Лёд ударил в упор, и мертвец превратился в глыбу в двух шагах от неё. Она стояла, тяжело дыша, глядя в его застывшие мутные глаза за прозрачной коркой, и чувствовала, как колотится сердце.

— Дурак какой, — выдохнула она, прижимая ладонь к груди. — Напугал Богиню смерти... вот и получил.

Луна спряталась за облако, и стало совсем темно. Зарина обрадовалась было, но тут же споткнулась о какой-то хлам и едва не упала, взмахнув руками. Скипетр высек искру, на мгновение озарив всё вокруг голубым светом. Этого хватило, чтобы разглядеть впереди огромный тёмный силуэт.

Здание стояло на отшибе: приземистое, с плоской крышей и чёрными провалами окон. Над входом, подсвеченная луной, висела вывеска. Буквы облупились, но читались ясно: «МАР-КЕТ».

— Ой, какая прелесть, — выдохнула Зарина и тут же прикрыла рот ладошкой.

Она подкралась ближе, прячась за кустами одичавшей малины. Супермаркет выглядел давно и безнадежно заброшенным. Стекланные двери были разбиты, в чёрном проёме колыбался обрывок полиэтилена. Вокруг валялись ржавые тележки, одна была сплющена так, будто по ней проехал танк.

Внутри пахло затхлостью, гнилью и чем-то сладковатым, отчего к горлу подкатывал ком. Торговый зал тонул в полумраке. Ряды стеллажей стояли неровно, многие были повалены. Лунный свет струился сквозь разбитые окна под крышей, рисуя на полу причудливые полосы, в которых танцевала пыль.

И в этом призрачном свете Зарина увидела их.

Мертвяков было пятеро. Один застыл у пустой кассы, протягивая руку к ленте. Двое копошились у полок с консервами. Четвёртый сидел на корточках в проходе и что-то жевал. Зарина отвела взгляд. Пятый стоял в центре зала, лицом ко входу, и медленно поворачивал голову, будто прислушиваясь.

Девушка затаила дыхание. Осторожно, шаг за шагом, она начала обходить зал по периметру. Мертвец в центре вдруг остановил своё качание и повернул голову прямо в её сторону. Чёрные провалы глаз смотрели сквозь неё целую вечность. Потом он снова закачался.

— Фух, — выдохнула она.

Она подняла скипетр. Первый, у кассы, даже не понял, что произошло. Лёд сковал его мгновенно. Вторым и третьим дёрнулись, но было поздно — через секунду они уже стояли ледяными близнецами над консервами. Четвёртый застыл в своей жуткой позе. Остался главный.

Он почувствовал неладное. Медленно повернул голову и вдруг открыл рот, собираясь издать тот самый тошнотворный вопль, которым твари, кажется, созывали своих.

— Не надо, миленький, — прошептала Зарина и взмахнула скипетром.

Ледяная струя ударила ему прямо в глотку. Звук застрял внутри, превратившись в булькающий хрип. Перед Зариной стояла пятая статуя — с застывшим криком, вытаращенными глазами и рукой, протянутой в её сторону.

Тишина.

Зарина выдохнула и, пошатываясь, направилась вглубь магазина, туда, где угадывались ряды с одеждой.

Отдел текстиля встретил её разорением. Она шла между рядами, брезгливо перебирая остатки бывшего великолепия, пока в самом конце не увидела ЕГО.

Платье. Синее. Именно того оттенка, который она любила — глубокого, насыщенного, цвета вечернего неба перед первой звездой. Оно висело на плечиках, чудом уцелевшее, нетронутое, словно его берегли специально для неё.

— Ах... — выдохнула Зарина, прижимая платье к груди. — Миленькое... Моё.

Она щёлкнула пальцами, и в воздухе материализовались десятки крошечных парящих льдинок, заливших закуток призрачным перламутровым сиянием. Скипетр она прислонила к стене. Старое платье упало к ногам грязной тряпкой, остатки чулок сползли с ног жалкими лоскутами.

В свете льдинок её фигура казалась выточенной из мрамора, даже несмотря на ссадины и синяки. Она тщательно вытерлась влажными салфетками, найденными на полке, стирая с себя грязь и липкий страх.

Затем настал черёд нижнего белья. Она перебирала упаковки с истинным наслаждением, пока не наткнулась на небесно-голубой шёлк. Надев кружевные трусики и застегнув бюстгалтер, она покрутилась перед тёмным стеклом витрины, поднесла мизинец к губам и осталась довольна.

Теперь — раны. Зарина села на пол и положила скипетр на колени. Целительство никогда не было её сильной стороной. Она направила холод в своё тело, стягивая края порезов. Ссадина на руке затянулась, глубокая рана на ступне закрылась, оставив лишь розовый след.

Она открыла глаза и посмотрела на скипетр. Камень едва мерцал. Тусклый, болезненный свет еле теплился в глубине, и Зарине показалось, что она слышит, как он плачет.

— Глупенький, — прошептала она, прижимая скипетр к груди, и слёзы навернулись на глаза. — Ну что мы сегодня намагичили? Всего ничего. Где моя сила?

Льдинки вокруг начали тускнеть и таять, капая на грязный пол прозрачными слезами. Сила уходила.

— Ну ничего, — прошептала Зарина, встряхнув головой так, что русые волосы рассыпались по плечам. — Мы справимся. Ты служишь настоящей Богине. А богини не сдаются.

Она поцеловала тусклый камень, поднялась и потянулась к новому синему платью.

Ткань приятно холодила пальцы. Платье село почти идеально, облекая фигуру и открывая стройные ноги. Она нашла чёрные лаковые лодочки на шпильке и новые чулки. Одевшись, она снова покрутилась у витрины, ловя своё смутное отражение.

— Хороша, — констатировала она. — Даже слишком хороша для этого сарая.

Она подошла к окну, чтобы оценить, сколько осталось до рассвета, и замерла.

Вдали, на пустыре, двигались тени. Много теней. Они шатались, падали и поднимались, неуклонно приближаясь. Десятки, может быть, сотни. Мертвецы шли от города. Шли по её следу.

— Ой... — выдохнула Зарина, и дыхание перехватило.

Глава 2 От красоты к выживанию

Глава 2 От красоты к выживанию

«Красота спасёт мир? Глупости. Красота не спасла даже мои туфли».

— Из будущих мемуаров Зарины

Тени приближались. Медленно, но неотвратимо. У неё было, может быть, полчаса, может быть, час, прежде чем они окружат супермаркет.

Зарина отшатнулась от окна, прижала руку к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. Мизинец сам собой взметнулся к губам, но даже это привычное движение не принесло успокоения.

— Нет, нет, нет... — зашептала она. — Только не снова. Я не могу, я не хочу...

Она заметалась по отделу, цокая каблучками по кафелю. Взгляд упал на скипетр, стоящий в углу. Камень в навершии был почти мёртв — тусклая, едва теплящаяся точка в глубине.

— Я не смогу их всех, — выдохнула она. — У меня нет сил...

И тогда её прорвало.

Она упала на колени прямо посреди отдела — в новом платье, в новых чулках — и зарыдала. Слезы текли по щекам, капали на синюю ткань, оставляя тёмные пятна. Она закрыла лицо руками и плакала навзрыд, как ребёнок, не стесняясь, ощущая жгучую обиду.

— За что? — всхлипывала она. — За что мне это? Я же ничего плохого не сделала... ну подумаешь, кокетничала немного... ну подумаешь, мёртвых поднимала когда-то... что вообще здесь происходит?

Она подняла голову, посмотрела на своё отражение в тёмном стекле витрины и зарыдала с новой силой.

— Красивая, глупая, беспомощная... Что я могу? Замораживать? А они встают снова... Скипетр почти умер... Бегать на каблучках?

Она опустила взгляд на свои ноги — на изящные чёрные лодочки на шпильке, на тонкие чулки, на идеальное платье — и вдруг её охватила ярость. Ярость на себя, на свою глупость, на свою жеманность, на свою ветреность, которая довела её до этого.

— Ненавижу! — закричала она и рванула ворот платья.

Ткань жалобно затрещала. Зарина рвала её руками, с остервенением, с каким-то диким наслаждением. Пуговицы летели в стороны, подол трещал по швам. Она стащила платье через голову, отбросила в сторону — синий лоскут упал на пыльный пол, жалкий и растерзанный.

Чулки. Она села на пол, с ожесточением стянула их, порвав в нескольких местах, и швырнула вслед за платьем. Туфли полетели туда же — одна ударилась о стену, другая закатилась под стеллаж.

Зарина осталась в одном белье — в том самом синем шёлковом комплекте, который так тщательно выбирала всего несколько минут назад. Она сидела на полу, тяжело дыша, с мокрым от слёз лицом, и смотрела на груды красивых, бесполезных вещей.

— Дура, — прошептала она. — Какая же я дура.

Она поднялась на ноги, вытерла слёзы тыльной стороной ладони и решительно направилась к стеллажам с другой одеждой. Не к той красивой, а к той, что висела в дальнем углу: практичной, удобной, грубой.

Она перебирала вещи лихорадочно, отбрасывая одну за другой. Джинсы — слишком узкие, не побегаешь. Юбка — длинная, запутаешься. Шерстяное платье — тёплое, но сковывает движения.

Наконец она нашла.

Тёмно-синие спортивные штаны — мягкие, эластичные, с удобным поясом. Чёрная водолазка из плотного трикотажа — облегающая, но не стесняющая движений. Тёплая куртка на флисе — тоже синяя, но уже не небесного, а глубокого, почти чёрного оттенка.

И обувь. Кроссовки. Самые обычные, чёрные, с толстой подошвой и крепкими шнурками.

Зарина оделась быстро, без кокетства, без любования собой. Штаны сели хорошо, водолазка защищала горло, куртка была чуть великовата, но это даже к лучшему — не сковывает движения.

Она зашнуровала кроссовки, встала, сделала несколько шагов. Тихо. Мягко. Пружинисто. В такой обуви можно бежать — долго и быстро.

Зарина подошла к тёмному стеклу витрины, посмотрела на своё отражение. Из темноты на неё смотрела незнакомка — собранная, серьёзная, готовая к бою. Только заплаканные глаза и растрёпанная коса выдавали, что это та самая девушка, которая полчаса назад кружилась перед зеркалом в красивом платье.

— Так надо, — прошептала она себе. — Так правильнее.

Она подняла скипетр с пола, погладила умирающий камень и огляделась в поисках чего-нибудь, куда можно убрать оружие, чтобы не мешало бегу. Взгляд упал на стеллаж с туристическим снаряжением — палатки, спальники, фонарики и... рюкзаки. Чёрный, вместительный, с широкими лямками и множеством карманов. Идеальный.

— Ах ты мой хороший, — прошептала она, срывая рюкзак с вешалки. — Составишь мне компанию.

Она накинула его на одно плечо и побежала в продуктовый отдел. Консервы — вот что нужно. Лёгкие, сытные, не портятся. Зарина хватала банки с полок и кидала в рюкзак, не глядя: тушёнка, сгущёнка, рыбные консервы, горошек. Рюкзак тяжелел с каждой секундой.

— Так, хватит, — решила она, когда лямки начали впиваться в плечи. — А то не убегу.

Скипетр нашёл своё место в одном из боковых карманов — так, чтобы можно было быстро достать. Она застегнула рюкзак, закинула его на оба плеча и замерла на мгновение, прислушиваясь.

Снаружи доносился глухой, нарастающий шум — шарканье сотен ног, хрипы, стоны. Они были совсем близко.

— Ну, красавица, — выдохнула она и рванула к чёрному ходу.

Пробегая мимо кассы, Зарина вдруг заметила на прилавке сложенную карту — туристическую, с подробным планом местности. Рука сама собой метнулась вперёд, схватила карту и сунула под лямку рюкзака. Инстинкт выживания сработал быстрее, чем она успела подумать.

Дверь чёрного хода поддалась с визгом ржавых петель. Зарина выскочила на задний двор супермаркета и побежала, не разбирая дороги. Под ногами хрустел битый кирпич, хлестали кусты одичавшей малины, но она не останавливалась.

Впереди, за покосившимся забором, начинались частные домики — маленькие, деревянные, с тёмными окнами и заросшими палисадниками. Зарина перемахнула через забор, даже не заметив, как это сделала, — адреналин нёс её на крыльях.

Первый зомби выскочил из-за сарая внезапно, будто чёрт из табакерки. Зарина взвизгнула, но рука нащупала скипетр и взметнулась сама собой. Лёд ударил в грудь мертвеца, и тот замер, превращаясь в статую с вытянутыми руками. Зарина обежала его по широкой дуге, даже не оглянувшись.

Второго она заметила издалека — он ковылял по улице между домами, загораживая проход. Зарина свернула в проулок, перелезла через ещё один забор и оказалась в чьём-то огороде. Картофельная ботва вперемешку с высокой травой хлестала по ногам, норовила поставить подножку, но девушка бежала.

Третий вылез прямо из погребка. Крышка люка откинулась, и оттуда показалась гнилая рука, а следом и вся тварь. Зарина закричала от неожиданности и ударила скипетром почти вслепую. Лёд сковал мертвеца в тот момент, когда тот уже наполовину выбрался наружу, и он остался торчать из погребка ледяным памятником.

Четвёртый, пятый и шестой попались навстречу дружной троицей. Зарина резко затормозила, развернулась и побежала обратно, петляя между домами. Сердце колотилось, казалось, где-то в горле, рюкзак тянул плечи, но она не смела остановиться. За спиной слышалось шарканье — зомби не отставали.

Она свернула за угол, пробежала через чей-то палисадник, выскочила на другую улицу. Здесь было пусто. Зарина перевела дух, прижимаясь спиной к стене какого-то сарая, и, прислушавшись, с удивлением услышала тишину. Зомби отстали. Потеряли её из виду?

— Умница, — прошептала она себе, вытирая пот со лба. — Умница, девочка.

Она выглянула из-за угла — никого. Впереди, за последними домиками, темнел лес. Чёрный, густой, пугающий, но сейчас он казался спасением. В лесу легче спрятаться, легче затаиться, легче уйти от погони.

Зарина рванула к лесу, уже не прячась, не петляя, — она просто бежала со всех ног, насколько хватало сил. Крайние дома пронеслись мимо, и вот она уже выскочила на открытое пространство — полосу пожухлой травы между огородами и первой линией деревьев.

И тут из земли прямо под ногами полезли руки.

Почва буквально всколыхнулась и пошла волнами. По-видимому, раньше здесь, прямо на этом поле, похоронили убитых в первые дни катастрофы. И теперь они оживали прямо под ногами волшебницы. Гнилые пальцы хватили за кроссовки, за штанины, тянули вниз.

— Пусти! — закричала Зарина, срываясь на визг. — Пусти, гадина!

Она била скипетром наотмашь, не целясь, просто вокруг себя. Лёд разлетался во все стороны, замораживая траву, землю, тянущиеся руки. Одна мёртвая кисть вцепилась ей в щиколотку — Зарина взвизгнула, ударила по ней скипетром, и рука, превратившись в ледышку, рассыпалась крошечками от удара.

Она вырвалась, споткнулась, упала на колени, тут же вскочила и побежала дальше. Рюкзак мотался из стороны в сторону, консервы гремели, но она не останавливалась. Лес был рядом, совсем рядом.

Первые деревья встретили её тишиной и прохладой. Зарина влетела в чащу, пробежала ещё метров двести, споткнулась о корягу и рухнула на колени, тяжело дыша. Она подняла голову, прислушалась.

Вдали слышались хрипы и шорохи. Они то приближались, то становились тише. По всей видимости, её потеряли из виду.

Зарина когда-то считала себя довольно опытным некромантом и знала ряд правил, которым подчиняются ходячие мертвецы. То, что сейчас они не заходили в лес, одновременно с тем, что на них не действовала магия упокоения, наводило на мысль о хозяине-некроманте, который их поднял. Ей стало очевидно: он дал тварям определённые команды, которым они слепо следовали. Почему-то их призыватель решил ограничить их передвижение, запретив заходить в лес. Как же это было на руку девушке сейчас!

Она сидела на коленях среди мха и палой листвы, хватая ртом воздух. Руки дрожали, ноги дрожали, всё тело, казалось, горело. Скипетр валялся рядом, камень в нём пульсировал едва заметно, почти не подавая признаков жизни.

— Жива, — прошептала она, и губы её задрожали. — Жива, дура... жива...

Она подползла к ближайшему дереву, привалилась спиной к шершавому стволу и закрыла глаза. Слезы текли по щекам, но она даже не замечала их. В голове было пусто, только сердце колотилось где-то в ушах: бум-бум-бум, бум-бум-бум.

Так она сидела несколько минут. Потом открыла глаза, вытерла слёзы рукавом куртки и посмотрела вверх — сквозь чёрные ветви виднелось звёздное небо. Тишина. Настоящая, лесная, живая тишина.

— Ну вот, — прошептала Зарина, поправляя сползший с плеча рюкзак. — Добежала.

Она пошарила рукой рядом, нащупала скипетр, поднесла к лицу. Камень почти не светился, но не погас совсем.

— Потерпи, милый, — прошептала она, поглаживая его пальцем. — Мы отдохнём немного и пойдём дальше. Только подальше от этих... от всех.

Она подтянула колени к груди, обхватила их руками, положила голову на рюкзак и замерла, прислушиваясь к ночному лесу. Где-то ухнула сова, прощуршила мышь, упала шишка. Жизнь продолжалась. И ей нужно было подумать, как жить дальше.

Зарина сидела под деревом, приходя в себя после безумного бега. Сердце постепенно успокаивалось, дыхание выравнивалось, и только противная дрожь в коленях никак не хотела проходить. Она машинально ощупывала себя в поисках повреждений одежды и ран, когда пальцы наткнулись на что-то гладкое, бумажное, на плече, придавленное лямкой рюкзака. Волшебница выхватила свёрток и осмотрела. В руках у неё оказалась карта.

Она уставилась на сложенный в несколько раз лист и только через несколько секунд сообразила, что это та самая карта, которую она в последний момент сцапала с прилавка в супермаркете. Просто сунула под лямку рюкзака, не глядя, на автомате.

— Ах ты ж... — выдохнула Зарина и прижала карту к груди. — Умница, девочка. Умница.

Она развернула лист, рассматривая в свете скипетра и луны, проглядывающей сквозь ветви деревьев. Карта была подробная, со всеми населёнными пунктами, дорогами и даже лесными массивами. Зарина водила пальцем по бумаге, пытаясь сориентироваться, и чувствовала себя ужасно глупо.

— Ну и где я? — прошептала она, нахмутив аккуратный носик. — Лес... лес... лес кругом. Где конкретно?

Она вертела карту и так и эдак, пока не наткнулась взглядом на знакомое название. Посёлок. Тот самый, через который она пробежала, удирая от города. А вот и ручей, который она перепрыгнула, сама не заметив как. А вот и...

— Ой, — выдохнула Зарина и прижала палец к губам. Мизинец привычно оттопырился.

Она нашла себя. Вот здесь, судя по всему, этот дурацкий супермаркет. А вот здесь, где она сидит сейчас, — лесной массив, обозначенный зелёным пятном. Она провела пальцем по карте, прикидывая расстояние, и вдруг замерла.

Знакомое название бросилось в глаза.

«Вилла "Северный ветер". Частное владение».

— Ой, мамочки... — прошептала Зарина, и сердце её пропустило удар.

Вилла Артура. Того самого. Высокого, статного, с благородной сединой на висках и такими нежными руками... Премьер-министр этой несчастной страны, который носил её на руках, дарил бриллианты и клялся, что разведётся с женой ради неё. Разводиться она его отговорила, а потом и вовсе смылась с планеты. Но вилла осталась.

Зарина поднесла карту к самому носу, вглядываясь в цифры и отсчитывая по масштабу расстояние до виллы. Раз, два, три... восемь километров.

— Всего восемь, — выдохнула она. — Всего восемь километров. Там есть стены, там есть охрана... была, по крайней мере. Там может быть еда, вода, тёплая постель...

Она представила себе эту постель — огромную, с балдахинном, которую Артур заказывал специально из соседней страны. Представила ванну из розового мрамора, которая ей так нравилась. Представила винный погреб, полный дорогих бутылок. Не могли же они не защитить премьер-министра своей страны, даже если случился конец света!

— Иду, — решительно сказала Зарина. — Иду, даже если там сейчас эти твари всё захватили. Лучше умереть в роскоши, чем в лесу под кустом.

Она сложила карту, сунула за пазуху, и тут же её осенила ужасная мысль.

— А как я иди-то буду? — простонала она, закатив глаза. — Ночь, лес, ни звёзд не видно, ни дороги... Я ж заблужусь в трёх соснах, я ж без навигации...

Она готова была разреваться снова. Ну почему, почему она не подумала об этом раньше? Почему не взяла в супермаркете навигатор, компас, хоть что-нибудь? Дура, дура, дура...

Зарина в отчаянии хлопнула ладонью по рюкзаку, который лежал рядом, и вдруг замерла. Пальцы нащупали что-то твёрдое, круглое, вплетённое в лямку.

Она поднесла рюкзак к глазам и увидела светящуюся стрелку.

Компас.

Обычный туристический компас, встроенный прямо в лямку. Маленький, круглый, со светящимися в темноте стрелками и шкалой. Она даже не заметила его, когда хватала рюкзак с вешалки. Просто схватила первый попавшийся, а он оказался с компасом.

— Ах ты ж... — выдохнула Зарина, и глаза её наполнились слезами — на этот раз слезами облегчения. — Ах ты ж мой хороший... мой умничка... мой спаситель...

Она припала губами к компасу и поцеловала его прямо в стекло, как целуют икону или портрет любимого.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо тебе, миленький. Ты не представляешь, как я тебя люблю.

Она ещё раз чмокнула компас, погладила рюкзак, прежде чем надеть его на плечи. Затем девушка вытерла слёзы и поднялась на ноги. Рюкзак закинут на плечи, скипетр в боковом кармане, карта за пазухой, компас на лямке. Можно двигаться.

Она сверилась с компасом, определила нужное направление и шагнула в лесную темноту, осторожно переступая через корни и кочки.

Луна на мгновение выглянула из-за облака, осветив её фигуру. Девушка в тёмной спортивной одежде, с тяжёлым рюкзаком за плечами и скипетром с едва мерцающим голубым камнем пробиралась сквозь лес. Красивая, решительная, с мокрыми от недавних слёз глазами и упрямо сжатыми губами.

Восемь километров через ночной лес — не расстояние для той, кто когда-то правил ледяными пустошами. Но сейчас каждый шаг давался Зарине с трудом. Ноги гудели, рюкзак тянул плечи, а в голову лезли мысли, от которых становилось тошно и сладко одновременно.

Она шла, сверяясь с компасом, перешагивая через поваленные стволы и раздвигая ветки, которые так и норовили хлестнуть по лицу. Лес жил своей жизнью — где-то ухало, шуршало, попискивало. Зарина вздрагивала от каждого звука, но продолжала идти.

И вдруг её осенило.

— Подожди-ка, — прошептала она, останавливаясь посреди полянки, залитой лунным светом. — Это сколько же я здесь не была?

Она провела рукой по коре старого дуба, и воспоминания нахлынули волной.

— Вот здесь стояла избушка знахарки... Как же её звали? Баба Глаша? Или баба Дуня? Ах, неважно. Умерла давно. Все умерли.

Она пошла дальше, и с каждым шагом прошлое оживало. Вот на этом пригорке она морозила ручей, чтобы перейти на другой берег. А здесь, вон в том овраге, пряталась от охотников на ведьм — глупые люди с факелами, которые думали, что могут сжечь ту, кто повелевает холодом.

— Триста лет, — прошептала Зарина, и в голосе её прозвучала непривычная грусть. — Я не возвращалась сюда почти триста лет. Все, кого я знала... все умерли. Друзья, враги, любовники... все.

Она вспомнила Артура — того самого премьер-министра. Красивый мужчина, властный, страстный... Он умер. И дети его умерли, и внуки.

— В школе проходили, — усмехнулась она, раздвигая ветки. — «Богиня холода Зарина, правившая в двадцать шестом веке, легендарная волшебница, известная своей ветреностью и красотой». Деточки писали контрольные, рисовали мои портреты по описаниям... и не знали, что я ещё жива.

Эта мысль неожиданно согрела. Если на вилле остались живые — охрана, прислуга, кто угодно, — они не посмеют выгнать её. Она же легенда. Она же в учебниках. Она же богиня, в конце концов!

— Представляю, — хихикнула Зарина, поднося мизинец к губам. — Откроют дверь, а там я — грязная, уставшая, но всё ещё та самая Зарина, о которой писали в учебниках. Ах, Артур, ну почему ты не дожил до этого момента...

Она мечтательно закатила глаза и сделала шаг вперёд, прямо в центр небольшой поляны. И тут лес взорвался воем.

Зомби-волки вылетели из темноты бесшумно, как тени. Серые, полупрозрачные в лунном свете, с горящими мёртвым огнём глазами и оскаленными пастьми, из которых капала чёрная слизь. Семеро. Они окружили её мгновенно, взяв в кольцо.

— Ой... — только и успела выдохнуть Зарина.

Глава 3 Код красный: синяя ведьма

«Объект женского пола, рост выше среднего, волосы русые, глаза синие. Особые приметы: невероятное самомнение, склонность к театральным жестам, способность замораживать всё в округе. Рекомендация: не злить ни при каких обстоятельствах. Пытаться задобрить, наладить контакт, доложить ближайшему военному командованию зашифрованное сообщение "код красный: синяя ведьма"».

— Из приложения №7 «Бестиарий» к «Международной инструкции по выживанию»

Первый волкозомби прыгнул сразу, целясь в горло. Зарина рухнула на спину, выставляя перед собой скипетр. Лёд ударил наугад, но волк замер в прыжке, превратившись в ледяную статую. Глыба рухнула в двух сантиметрах от её лица и разбилась вдребезги, осыпав щеки колючей крошкой.

Но остальные были уже здесь.

Второй вцепился в рюкзак, рванул — лямка затрещала, куртка разошлась по шву, и когти полоснули по спине. Зарина закричала и ударила тварь скипетром по голове. Лёд сковал оскаленную морду, волк рухнул на землю.

Третий прыгнул сбоку. Зарина встретила его ледяной стрелой, вырвавшейся прямо из камня. Стрела пронзила тварь насквозь и пригвоздила к дереву — волк задёргался, захрипел и затих, превращаясь в ледяное изваяние.

— Ах вы твари! — кричала она, размахивая скипетром. — Ах вы мрази!

Четвёртый вцепился в ногу. Зарина взвыла от боли, чувствуя, как клыки рвут штанину и впиваются в кожу. Она ударила волка по спине — тот окоченел, превратившись в кусок льда, но челюсти так и остались сомкнутыми на её икре.

Пятый и шестой напали одновременно. Зарина отбивалась скипетром как дубинкой — лёд разлетался во все стороны, замораживая траву, кусты, воздух. Одного она задела по башке, и тот рассыпался ледяной крошкой. Второй увернулся и прыгнул снова.

Седьмой волкозомби был самым крупным, вожак при жизни. Он ждал своего момента. Он стоял в стороне и смотрел мёртвыми глазами, не вмешиваясь, словно изучал добычу.

Зарина боролась с шестым, чувствуя, как уходят последние силы. Скипетр пульсировал слабо, едва теплясь. Она прижалась спиной к дереву и била наотмашь, пока волк не отшатнулся, получив порцию холода в морду.

И тогда прыгнул вожак.

Он был огромный — размером с телёнка. Пасть клацнула в миллиметре от лица, и Зарина закричала, выставив перед собой скипетр как щит. Волк вцепился зубами в древко, и они замерли в диком танце: она — прижатая к дереву, он — давящий всей массой, пытающийся добраться до горла.

— Ну уж нет! — прохрипела Зарина, собирая последние крохи силы. — Я — богиня! Я — Зарина! Я — смерть!

Она ударила волка лбом в переносицу, и в тот же миг из скипетра вырвался последний, отчаянный всплеск холода. Лёд пополз по морде зверя, запечатывая глаза, пасть, уши. Волк замер, превращаясь в статую, и Зарина, собрав остатки сил, толкнула его.

Ледяное тело рухнуло и разбилось на тысячу осколков.

Тишина.

Зарина сползла по дереву на землю, тяжело дыша. Вокруг валялись осколки льда, перемешанные с чёрной слизью и клочьями шерсти. Рюкзак был порван, куртка висела лохмотьями,

штанина разодрана в клочья. На ноге, впившись в плоть, всё ещё сжимались мёртвые челюсти — из-под гнилых зубов сочилась кровь.

Она посмотрела на свои руки — они дрожали. На скипетр — камень в нём погас совсем. На ногу — волчьи укусы саднили невыносимо.

Девушка с силой разжала зубы почившей твари и высвободила ногу, откинув замороженный череп в сторону.

— Жива... — прошептала она разбитыми губами. — Жива, дура...

Она попыталась встать, но нога подкосилась, и Зарина снова упала, прижимаясь спиной к спасительному дереву.

— Вот тебе и богиня, — усмехнулась она сквозь слёзы. — Богиня, которую чуть не сожрали мёртвые собачки...

Она закрыла глаза, чувствуя, как по щекам текут слёзы — от боли, от страха, от отчаяния. Но где-то глубоко внутри, под слоем усталости и ужаса, теплилась искра упрямства.

— Ничего, — прошептала она. — Надо идти вперёд. Там вилла. Там ванна. Там постель. Там...

Она замолчала, потому что не знала, что там. Может быть, смерть. Может быть, новые зомби. Может быть, пустота.

Но выбора не было.

Зарина открыла глаза, закусил губу, подтянула к себе порванный рюкзак и, опираясь на ствол дерева, с трудом поднялась на ноги. Рваная штанина промокла от крови, каждый шаг отдавался болью во всём теле, но она прошла несколько шагов. Скипетр, потухший и почти бесполезный, занял своё место в боковом кармане. Компас на лямке показывал всё то же направление. Восемь километров превратились в неизвестность, но надо было идти.

Лес начал редеть. Зарина шла, прихрамывая на правую ногу, — волчьи укусы пульсировали болью при каждом шаге, но останавливаться было нельзя. Она перевязала рану на ноге остатками штанины, но повязка уже вся пропиталась кровью, которая не желала останавливаться.

Рассвет ещё не наступил, но небо на востоке начало светлеть — первые робкие признаки серости пробивались сквозь чёрные кроны деревьев. Зарина брела, спотыкаясь о корни, и вдруг поняла, что местность становится знакомой.

Вот этот овраг. Триста лет назад здесь протекал ручей, в котором она купалась лунными ночами. Сейчас ручей пересох, овраг зарос кустарником, но очертания были те же. А вот тот холм — на его вершине когда-то стояло языческое капище, где смешные древние приносили жертвы несуществующим богам. Капища давно не было, холм зарос лесом, но форма...

— Я близко, — прошептала Зарина, и сердце забилось быстрее.

Она вышла на небольшую поляну и замерла.

Запах. Она почувствовала его сразу — тошнотворный, сладковатый запах горелой плоти, смешанный с пороховой гарью. Так пахнет смерть. Не естественная, не тихая, а насильственная, быстрая, огненная.

Зарина огляделась и увидела.

На краю поляны, у поваленного дерева, лежало несколько тел зомби — пять или шесть штук — сожжённых до состояния обугленных головешек. От них остались только чёрные скелеты, скрюченные в последних конвульсиях, с проваленными грудными клетками и обгоревшими черепами. Кожа слезла, мышцы превратились в угли, но форма всё ещё угадывалась — человеческая. Когда-то это были люди.

Зарина подошла ближе, зажимая нос рукавом куртки. Вонь была невыносимая, но она заставила себя смотреть. Обугленные пальцы всё ещё тянулись к небу, черепа скалились в вечном крике. Кто-то сжёг их заживо. Или, если речь о зомби, то уже замертво — сейчас было не понять.

— Люди, — выдохнула она. — Здесь были люди. С огнемётами или... или чем-то таким. Она пошла дальше, и следы присутствия людей становились всё отчетливее.

Под ногами захрустело. Зарина опустила взгляд и увидела гильзы. Много гильз. Они валялись повсюду — на тропинке, в траве, между корней деревьев. Латунные, с тёмными пятнами нагара, ещё пахнущие порохом. Автоматные. Зарина подняла одну, поднесла к глазам. На донышке была выбита маркировка — 5.45. Она не разбиралась в оружии, но это явно были военные патроны.

— Стреляли, — прошептала она. — Много стреляли.

Она шла дальше, и гильзы не кончались. Они устилали тропу, словно здесь прошёл не один человек, а целый отряд. Сотни гильз. Вон там, под кустом, целая россыпь, кучка гильз у дерева. Можно было различить позиции бойцов, с которых они отстреливались от зомби.

Зарина представила эту картину. Люди в камуфляже, с автоматами наперевес, бегут через лес, отстреливаясь от мертвецов. Очереди режут тишину, зомби падают, но встают снова, и тогда в ход идёт огонь...

Она вышла на другую поляну и поняла, что была права.

Здесь развернулся настоящий бой. Трава выжжена кругами — работа огнемётов или зажигательных гранат. Вокруг валялись обгоревшие останки зомби — десятки, может быть, сотня. Чёрные скелеты громоздились друг на друге, образуя жуткие холмики из костей и углей. Деревья вокруг были иссечены пулями — кора содрана, в стволах зияли свежие отверстия.

И снова гильзы. Тысячи гильз. Они хрустели под ногами, как гравий, забивались в подошвы кроссовок, поблёскивали в утреннем свете.

А ещё — мусор.

Зарина нагнулась и подняла яркую обёртку. Армейский сухпай. Надпись крупными буквами: «Рацион питания для военнослужащих. Срок годности...» Дальше было не разобрать — обёртка истлела по краям. Рядом валялись пустые консервные банки, пластиковые бутылки из-под воды, обрывки газет, окурки.

— Здесь был лагерь, — поняла Зарина. — Они стояли здесь. Недолго, но стояли.

Она оглядела поляну и увидела следы палаток — примятую траву, колышки, брошенный спальник, прожжённый пулями и пропитанный чёрной кровью. Видимо, не все ушли.

Лес снова начал редеть. Скоро должны были открыться подступы к вилле. Сердце кололось где-то в горле — от страха, от надежды, от предчувствия.

Зарина вышла на опушку и замерла.

Внизу, в пологой низине, виднелась вилла. Та самая — «Северный ветер». Трёхэтажное здание из светлого камня, с колоннами у входа, с башенками и шпилями, с большими окнами, выходящими на то, что когда-то было парком. Сейчас парк превратился в поле боя. Территория виллы была обнесена бетонным забором, поверх которого тянулись мотки колючей проволоки.

«Вот этого безобразия раньше точно не было», — подумала волшебница.

То здесь, то там виднелись ликвидированные прорывы зомби через забор — на проволоке висели гнилые останки пальцев, обрывки рук и ключья одежды.

Дорога, ведущая к воротам, была усеяна трупами зомби. Сотни мертвецов лежали слоями, и многие были сожжены — чёрные, обугленные, скрюченные. Между ними валялись гильзы, оружие, брошенные ящики из-под патронов. Ворота были сорваны с петель и валялись в стороне. На стенах виллы и на заборе виднелись следы пуль, выбоины, копать.

Но вилла не пустовала. Окна на первом этаже были заколочены досками, на втором кое-где зияли чёрными провалами выбитых стёкол. Крыша была цела, и из одной трубы даже вился тонкий дымок.

— Живые, — выдохнула Зарина, и слёзы брызнули из глаз. — Там живые.

Она хотела побежать вниз, к воротам, но нога подкосилась, и она упала на колени. Силы кончились. Она сидела на опушке, глядя на виллу, на дымок из трубы, на горы мёртвых тел вокруг, и плакала — от облегчения, от боли, от резко нахлынувшей бесконечной усталости.

— Я дошла, — шептала она разбитыми губами. — Я дошла... дошла...

Внизу, у виллы, мелькнула тень. Человеческая тень — с автоматом, в камуфляже. Часовой. Он ходил вдоль заколоченных окон, вглядываясь в лес.

Зарина попыталась встать, чтобы позвать его, но сил не было. Она только помахала рукой, но он не увидел — далеко, да и утро только начиналось, сумрак ещё скрывал опушку.

— Ничего, — прошептала она. — Я подожду. Я столько шла, подожду ещё.

Она привалилась к дереву, прижимая к груди порванный рюкзак с консервами и потухший скипетр, и стала ждать рассвета, глядя на виллу, где были живые люди.

Зарина так и просидела под деревом, собираясь с силами до самого рассвета. Когда солнце показало себя, заливая небо акварельными разводами розового и золотого, девушка решила, что пора. Внизу, у виллы, дымок из трубы становился всё отчётливее, а фигура часового так и двигалась вдоль заколоченных окон — туда-сюда, туда-сюда, как маятник.

— Ну, красавица, — прошептала она себе, хлопая ладонями по щекам. — Выходим на финальный аккорд. Сделаем ножку, улыбочку... и пусть эти вояки падают к твоим ногам.

Она поднялась, опираясь на ствол дерева. Нога ныла невыносимо, но Зарина закусил губу и зашагала вниз, к вилле. Рваная штанина, окровавленная и грязная; куртка, висящая лохмотьями; спутанная коса; синяки под глазами — она прекрасно понимала, что выглядит не как богиня, а как жертва кораблекрушения. Но природное кокетство никуда не делось, и она уже репетировала в голове ту самую улыбку, от которой мужчины краснели и запинаясь.

Она вышла из леса на открытое пространство и замахала руками.

— Эй! — крикнула она, насколько хватило сил. — Эй, люди! Я живая! Я человек!

Часовой на посту дёрнулся, вскинул автомат. Зарина продолжала махать, медленно приближаясь. Она старалась, чтобы движения были плавными, нерезкими — не угрожать, не пугать.

— Я своя! — кричала она. — Я не кусаюсь! Помогите!

Часовой что-то крикнул в ответ, но ветер унёс слова. А потом грохнул выстрел.

Пуля взрыла землю в трёх метрах от Зарины, и она взвизгнула, приседая и закрывая голову руками. Голос с виллы, усиленный расстоянием и паникой, донёсся отчётливо:

— Стоять! Не подходить! Замри!

Зарина замерла, подняв руки вверх. Сердце колотилось где-то в горле. Часовой целился в неё, и дуло автомата смотрело прямо в грудь.

— Я стою! — крикнула она. — Я стою, не стреляйте! Я человек!

Началось ожидание. Оно тянулось бесконечно долго. Часовой что-то говорил в рацию, поглядывая на неё. Зарина стояла с поднятыми руками, чувствуя, как затекают плечи, как кровь сочится из прокушенной ноги, как предательски дрожат колени.

Наконец дверь виллы приоткрылась, и оттуда вышли трое.

Военные. Настоящие военные в камуфляже, с автоматами наперевес, в бронежилетах и касках. Они двигались слаженно, прикрывая друг друга, и в каждом движении чувствовалась выучка. Подошли ближе, держа Зарину на прицеле.

— Руки держать там, где видно, — рявкнул тот, что шёл первым, коренастый, с нашивками старшего. — Не дёргаться.

Зарина замерла, изобразив на лице самую обворожительную улыбку, на которую была способна в таком состоянии. Глаза распахнула широко-широко, ресницами захлопала, мизинец оттопырила, прижав ладонь к груди.

— Мальчики, — протянула она жеманно, чуть покачивая бёдрами, насколько позволяла раненая нога. — Какое счастье вас видеть! Я уже думала, что умру в этом ужасном лесу одна-одинёшенька...

Старший нахмурился.

— Стоять. Не приближаться. Кто такая? Откуда? Как сюда попала?

Зарина продолжала улыбаться, хотя от усталости и боли сводило скулы.

— Я Зарина, — сказала она и добавила с придыханием: — Та самая Зарина. Богиня холода. Может, слышали? В школе проходили?

Военные переглянулись.

— Чего? — переспросил второй, молодой, с непонимающим лицом.

— Зарина, — повторила девушка, поведя плечом. — Легендарная некромантка. Красота и ужас Севера. Ну же, мальчики, не могли же вы прогуливать историю?

Старший медленно опустил автомат, целясь теперь не в грудь, а в живот. Лицо его стало каменным.

— Слышь, красавица, — процедил он сквозь зубы. — У нас тут зомби-апокалипсис, людидохнут как мухи, а ты мне сказки рассказываешь? Ещё раз спрошу: кто такая и откуда?

— Я же сказала, — Зарина начинала раздражаться. — Зарина. Богиня холода. Можно просто «ваше ледяное величество», если вам так удобнее.

— Ты совсем больная? — вмешался третий, здоровенный детина. — Командир, давай я её пристрелю и пойдём. Времени нет с психованными возиться.

— А ну цыц! — одёрнул его старший. Потом снова уставился на Зарину. — Документы есть?

— Какие документы, милый? — усмехнулась она. — У меня они тысячу лет назад сгорели в одном неприятном инциденте с инквизицией.

— Командир, — подал голос молодой. — Может, она правда с катушек съехала? От страха. Вон как её потрепало. Может, забрать, перевязать, а потом разберёмся?

Старший колебался. Он смотрел на Зарину — на её разодранную одежду, на окровавленную ногу, на бледное лицо с огромными синими глазами — и не знал, что думать.

— Слушай, девочка, — сказал он уже мягче. — Ты нам зубы не заговаривай. Скажи правду: кто ты, откуда идёшь, есть ли за тобой хвост. Мы тебе поможем, отмоем, перевежем.

— Я говорю правду, — отрезала Зарина, и терпение её кончилось. — Я Зарина. Я прожила здесь пару тысяч лет. Я повелеваю холодом. Я богиня, а вы... вы просто напуганные мальчики с игрушками!

Она хотела топнуть ножкой, но поняла, что это будет больно и некрасиво. Тогда она сделала надменный взгляд, вздёрнула носик, смотрела при этом куда-то вдаль.

— Ну всё, — здоровяк передёрнул затвор. — Командир, разреши.

И тут Зарина поняла: словами не убедить. Эти суровые вояки не верят в легенды, не верят в богинь, не верят ни во что, кроме своих автоматов и пайков. Придётся показывать.

Она медленно, очень медленно, чтобы не спровоцировать выстрел, опустила руку к поясу. Пальцы сомкнулись на древке скипетра.

— Ты чего? — рявкнул старший, вскидывая оружие. — Руки вверх!

— Тихо, тихо, — улыбнулась Зарина, вытаскивая скипетр. — Я только покажу вам маленькое чудо.

Камень в наверху был тускл, почти мёртв. Зарина закрыла глаза, собирая последние крохи силы — всё, что осталось после безумной ночи. Она шепнула скипетру:

— Ну же, милый, не подведи... ради меня...

И направила скипетр в землю.

Лёд пошёл от неё кругами, как по воде. Мёртвая трава вокруг покрылась инеем, зазеленела, засверкала. А потом, вскипая инеем, превращающимся в лёд, поляна радиусом метров

десять превратилась в ледяное зеркало. Ровное, гладкое, переливающееся в лучах восходящего солнца.

Зарина стояла в центре этого ледяного великолепия, тяжело дыша, и смотрела на военных.

Автоматы дрогнули.

— Твою ж мать... — выдохнул молодой и попятился.

— Что за... — начал старший, но голос его сел.

Детина смотрел на лёд под ногами, на своё отражение, на Зарину — и лицо его медленно наливалось ужасом.

— Командир... — прохрипел он. — Командир, это...

— Код красный! — заорал старший, хватаясь за рацию. — Код красный! Объект — твою мать — объект подтверждён! Синяя ведьма! Твою мать, приём, код красный!

Они пятились, скользя по льду, не сводя с Зарины глаз. Молодой упал на лёд, вскочил, побежал. Второй боец пятился, выставив оружие, и бормотал что-то невнятное.

— Код красный! — надрывался в рацию старший. — Тревога! Общий сбор! К вилле приближается... приближается Синяя Ведьма! Настоящая!

Зарина смотрела им вслед, тяжело опираясь на скипетр. Лёд под ногами начинал таять, силы кончились окончательно. Она улыбнулась — устало, но победно.

— То-то же, — прошептала она. — А то — «пристрелить», «психованная»... Вот теперь бегите, мальчики. Бегите и рассказывайте всем, кого встретили.

Глава 4. Ледяная стена

Глава 4. Ледяная стена

«Президент? Вертолёт? Переговоры? Мальчики, я не политик. Я богиня. У меня другие методы. Например, упасть в обморок или совершить чудо, или и то и другое сразу. Очень эффективно, между прочим.»

— Из будущих мемуаров Зарины, глава «О пользе репутации и вреде её отсутствия»

Вилла впереди гудела, как растревоженный улей. Из окон выглядывали люди, на балконах показались военные с оружием. А Зарина стояла на тающем льду, прижимая к груди потухший скипетр, и ждала, что будет дальше.

Лёд под ногами таял быстро, превращаясь во влажное хрустальное крошево, которое сверкало на солнце тысячами искр. Зарина чувствовала, как силы покидают её с каждой секундой. Перед глазами всё плыло, нога горела огнём, а в ушах стоял звон — то ли от истощения, то ли от криков военных, которые всё ещё метались за стенами виллы.

Она не знала, сколько прошло времени. Может, минута, может, десять. Она просто стояла и смотрела, как тает её чудо, и думала: «Ну вот. Сейчас они выйдут и пристрелят меня. И правильно сделают. Дуру такую...»

Но вместо выстрелов тяжёлая дверь виллы отворилась, и из неё вышел человек.

Он был в костюме. В настоящем костюме — тёмно-синем, с иголки, с белоснежной рубашкой и галстуком, завязанным идеальным узлом. Начищенные туфли блестели, диссонирова с грязью вокруг. Он шёл медленно, с поднятыми руками, и на лице его застыло выражение, которое Зарина не могла сразу определить — то ли страх, то ли благоговение, то ли и то и другое вместе.

За ним, словно тени, двигались военные. Они были без оружия. Первые двое несли стол. Обычный письменный стол, но сейчас он казался предметом из другого мира — мира, где люди завтракают, пьют кофе и не боятся мертвецов. Ещё двое тащили стулья — лёгкие, плетёные, с высокими спинками.

Процессия остановилась метрах в пяти от Зарины. Человек в костюме опустил руки и сделал шаг вперёд. Военные быстро, но аккуратно установили стол, поставили стулья по разные стороны и так же бесшумно отступили к вилле, оставив своего начальника один на один с богиней.

Мужчина поклонился.

Не кивнул, не наклонил голову — поклонился, как кланяются монархам или высшим существам. Медленно, с достоинством, но с явным подчинительным смыслом.

— Ваше... величество, — произнёс он, и голос его чуть дрогнул. — Или, простите, я не знаю, как правильно к вам обращаться. Мои люди... они доложили. Я...

Он запнулся, подбирая слова, и Зарина вдруг поняла, что этот взрослый, солидный человек в дорогом костюме боится её. Боится по-настоящему — до дрожи в коленях, до холодного пота под мышками.

Она чуть улыбнулась — устало, но с намёком на привычное кокетство.

— Можно просто Зарина, — сказала она. — Мы не в двадцатом веке, церемонии отменили.

Мужчина выдохнул с облегчением, но поклон повторил — на всякий случай.

— Меня зовут Семён Васильевич, — представился он. — Я... здесь была должность управляющего этой виллы. До всего этого. Сейчас я просто старший гражданский среди выживших. Прошу вас, присядьте. Вы, кажется, едва стоите.

Зарина покосилась на стул — плетёное сиденье, удобная спинка, стоит на твёрдой земле прямо рядом с тающим льдом. Так и манит присесть.

— Ах, милый, — выдохнула она. — Вы даже не представляете, как я мечтала об этом.

Она опустила рюкзак на землю — тот глухо звякнул консервными банками. Затем, сделав глубокий вдох, девушка шагнула к стулу. Нога подкосилась, она чуть не упала, но удержалась, вцепившись в спинку.

— Демон, — прошептала она сквозь зубы.

Семён Васильевич дёрнулся помочь, но не посмел прикоснуться. Только спросил тревожно:

— Вам плохо? Вы ранены? Может, вызвать врача? У нас есть врач, правда, без образования, но фельдшер...

Зарина махнула рукой — мол, не надо, потом — и с достоинством опустилась на стул. Села, расправила плечи, одёрнула остатки куртки и вдруг, словно по привычке, закинула ногу на ногу.

Получилось не очень грациозно — штанина была разодрана, из-под неё виднелась окровавленная икра, замотанная остатками ткани. Но сам жест — нога на ногу, руки на коленях, спина прямая — был таким знакомым, таким привычным, что Зарина на мгновение почувствовала себя прежней. Той самой кокетливой богиней, которая принимает поклонение, а не просит о помощи.

Семён Васильевич сглотнул, глядя на неё, и вдруг засуетился.

— Что вам принести? — выпалил он. — Воды? Еды? Лекарств? Перевязочные материалы? У нас есть... у нас много чего есть, мы запаслись, готовились к осаде... только скажите.

Зарина поднесла мизинец к губам — жест вышел машинальным, но от этого ещё более изящным — и задумалась.

— Воды, — сказала она. — Простой воды, холодной, много. И... есть ли у вас какое-нибудь приличное платье? А то я, знаете ли, не привыкла ходить в таком виде.

Она обвела рукой свои лохмотья, и в глазах её мелькнула искренняя обида — не на судьбу, не на зомби, а именно на испорченную одежду.

— Вода сейчас будет, — управляющий начал диктовать команды в рацию.

Зарина сидела на плетёном стуле, наслаждаясь коротким мгновением покоя. Солнце уже поднялось над лесом, золотя верхушки деревьев, и даже горы мёртвых тел у ворот виллы казались в этом свете просто частью пейзажа — жуткого, но уже привычного.

Военные суетились вокруг, выполняя распоряжения Семёна Васильевича. Один принёс графин с чистой водой, с капельками конденсата на стенках. Другой водрузил на стол тарелку с нарезанным хлебом, консервированными овощами и толстыми ломтями какого-то мяса, похожего на тушёнку, но лучшего качества. Третий поставил керамическую кружку с золотым ободком — откуда только взяли в условиях апокалипсиса?

Зарина пила жадно, обжигая горло холодом, и чувствовала, как жизнь возвращается в каждую клеточку. Потом она притронулась к еде. Хлеб оказался свежим, мясо — невероятно вкусным после ночи голода и страха. Она ела, стараясь сохранять достоинство, но получалось плохо — слишком долго она не держала во рту ничего, кроме собственных слёз.

Семён Васильевич, отлучившийся на время, появился, когда девушка уже слегка утолила голод. Он нёс в руках обычную канцелярскую папку с тесёмками, какие используют в офисах. Сел напротив, положил папку на стол и уставился на Зарину тяжёлым, испытующим взглядом.

— Вкусно? — спросил он скорее для проформы, чем из вежливости.

— М-м-м, — промывчала Зарина, прожёвывая хлеб. — Божественно. У вас тут прямо ресторан, а не осаждённая вилла.

Семён Васильевич не улыбнулся. Он сложил руки на столе, сцепил пальцы и подался вперёд.

— Зарина, — начал он без предисловий. — Я так понимаю, вы пришли для серьёзного разговора. Не знаю, почему именно к нам, но я с вами согласен: нам нужно серьёзно поговорить. Я готов вести переговоры в пределах своей компетенции. И я приложу все усилия, чтобы любые ваши запросы, выходящие за её пределы, были удовлетворены. Связь с людьми, обладающими соответствующими полномочиями, я организую.

Он выдержал паузу, а потом сказал:

— Что нужно сделать, чтобы вы отозвали свою армию?

Зарина замерла. Рука с мизинцем упала на колени. Глаза расширились.

— Что? — переспросила она, думая, что ослышалась.

— Вашу армию, — повторил Семён Васильевич, и голос его звучал глухо, как у человека, который решился на отчаянный шаг. — Армию зомби, которая уничтожает человечество. Мы знаем, что вы... что вы можете ими управлять. Ваши люди — ну, те, кто служил вам раньше, — оставили записи. Протоколы совещаний. Мы нашли их в архивах, когда поняли, с чем имеем дело.

Он открыл папку и вытащил несколько копий, снятых с пожелтевших листов, исписанных старомодным почерком. Зарина мельком увидела упоминания о себе, даты — восемнадцатый век, девятнадцатый... двадцать шестой.

— Мы не понимаем, чего вы хотите, — продолжал Семён Васильевич, и в голосе его зазвучали нотки отчаяния. — Но мы готовы предоставить всё. Всё, что в человеческих силах. Если захотите, вас назовут королевой планеты. Люди на всё согласны, лишь бы это прекратилось. У меня есть полномочия вести переговоры. Есть связь с уцелевшими правительствами. Мы...

Зарина смотрела на него и не верила своим ушам. Армия? Её армия? Она, которая еле спаслась от горстки зомби в многоэтажке, которая убегала от волков, которая потратила последние силы на создание ледяной поляны? Она командует армией мертвецов?

— Семён Васильевич, — перебила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Какую армию? О чём вы говорите?

Он посмотрел на неё с недоумением.

— Вашу. Ту, что идёт по планете, сметая всё на своём пути. Мы думали, вы послали её, чтобы... ну, чтобы продемонстрировать силу. Чтобы мы поняли, кто здесь главный. Мы поняли. Правда. Только скажите, что нужно сделать, чтобы это прекратилось.

В голове у Зарины что-то щёлкнуло. Страшная, чудовищная догадка начала оформляться в мысль.

— Семён Васильевич, — сказала она медленно, тщательно выговаривая слова. — Скажите мне... зомби не только там?

Она указала рукой в сторону города, откуда пришла. Того самого города, где пряталась в многоэтажке, где замораживала зомби, где чуть не погибла.

Семён Васильевич посмотрел на неё. И в этом взгляде Зарина прочитала всё.

— Зарина, — сказал он тихо. — Зомби везде. Они захватили все континенты. Остались только маленькие очаги сопротивления. Мы здесь — один из них. И мы думали... мы были уверены, что это вы.

Она откинулась на спинку стула, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Вода в графине вдруг показалась мутной, хлеб — безвкусным, солнце — слишком ярким.

— Я... я не посылала никакую армию, — прошептала она. — Я сама от них убегала. Всю ночь. Меня чуть не сожрали волки-зомби. Я еле дошла.

Семён Васильевич побледнел.

— Но как же... записи... протоколы... там сказано, что вы повелеваете мёртвыми. Что вы — богиня смерти. Мы думали...

— Я повелеваю, — перебила Зарина, и голос её дрогнул. — Могу. Если захочу. Если есть силы. Но я не хочу. Я никогда не хотела массового... этого. Я поднимала отдельных мертвецов — ну, для своих целей. Для экспериментов. Для красоты. Для... для кокетства, в конце концов! Но чтобы целую армию? Чтобы уничтожить мир?

Она замолчала, потому что говорить стало нечем. В горле стоял ком.

— Значит, это не вы, — тихо сказал Семён Васильевич, и в голосе его прозвучало такое разочарование, такая усталость, что Зарине стало физически больно.

— Не я, — ответила она. — Я просто была... занята. Давно не заглядывала. А тут такое...

Она не договорила. Страшная мысль, которая закралась в голову, теперь оформилась окончательно, встала перед глазами чёрной стеной. Та же мысль, что посетила её в лесу.

Если не она управляет этой армией, этой невероятной, всепланетной ордой мертвецов, то кто? Или что?

И главное — что ей теперь делать? Богине, которая осталась без армии, без силы, без защиты, в мире, захваченном теми, кто не подчиняется ни ей, ни местным властям?

Зарина смотрела на Семёна Васильевича, на пожелтевшие протоколы в его руках, на горы мёртвых тел за воротами и молчала. Потому что слов не было. Был только холод, медленно разливающийся внутри, и пустота.

Семён Васильевич сидел напротив, барабанил пальцами по папке с протоколами. Тишина висела между ними тяжёлая, как намокшее одеяло. Зарина смотрела куда-то в сторону, в лес, откуда пришла всего час назад, и думала о том, что весь её опыт бессмертной жизни не подготовил её к такому повороту.

— Значит, не вы, — повторил управляющий, и в голосе его уже не было разочарования — только усталая констатация факта. — Тогда... тогда мы всё равно должны пойти на контакт. Вы готовы помочь нам?

Зарина перевела взгляд на него.

— Если я смогу помочь. Но сегодня... я устала. Я еле стою на ногах.

Она решила не рассказывать, что магические силы на исходе.

— У нас есть связь с правительством. Вернее, с тем, что от него осталось. Президент эвакуирован в безопасный бункер. Там учёные, военные, все, кто ещё пытается найти выход. Я связался с ними. За вами выслали вертолёт.

Зарина вскинула бровь.

— Вертолёт?

— Именно, — кивнул Семён Васильевич. — Спрятан в ангаре в пятнадцати километрах отсюда. Он будет здесь через полчаса. Увезёт вас в безопасное место. На встречу с президентом.

— С президентом, — эхом отозвалась Зарина, и вдруг ей стало смешно. — Богиня холода и президент. Прямо светский раут.

Она усмехнулась, но усмешка вышла кривой. Внутри всё дрожало — от усталости, от страха, от абсурдности происходящего. Но выбора не было.

— Я согласна, — сказала она. — Везите меня к вашему президенту. Может, хоть он объяснит, что за чертовщина творится в этом мире.

Семён Васильевич облегчённо выдохнул, кивнул и встал.

— Тогда распоряжусь. А вас пока проводят в душ, переодедут. Выглядите вы... ну, сами знаете.

— Как жертва кораблекрушения, — закончила за него Зарина, поднимаясь. — Знаю. Спасибо на добром слове.

Её провели внутрь виллы. По дороге девушка увидела, как рабочие и военные спешно восстанавливают ворота.

Внутри оказалось неожиданно уютно, несмотря на осадное положение. Стены первого этажа были укреплены мешками с песком, окна заколочены, но на втором этаже сохранилась почти мирная жизнь. Военные сновали по коридорам, кто-то разговаривал по рации, где-то плакал ребёнок. Жизнь теплилась, цеплялась за существование.

Зарину привели в ванную комнату с белым кафелем, сверкающим чистотой, с душевой кабиной и даже с полотенцами, пахнувшими свежестью. На полочке лежало армейское обмундирование — камуфляжные штаны, тёмно-синяя футболка, куртка, новые носки и крепкие ботинки. Всё не по размеру, но чистое.

— Вода будет, — сказал сопровождающий, молодой лейтенант с усталыми глазами. — Но недолго. Нагреваем на дровах, запас ограничен.

— Спасибо, милый, — кивнула Зарина, и он почему-то покраснел и вышел быстрее, чем следовало.

Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и позволила себе минуту слабости. Прижала ладони к лицу, постояла так, потом оттолкнулась и начала раздеваться.

Стянула рваные штаны — окровавленные и грязные. Сбросила остатки куртки. Стащила водолазку. Встала перед зеркалом — мутным, в разводах, но всё же отражающим — и посмотрела на себя. Синяки, ссадины, волчьи укусы на ноге, запёкшаяся кровь на руках. Лицо бледное, под глазами тени, волосы — мочалка мочалкой.

— Красавица, — прошептала она своему отражению, скривившись. — Богиня называется!

Она скинула нижнее бельё, шагнула в душевую кабину и открыла кран.

Вода полилась тёплая — не горячая, но божественно приятная после всего пережитого. Зарина стояла под струями, закрыв глаза, и смывала с себя грязь, кровь, страх. Вода стекала по телу мутными ручьями, унося в слив память о ночном кошмаре.

Она намыливалась жёсткой армейской мочалкой, тёрла кожу до красноты, с остервенением, словно хотела содрать не только грязь, но и саму память о прошедших сутках. Волосы — русые, когда-то шелковистые — спутались в колтун, и она долго распутывала их пальцами, шипя от боли.

Наконец вода кончилась — видимо, запас иссяк. Зарина выключила кран, постояла мокрая, потом шагнула наружу, схватила полотенце и закуталась в него с головой.

Чистое бельё, армейская футболка, чуть великоватые штаны, носки, ботинки — всё это натягивалось медленно, с наслаждением от каждой чистой ткани, прилегающей к телу. Волосы она кое-как расчесала найденной на полочке расчёской и заплела в косу — уже без ленты, просто так, на скорую руку.

Подошла к маленькому зеркалу, взгляделась. Из мутной глубины на неё смотрела девушка в камуфляже, с бледным лицом и огромными синими глазами. Не богиня. Солдат. Беглянка. Выжившая. Девушка осмотрела рану на ноге. Кровь почти не сочилась, а сил на лечение не было. Она перебинтовала ногу, предварительно обработав выданным ей антисептиком.

— Сойдёт, — прошептала Зарина и вышла из ванной.

В коридоре было пусто. Она пошла по направлению к лестнице, ориентируясь на звуки — где-то внизу переговаривались люди, работала рация. Но что-то заставило её остановиться у окна в торце коридора. Просто любопытство. Или предчувствие.

Она выглянула наружу.

И замерла.

Вилла стояла в низине, и отсюда, со второго этажа, открывался вид на подступы. На то самое поле, по которому она шла утром, на лес, из которого вышла, на дорогу, усеянную трупами сожжённых зомби.

Дорога шевелилась.

Сначала Зарина подумала, что ей кажется — от усталости, от недосыпа, от всего сразу. Но нет. Дорога действительно шевелилась. Потому что по ней шли.

Тысячи. Десятки тысяч. Они выползали из леса сплошной серой массой, заполняя поле, заливая его, как вода заливают низину во время наводнения. Зомби. Мертвецы. Армия. Та самая армия, о которой говорил Семён Васильевич.

Они шли медленно, неумолимо, и их было столько, что горизонт почернел.

— Мамочки... — выдохнула Зарина и прижала ладони к стеклу.

Внизу, во дворе виллы, уже началась паника. Военные бежали к укреплениям, кричали, заряжали оружие. Где-то застрочил пулемёт, срезая первые ряды, но на месте упавших вставали новые, и новые, и новые.

Выстрелы гремели один за другим, сливаясь в непрерывную канонаду. Крики, мат, чьи-то приказы, вой сирены — всё смешалось в один жуткий оркестр апокалипсиса.

А Зарина стояла у окна, в чистой армейской одежде, с мокрыми волосами, и смотрела, как на виллу накатывает волна смерти. Та самая волна, которую все считали её армией. А сил у неё совсем не осталось.

— Вертолёт, — прошептала она. — Где же вертолёт?

Но в небе было пусто. Только солнце, равнодушно встающее над лесом, и тучи, и чёрная стена приближающихся мертвецов.

Зарина отшатнулась от окна, прижала руки к груди, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Она сжала скипетр.

— Что же делать? — прошептала она в пустоту коридора. — Что же теперь делать?

Выстрелы гремели уже непрерывно, сливаясь в один сплошной грохот, от которого закладывало уши. Где-то внизу кричали, матерились, отдавали приказы, но голоса тонули в этом аду. Зарина стояла у окна, вцепившись пальцами в подоконник, и смотрела, как серая масса заливают поле перед виллой.

Они были уже близко. Совсем близко.

Передовые ряды мертвецов доползли до первых укреплений — брошенных машин, мешков с песком, колючей проволоки. Пулемёты косили их, но они всё лезли и лезли, наступая на тела упавших, затаптывая их, заливая землю кровью и гнилью.

— Вертолёта нет... — прошептала Зарина. — Нет вертолёта...

И вдруг она поняла: вертолёт не успеет. Даже если он уже в воздухе, даже если летит на предельной скорости — он не успеет. Потому что эти твари будут здесь через пять минут. И тогда всё. Конец вилле. Конец людям. Но ужаснее всего — конец ей!

— Ну уж нет, — сказала она вслух, и голос её прозвучал неожиданно твёрдо. — Я не для того столько прожила, чтобы сдохнуть здесь, в этом... в этом сарае.

Она развернулась и побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, рискуя сломать шею. Ботинки грохотали по дереву, сердце колотилось где-то в ушах, нога нестерпимо болела, но она бежала.

В холле первого этажа творилось столпотворение. Военные тащили ящики с патронами, женщины забивались в углы с детьми, кто-то молился, кто-то плакал. Семён Васильевич стоял у двери, крича в рацию:

— Где вертолёт?! Он нужен сейчас, мать вашу, сейчас! Мы не продержимся! Нам нужна эвакуация! Всем!

Зарина вылетела во двор, расталкивая людей, и замерла на секунду, оценивая масштаб катастрофы.

Мертвецы были в сотне метров. Их морды — гнилые, страшные — уже можно было разглядеть. Они шли, шатаясь, падая и поднимаясь, и глаза их горели мёртвым огнём. Сотни. Тысячи.

— Скипетр, — выдохнула Зарина, взглянув на камень в наверху.

Камень был мёртв. Холодный, тусклый, безжизненный.

— Ну же, — прошептала она, глядя его пальцем. — Ну же, милый. Пожалуйста. Там люди. Там дети. Там я. Не дай мне умереть.

Камень молчал.

Зарина закрыла глаза. Она чувствовала, как силы покидают её — те крохи, что остались после ночи, после волков, после ледяной поляны. Их почти не было. Но где-то глубоко внутри, в самой её сути, ещё теплилась искра. Та самая, что делала её богиней. Та самая, что не давала умереть тысячи лет.

— Забирай, — прошептала она скипетру. — Всё забирай. Только сделай.

Она ударила древком о землю.

И мир замер.

Сначала ничего не происходило. А потом Зарина почувствовала, как из неё хлынула сила. Вся сразу, без остатка, до последней капли. Это было похоже на то, как если бы из неё выдернули позвоночник — больно, пусто, холодно.

Но лёд пошёл.

Он рванул от неё во все стороны, стремительный, как удар молнии. Белая волна прокатилась по земле, вздыбливаясь, нарастая, превращаясь в стену. Многометровую, ослепительно белую, переливающуюся на солнце всеми оттенками синего.

Стена росла прямо на глазах. Она отсекала виллу от надвигающейся орды, встала между жизнью и смертью неприступным бастионом. Мертвецы, оказавшиеся слишком близко, вмерзали в неё — их гнилые тела стали частью ледяного панциря, жуткими скульптурами внутри прозрачной толщи.

— Ни хрена себе... — выдохнул кто-то сзади.

— Это она... это богиня...

— Мы спасены...

Зарина слышала эти голоса как сквозь вату. Перед глазами всё плыло, ноги подкашивались, руки, сжимавшие скипетр, онемели и не слушались.

Она сделала шаг назад, чтобы посмотреть на своё творение. Ледяная стена уходила в небо — метров десять, а то и больше. Гладкая, скользкая, неприступная. Мертвецы с той стороны бились в неё, но лёд не поддавался.

— Красиво... — прошептала Зарина, и губы её растянулись в слабой улыбке.

А потом ноги подкосились окончательно.

Она упала на колени, выронив скипетр, который покатился по земле и замер, тусклый и мёртвый. Руки упёрлись в траву, чтобы не лечь совсем, но сил не было даже на это. Она завалилась на бок, перевернулась на спину, глядя в небо широко открытыми глазами.

И в этом небе она увидела вертолёт.

Маленькая чёрная точка на фоне голубого неба, приближающаяся, растущая, гудящая винтами. Он летел со стороны леса, огибая стену, снижаясь к вилле.

Она хотела улыбнуться, но веки стали тяжёлыми, неподъёмными. Глаза закрывались сами собой, несмотря на все попытки их открыть.

Последнее, что она увидела перед тем, как провалиться в темноту, — вертолёт, зависший прямо над виллой, и ледяную стену, сияющую на солнце, словно её осыпали россыпями бриллиантов.

— Богиня... — прошептал кто-то рядом.

Или ей показалось.

— Ой... — еле слышно произнесла девушка.

Темнота приняла её мягко, без боли, убаюкивая, обещая покой

Глава 5 Тревожное пробуждение

«Пациент: Зарина (фамилия не установлена). Возраст: не установлен (предположительно 3000+ лет). Диагноз: крайнее физическое истощение, множественные ушибы, рваные раны правой голени (укусы, предположительно животного происхождения). Состояние при поступлении: кома неясной этиологии. Состояние стабильное. Прогноз: осторожный».

— Из медицинской карты №03123, бункер «Надежда»

Коридоры дворца на станции «Олимп» сияли перламутром. Искусственный мрамор переливался под ногами, а своды поддерживали колонны из светящегося стекла, внутри которых медленно кружились голографические звёзды. В разных концах огромного бального зала, куда Зарина только что вошла, по желанию гостей царили разные времена года — в одном углу кружилась метель из синтезированного снега, в другом благоухали весенние сакуры, в третьем шуршали золотые листья под ногами.

Зарина появилась на пороге не просто так. Она являлась. Это было искусство, которое она довела до совершенства.

На ней было длинное платье цвета полуночного неба — переливчатое, струящееся, с глубоким вырезом на спине и рукавами-колоколами, которые при каждом движении взлетали, словно крылья. Русые волосы были уложены в сложную косу, но всё так же перевиты голубой лентой, бант которой кокетливо торчал сбоку.

— Ах, какая ску-ука, — протянула она, окидывая зал ленивым взглядом. — Неужели на этом банкете нет никого достойного моего внимания?

Мужчины, стоявшие ближе к выходу, услышали этот вздох и тут же замерли. Кто-то уронил бокал, кто-то поперхнулся шампанским, кто-то просто открыл рот и забыл его закрыть. Зарина поправила прядь у лица, поднесла оттопыренный мизинец к губам и прошла вперёд, покачивая бёдрами с преувеличенной грацией.

Она уже собиралась уйти, потому что у неё скука наступала быстрее, чем у любого другого существа во Вселенной, как вдруг заметила его.

Он стоял у дальней стены, прислонившись плечом к колонне, и смотрел на неё. Не так, как остальные. Не с раскрытым ртом и покрасневшими щеками. Он смотрел с лёгкой усмешкой, как человек, который видел в своей жизни достаточно, чтобы не терять голову от первой попавшейся красавицы.

Он был высок, широк в плечах, с тёмными, почти чёрными волосами, падавшими на лоб, и пронзительными серыми глазами, в которых плясали искорки опасного веселья. На нём был строгий костюм, но носил он его так, будто это была боевая броня, — с вызовом, с надменностью. В петлице алела роза.

— Богиня холода, — сказал он, когда она поравнялась с ним, и голос его оказался низким, чуть хриловатым, с намёком на смех. — А я думал, вы миф.

Зарина остановилась, замерла, как кошка, почуявшая интересную добычу. Она медленно повернула голову, посмотрела на него снизу вверх — потому что он был выше, и это её одновременно раздражало и забавляло — и кокетливо наклонила голову.

— Мифом, милый, я всегда буду для тех, кто не достоин прикоснуться к настоящей красоте, — протянула она. — Вот смотрю на тебя и думаю — а достоин ли ты?

— Очень на это надеюсь, — кивнул он, и усмешка его стала шире. — Я бы сказал, у меня на вас большие планы.

Он взял её руку — она даже не успела подать её для приветствия — и поднёс к губам.

— Гетрит.

— *Какие же планы?* — Зарина поднесла мизинец к губам, изображая смущение, хотя в глазах её горел холодный, хищный интерес.

— *Сначала танец,* — сказал он, сжимая её пальцы. — *А потом... посмотрим.*

Девушка вздрогнула. Его пальцы были горячими. Очень горячими. В то время как её собственные оставались ледяными. Контраст ударил по нервам, заставил сердце биться быстрее.

Они кружились под странную, тягучую мелодию, которую играл живой оркестр в углу зала. Гетрит вёл жёстко, почти грубо, но Зарина не возражала. Она любила, когда с ней обращались как с королевой, но в его грубости было что-то другое — уважение, смешанное с вызовом. Он не боялся её. Он вообще ничего не боялся, это было видно.

— *Говорят, ты умеешь поднимать мёртвых,* — сказал он, приблизив губы к её уху, и Зарина почувствовала его горячее дыхание на своей холодной шее.

— *Умею,* — ответила она, чуть отстраняясь, чтобы заглянуть ему в глаза. — *Хочешь познакомиться с кем-то из твоих предков?*

— *Нет,* — он усмехнулся. — *Я хочу познакомиться с тобой поближе. Без свидетелей.*

Зарина притворно вздохнула, покачала головой, сделала вид, что раздумывает целых три секунды, а потом улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у мужчин подкашивались колени.

— *Уговорил,* — пропела она. — *Веди.*

Ободряк Гетрита находился в частном секторе самого крупного города «Олимпа» — там, благодаря искусной работе дизайнеров, всё вокруг не казалось каким-то искусственным. И даже мёртвое небо без звёзд не казалось таким благодаря искусно сделанному освещению. Зарина огляделась на пороге и одобрительно кивнула — вкус у него оказался безупречным.

Внутри было тепло. Очень тепло. Гетрит, казалось, не выносил холода и повсюду ставил каминь, в которых горел живой огонь. Зарина, которая не чувствовала ни холода, ни жары, тем не менее оценила эстетику — пламя плясало на стенах, отбрасывая причудливые тени.

— *Не боишься?* — спросил он, снимая пиджак и оставаясь в одной тонкой рубашке, распахнутой на груди. — *Остаться наедине в первый вечер знакомства?*

— *Боюсь?* — Зарина картинно рассмеялась, откинув голову, так что коса упала на спину. — *Милый, я сама та, кого бояться. Вопрос в другом: не боишься ли ты?*

Гетрит подошёл к ней вплотную. Положил горячие ладони на её ледяные плечи. Наклонился и посмотрел прямо в глаза — так близко, что она видела отражение огня в его серых зрачках.

— *Я не боюсь ничего,* — сказал он тихо. — *Кроме скуки. А с тобой, богиня, скучно точно не будет.*

Та ночь была долгой. Они не спали. Они пили вино из хрустальных бокалов, стоя на балконе, и Гетрит рассказывал ей о своих путешествиях — о мирах, где время течёт вспять, о планетах, покрытых океанами ртути, о цивилизациях, которые поклоняются мёртвым звёздам. Зарина слушала, притворяясь равнодушной, но каждое его слово врезалось в память, отзываясь где-то глубоко внутри странным, незнакомым теплом.

Потом они танцевали в гостиной без музыки — просто кружились, прижимаясь друг к другу, и Зарина чувствовала, как её ледяное тело постепенно, медленно, неохотно оттаивает в его горячих объятиях.

А потом был диван у камина, на котором они оказались совершенно случайно... ну, или не совсем случайно. Гетрит целовал её плечи, её шею, её пальцы, и каждый его поцелуй обжигал, оставляя на ледяной коже едва заметные розовые следы. Зарина окончательно уверилась, что не хочет, чтобы он останавливался.

— *Ты таеешь,* — прошептал он, касаясь губами её виска.

— Я богиня холода, — выдохнула она в ответ, но голос её дрогнул, и в нём не осталось привычной жеманности, только желание. — Я не могу растаять.

— Ты таешь, — повторил он, усмехаясь. — И это прекрасно.

К утру, когда искусственное солнце только начинало подниматься над сектором, Зарина лежала на его груди, перебирая пальцами пуговицы его рубашки, и думала о том, что давно не чувствовала ничего подобного. Это было отличное приключение.

— Оставайся, — сказал Гетрит, поглаживая её по косе.

— Посмотрим, — с лукавой улыбкой протянула она. — Я редко довожу что-то до конца.

— А это доведёшь, — уверенно сказал он.

Зарина хотела возразить, но вместо этого только улыбнулась, спрятала лицо у него на груди и закрыла глаза. Голубая лента в её волосах почти расплелась после бурной ночи.

Сознание возвращалось к девушке медленно, тягуче, словно она всплывала из глубокого тёмного омута. Сначала появилось ощущение — лёгкое, почти невесомое, будто тело растворилось и осталась только мысль. Потом появилось и тело. Тяжёлое, ватное, непослушное. Зарина попыталась пошевелить пальцами — получилось, но с трудом, словно каждый палец весил килограмм.

Глаза открылись не сразу — веки слипались, пришлось проморгаться, чтобы сфокусировать взгляд.

Поначалу ничего не было понятно. Она смотрела на потолок. Белый, ровный, без единой трещинки. Светильники встроены так, что свет мягкий, рассеянный, не бьёт по глазам. Зарина повернула голову — шея отозвалась болью, пришлось зашипеть сквозь зубы. В памяти начали всплывать события последних дней: зомби, бегство, вертолёт. А воспоминания, пришедшие к ней в сновидении, смутили волшебницу. Она старалась припомнить детали, но ничего из последних трёхсот лет, кроме только что увиденного яркого видения, почему-то не вспоминалось.

Девушка мотнула головой, прогоняя дрёму, и почувствовала головокружение.

Она лежала на узкой больничной койке с высоким матрасом и металлическими поручнями по бокам. Бельё пахло чем-то стерильным. Зарина была укрыта тонким, казённым одеялом. На голое тело надет больничный халат. Видимо, её успели помыть и переодеть, пока она была без сознания.

— Где я? — прошептала она, и голос прозвучал хрипло, незнакомо.

Она приподнялась на локтях, борясь с головокружением. Перед глазами всё поплыло, пришлось посидеть с минуту, закрыв глаза и глубоко дыша. Потом она снова открыла глаза и начала осматриваться.

Палата была небольшой, но не тесной. Метров двенадцать, наверное. Стены — белые, как и потолок, без единого окна. Вообще без окон. Только гладкие поверхности и мягкий свет сверху. Зарина нахмурилась — отсутствие окон настораживало. Где она? Под землёй? В темнице?

Справа от койки стояла тумбочка. Металлическая, больничная, с выдвижным ящиком. На тумбочке, на самом видном месте, лежал её скипетр.

Зарина потянулась к нему, едва не свалившись с койки. Пальцы сомкнулись на древке — таком знакомом, шершавом. Камень в навершии был мёртв. Тусклый, серый, безжизненный. Но он был здесь. Рядом. С ней.

— Милый, — прошептала она, прижимая скипетр к груди. — Ты здесь. Хорошо. Всё хорошо.

Она отложила его на колени и продолжила осмотр.

Слева от койки стоял штатив с капельницей. Она была пуста, игла убрана, только трубка свисала. Рядом — прибор, похожий на кардиомонитор, но выключенный. На стене — несколько розеток и кнопка вызова персонала. Красная, крупная, с надписью «Вызов».

Напротив койки — герметичная металлическая дверь с круглым иллюминатором, как на подводной лодке. Сейчас она была закрыта, и через стекло ничего не было видно.

Больше в палате ничего не было. Ни картин, ни даже зеркала. Только белые стены, мягкий свет и тишина. Такая густая, что звенело в ушах.

Зарина опустила ноги с койки и попыталась встать. Головокружение накатило с новой силой, пришлось ухватиться за поручень. Она посидела так, привыкая, потом медленно, очень медленно поднялась.

Пол под босыми ступнями был холодный, гладкий, похоже, тоже металлический. Халат болтался на ней мешком, завязки сзади развязались, и она запахла, придерживая полы рукой.

Сделала шаг. Ещё один. Добрела до двери, прильнула к иллюминатору.

За ним было темно. Только где-то далеко мелькнул красный огонёк, как глаз зверя в ночи. Потом погас.

Зарина отшатнулась.

— Чтоб меня демоны взяли... — прошептала она.

Она обошла палату по периметру, водя рукой по стенам. Гладко, холодно, ни щёлочки. Только дверь. Только кнопка вызова. Ждёт, что её нажмут.

Она вернулась к тумбочке, взяла скипетр, села на койку, поджав ноги. Халат распахнулся, но ей было всё равно. Она смотрела на дверь и думала.

Вертолёт. Она помнила вертолёт. Он прилетел, когда она уже падала. Значит, её забрали. Значит, она в безопасном месте. В бункере президента, как обещал Семён Васильевич. Но почему палата без окон? Почему такая тишина?

— Очнулась? — спросила она сама себя. — Очнулась. И что дальше?

Она посмотрела на скипетр. Камень был мёртв, но в глубине его, в самой сердцевине, ей показалось, что-то теплится. Крошечная искра, почти незаметная.

— Ты со мной, — прошептала она. — Значит, не всё потеряно.

Она прижала скипетр к груди, закрыла глаза и попыталась собраться с мыслями. Голова гудела, тело ломило, но она была жива. А значит, нужно было думать, что делать дальше.

Зарина подняла глаза на дверь.

— Ну давай, — сказала она тихо. — Открывайся. Я готова.

И, словно в ответ на её слова, за дверью послышались шаги.

Шаги приближались, и Зарина инстинктивно сжала скипетр крепче. Металлическая дверь с шипением отъехала в сторону, открывая проход.

На пороге стоял мужчина. Лет сорока, с усталым, но добрым лицом, в белом халате поверх военной формы. В руках он держал планшет и какой-то свёрток. Увидев Зарину сидящей на койке со скипетром в руках, он на мгновение замер, потом улыбнулся. Улыбка казалась усталой, но искренней.

— Очнулись, — сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно. — А мы уж начали беспокоиться. Трое суток — не шутка.

Зарина моргнула, переваривая информацию.

— Трое? — переспросила она хрипло. — Я была без сознания трое суток?

— Трое, — подтвердил врач, проходя в палату. Дверь снова зашипела и закрылась герметично. — Но не волнуйтесь, с вами всё в порядке. Обследовали, конечно, пока вы спали, — ничего серьёзного. Истощение, множественные ушибы, укусы на ноге обработали, зашили. Заживёт.

Он говорил буднично, словно сообщал погоду, и от этой будничности Зарине стало немного спокойнее.

— А вы... кто? — спросила она, всё ещё не выпуская скипетр.

— Доктор Соколов, — представился он, присаживаясь на стул, который стоял у стены — Зарина только сейчас его заметила. — Главный врач этого бункера. Вернее, один из. Вас привезли на вертолёте, едва живую. Ту стену, что вы создали, я тоже видел, по мониторам. Впечатляет.

Зарина слабо улыбнулась.

— Старалась.

— Понятно, — хмыкнул доктор. — Ладно. Я принёс вам одежду. Военную, другой тут нет. Но чистая, по размеру подобрали, как смогли.

Он положил свёрток на тумбочку рядом со скипетром. Зарина покосилась — камуфляжные штаны, футболка, тёплая куртка, носки, нижнее бельё. Простые, грубые вещи, но после больничного халата они казались даром небес.

— И еду, — добавил доктор, указывая на пластиковый контейнер. — Каша, мясо, компот. Всё, чем богаты. Простите за спартанские условия, конец света, сами понимаете.

Зарина взяла контейнер, открыла крышку. Запахло горячей едой. Пустой желудок предательски заурчал, а рот наполнился слюной.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Спасибо вам...

Доктор поднялся, поправил халат.

— Отдыхайте. Вы ещё слабы. Лежите, набирайтесь сил. Президент захочет с вами поговорить, но не сегодня. Сегодня вы просто спите и едите.

Он направился к двери, но у порога обернулся.

— И знаете... — сказал он задумчиво. — То, что вы сделали у виллы... это спасло больше ста человек. Мы все, как и те, кто был в том лагере, благодарны вам.

Дверь открылась, и доктор вышел, оставив Зарину одну.

Она долго смотрела на закрытую дверь, потом перевела взгляд на контейнер с едой. Каша остывала, и есть хотелось нестерпимо. Она отложила скипетр, поставила контейнер на колени и принялась есть. Несмотря на голод, ела она медленно, осторожно, прислушиваясь к тому, как желудок принимает пищу.

Еда была простой: гречка с мясом, ломтик хлеба, компот в пластиковом стаканчике. Но после трёх дней без сознания это казалось пиром богов. Зарина ела и чувствовала, как силы понемногу возвращаются — не магические, те были на нуле, а просто жизненные, человеческие.

Опустошив контейнер, она отставила его на тумбочку, рядом со скипетром. Потом посмотрела на свёрток с одеждой. Надо бы одеться, наверное. Прилично. По-человечески.

Но сил не было.

Даже на то, чтобы просто переодеться, не было сил.

Зарина вздохнула, откинулась на подушку и натянула тонкое больничное одеяло до подбородка. Она закрыла глаза, прислушиваясь к гулу вентиляции, к тихому жужжанию ламп, к далёким шагам за дверью.

Скипетр лежал рядом, на тумбочке. Она протянула руку и коснулась его пальцами. Ей просто хотелось чувствовать, что он рядом.

— Мы живы, милый, — прошептала она в темноту. — Мы живы.

Глава 6 Чудовищные откровения.

«Объект: Король личей (Егор? — подлинность имени не подтверждена). Классификация: высший нежить. Разум: подтверждён. Эмоции: зафиксированы (одержимость, тоска, ярость при упоминании Создателя). Цель: установлена — поиск "Королевы". Местонахождение: неизвестно.. Рекомендация: при обнаружении — не вступать в бой. Бежать».

— Из приложения №7 «Бестиарий» к «Международной инструкции по выживанию»

Сон был странным — неглубоким, зыбким, полным обрывков воспоминаний, которые Зарина не вызывала специально, но которые приходили сами, всплывая из глубин трёхсотлетней памяти.

Она лежала на больничной койке, в герметичной палате без окон, и сквозь дрему видела совсем другое.

Зелёный луг. Солнце. Высокая трава, в которой прятались кузнечики. И она — как всегда молодая, в синем платье, с распущенными русыми волосами — смотрит в небо.

Триста лет назад.

Зарина тогда уже устала. Устала от бессмертия, от одиночества, от людей, которые то боготворили её, то пытались сжечь как ведьму. Устала от того, что все её поклонники старели и умирали, а она оставалась. И когда в небе появилась странная точка, которая росла по мере приближения, сердце забило быстрее в предвкушении. Она ждала хоть каких-то перемен.

Челнок был красивым. Серебристым, обтекаемым, почти бесшумным. Он опустился на луг, примяв траву, и из него вышли двое. Высокие, с бледной кожей, в одеждах, переливающихся перламутром. Они поклонились ей почтительно, как и полагается кланяться богине.

— Зарина, — сказал тот, что был выше. — Мы пришли к тебе с предложением посетить Олимп. Там, далеко за пределами этого мира, есть место, где собираются такие, как ты. Место отдыха богов.

Она слышала об этом раньше. Слухи, легенды, обрывки знаний, передаваемые из уст в уста среди бессмертных. Говорили, что есть станция — огромная, как маленькая луна, находящаяся в ином пространстве. Древние техногенные цивилизации пытались туда попасть, но не смогли: системы безопасности были на высоте.

— Я полечу, — сказала Зарина тогда, даже не колеблясь.

Она не прощалась. Не потому, что была жестокой, скорее ветреной, загадочной, ей не хотелось объяснений, вопросов. Она просто исчезла. Ушла в челнок и поднялась в небо, оставив планету далеко внизу.

Станция оказалась именно такой, как ей обещали. Огромный комплекс, парящий в пустоте, но единственным местом, куда можно было попасть с посадочной площадки был зал с порталом.

Портал висел в центре главного зала — мерцающая арка, полная такого света, что глаза слезились. Свет переливался, пульсировал, манил.

— Что это? — спросила Зарина у одного из сопровождающих.

— Дверь, — ответил тот. — Дверь на Олимп. Только бессмертные могут войти туда. Там нет старости, нет места простым смертным.

Зарина стояла перед порталом долго. Ей казалось, что оттуда, из этого света, кто-то зовёт её. Шёпотом, почти неслышимым. Она протянула руку и вошла в портал.

Это не было похоже на путешествие. Никаких тоннелей, никаких вихрей, никаких ощущений полёта. Просто шаг — и мир перевернулся. На одно бесконечно малое мгновение Зарина перестала существовать. А потом открыла глаза и увидела...

Пустоту. Спустя мгновение пустота обрела очертания.

Она стояла на холме, поросшем изумрудной травой, а вокруг... вокруг не было ничего. Только эта планета — огромная, раскинувшаяся до горизонта, и за её пределами чёрная пустота. Ни звёзд, ни галактик, ни далёких солнц.

Зарина подняла голову. Там, где должно было быть небо с облаками, простиралась та же пустота, но она не давила, не пугала. Она была просто фоном, декорацией, заботливо созданной кем-то, кто понимал толк в одиночестве.

— Где я? — спросила она вслух, и голос её утонул в мягкой тишине.

Ответа не было, но она почему-то не испугалась. Наоборот — странное, почти забытое чувство покоя разлилось по телу. Здесь не было людей, не было завистников и предателей. Только она и эта бесконечная, пустая, но прекрасная планета.

Совершенно не боясь оступиться, казалось, каждая травинка излучает чуть заметный свет, который создаёт вокруг не чёрную тьму, а серый полумрак, Зарина пошла вперёд, туда, где вдалеке угадывались огни города. Шла долго, но не уставала — ноги сами несли её по мягкой траве, мимо ручьёв с хрустально чистой водой, мимо рощ с деревьями, каких она никогда не видела.

И вдруг она поняла: здесь всё подчиняется какому-то порядку. Стало светать, но не потому, что всходило солнце, а потому что наступило время рассвета. Правда спустя несколько минут на, ставшем уже голубым небе, в зените появилось искусственное солнце, которое постепенно увеличивало свечение, заливая планету мягким сиянием.

— По графику, — усмехнулась Зарина. — День и ночь по расписанию. Удобно.

Изучая планету, она поняла, что климат тоже менялся в зависимости от того, куда она шла. Вот зона вечного лета — тёплый ветер, цветущие луга, лёгкие ароматы. Чуть дальше — полоса дождей: тёплый ливень стеной, но стоит сделать шаг в сторону, и он прекращается, оставляя на траве сверкающие капли. А вон там, за перелеском, угадывались заснеженные склоны — зона зимних видов спорта, как назвала это про себя Зарина.

— Идеально, — прошептала она. — Абсолютно идеально.

Она дошла до города, когда день снова начал клониться к вечеру.

Город поражал воображение. Он не был похож ни на один из земных городов — ни на древние поселения, которые она помнила, ни на современные мегаполисы, в которых бывала перед самым уходом на Олимп. Здесь не было улиц в привычном понимании, только причудливые переплетения мостов, террас, уровней, соединённых лестницами и переходами. Здания взмывали вверх, но не давили массивностью. Они были лёгкие, ажурные, словно сплетённые из света и камня.

И в этом городе кипела жизнь.

Бессмертные.

Они были везде — сидели в открытых кафе, прогуливались по мостам, беседовали, смеялись, спорили. Кто-то читал книги на террасах, кто-то занимался странными практиками, напоминающими медитацию. Они были разными — в одеждах всех эпох и народов, с лицами, хранящими отпечатки тысячелетий, и с глазами, в которых светилась вечность.

Зарина шла по городу, с ней здоровались и улыбались ей. Здесь каждый был новым когда-то. Здесь каждый пришёл из своего мира, через свой портал. Она подумала, что здесь будет просто ещё одной бессмертной, а не богиней, не легендой, не объектом поклонения или страха.

И ей это понравилось.

Она остановилась на одном из мостов, перекинутых над каналом с водой такого синего цвета, что захватывало дух. Оперлась на перила, вдохнула воздух, пахнувший цветами и свежестью, и улыбнулась.

— Я останусь, — сказала она тихо. — Хотя бы ненадолго.

Воспоминание дрогнуло, поплыло, и Зарина снова оказалась в больничной палате бункера. Белый потолок, мягкий свет, гул вентиляции. Скипетр на тумбочке, больничный халат на теле, тишина.

Она открыла глаза и долго смотрела в никуда.

— Почему я ушла оттуда? — прошептала она. — Почему вернулась?

Ответа не было. Только тишина и воспоминание о том удивительном месте, где она могла остаться навсегда. Где не было зомби, не было войн, не было смерти. Только покой и красота.

— Глупая, — сказала она себе. — Какая же я глупая.

Зарина повернулась на бок, поджала колени к груди и закрыла глаза. Сон пришёл быстро, но на этот раз без сновидений. Только тёплая, уютная пустота.

Оборвался сон резко, будто кто-то щёлкнул выключателем. Зарина распахнула глаза и несколько секунд просто лежала, глядя в белый потолок и прислушиваясь к себе.

Тело больше не казалось чужим и ватным. Руки и ноги слушались, головокружение исчезло, а вместо противной слабости в мышцах появилось знакомое ощущение — не полное восстановление, но близко к тому. Она пошевелила пальцами ног под тонким одеялом, согнула и разогнула колени, приподнялась на локтях.

— Хм, — сказала она вслух, и голос прозвучал чище, чем в прошлый раз. — А ничего так.

Девушка откинула одеяло и села на койке, свесив босые ноги на холодный металлический пол. Больничный халат сбился, оголив плечо и часть груди. Она поправила его, запахнулась и осмотрелась уже другим взглядом — не затравленным, как в прошлое пробуждение, а оценивающим, хозяйским.

Взгляд упал на свёрток с одеждой, оставленный доктором Соколовым. Он так и лежал на тумбочке, нетронутый, рядом со скипетром.

— Одеваться так одеваться, — решила Зарина и встала.

Ноги дрогнули, но удержали. Она постояла секунду, привыкая, потом развязала халат и сбросила его на койку. Подошла к тумбочке и развернула свёрток.

Армейское бельё — грубоватое, но чистое. Чёрные носки. Футболка цвета хаки, чуть великоватая. Тёплые штаны из плотной ткани, с множеством карманов. Куртка на флисе — тёмно-зелёная, с капюшоном. И берцы — настоящие армейские ботинки на шнуровке, тяжёлые, но, кажется, удобные.

Зарина одевалась медленно, с передышками. Бельё приятно облегло тело, футболка пахла свежестью, штаны сидели свободно, не сковывая движений. Берцы она зашнуровала тщательно, подвернув штанины, как делают военные. Подошла к гладкой металлической стене, взгляделась в своё отражение. Оно было мутное, но достаточно чёткое, чтобы оценить результат.

Из тёмной глубины на неё смотрела девушка в камуфляже, с бледным, но уже не мертвенно-бледным лицом, с аккуратно заплетённой русой косой (она машинально поправила её, укладывая на плечо) и огромными синими глазами, в которых снова появился блеск.

— Хороша, — сказала Зарина своему отражению и привычно поднесла мизинец к губам. — Даже в этом мешковатом... но ничего. Сойдёт.

Она вернулась к тумбочке, взяла скипетр. Камень в навершии был по-прежнему тускл, но в глубине его, в самой сердцевине, пульсировала крошечная искра. Живая. Настоящая.

— Мы ещё повоюем, милый, — прошептала она, погладив камень пальцем.

Потом нажала кнопку вызова и подошла к двери.

Где-то в глубине бункера загудел зуммер.

Зарина стояла, прислонившись плечом к стене, сложив руки на груди, и ждала. Внутри не было страха, была спокойная готовность к любому повороту событий. Она выспалась, поела, оделась. Скипетр с ней. Остальное — дело техники.

За дверью слышались шаги. Кто-то приближался.

Когда дверь открылась, на пороге стоял молодой лейтенант с планшетом в руках, и при виде Зарины его глаза слегка округлились. То ли скипетр произвёл впечатление, то ли сама она — в армейской одежде, со спокойным уверенным лицом она выглядела не как немощная пациентка, а как человек, готовый к действию.

— Вы... — начал он и запнулся. — Вы очнулись. Доктор сказал, что вы...

— Я очнулась, — перебила Зарина, и в голосе её проскользнули привычные кокетливые нотки. — Чувствую себя прекрасно. Ведите меня к вашему президенту.

Лейтенант сглотнул.

— Он... да, он ждёт. Вернее, он будет рад... То есть, пойдёмте.

Он развернулся и зашагал по коридору, то и дело оглядываясь, проверяя, идёт ли она. Зарина шла следом, разглядывая бункер.

Коридоры, по которым они шли, были длинными, прямыми, с низкими потолками и герметичными дверями через каждые несколько метров. Стены покрывал серый металл, кое-где укрепленный рёбрами жёсткости. Под ногами лежали рифлёные плиты, чтобы не скользить. В воздухе пахло озоном, машинным маслом и ещё чем-то неуловимо подземным — сыростью, что ли, хотя было сухо.

Попадались люди. Военные в камуфляже, гражданские в простой одежде, кто-то в белых халатах — учёные или медики. Все провожали Зарину разными взглядами — кто с любопытством, кто с благоговением, кто с плохо скрытым страхом. Она поймала себя на том, что ей это нравится. Привычное внимание, привычные взгляды. Даже здесь, в подземном бункере посреди апокалипсиса, она оставалась собой.

— Сюда, — лейтенант свернул в боковой коридор, более широкий, с ковровой дорожкой на полу — небогатой, но это был явный признак близости начальства.

Они подошли к двери. Не герметичной, как все, а обычной, деревянной, покрытой тёмным лаком. Лейтенант постучал, приоткрыл и доложил:

— Товарищ президент, она здесь.

— Пусть войдёт, — раздался из-за двери голос, казавшийся безмерно усталым, но твёрдым.

Лейтенант распахнул дверь и отступил, пропуская Зарину.

Комната оказалась неожиданно большой для бункера. Метров пятьдесят, наверное, с высоким потолком и без единого окна — конечно, откуда им взяться под землёй. Но освещение было продумано так, чтобы компенсировать отсутствие естественного света. Мягкие лампы под потолком, торшеры в углах, настольная лампа на массивном столе — всё вместе создавало уютный, почти домашний уют.

Стены были заставлены стеллажами с книгами. Настоящими, бумажными. Зарина даже удивилась, увидев такое количество фолиантов в эпоху цифровых технологий. Корешки поблёскивали золотым тиснением, и казалось, что вся мудрость мира собрана здесь, под землёй, в ожидании, когда её снова можно будет открыть.

В углу стоял кожаный, потёртый диван. Очевидно, когда-то он был весьма дорогим. Рядом с ним журнальный столик с графином воды и двумя стаканами. На стенах висели картины. Настоящие или хорошие копии — она не разбиралась, но атмосферу они создавали.

И в центре всего этого, за массивным дубовым столом, заваленным бумагами, картами и какими-то отчётами, сидел мужчина лет шестидесяти пяти, с седыми волосами, зачёсанными назад, и глубокими морщинами, прорезавшими лоб и щёки. Лицо его хранило следы былой

красоты и силы, но сейчас на нём лежала печать бесконечной усталости. Глаза, серые, умные, с красными прожилками от недосыпа, смотрели на Зарину внимательно, изучающе, но без страха и подобострастия.

Он был в простом тёмном костюме, без галстука, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Перед ним стояла чашка с остывшим, судя по всему, кофе, и пепельница, полная окурков.

При входе Зарины он медленно поднялся, с заметным усилием. Жест уважения.

— Зарина, — сказал он, и голос его прозвучал именно так, как она ожидала: устало, но с достоинством. — Проходите, присаживайтесь. Рад, что вы очнулись. Доктор Соколов докладывал — вы нас немного напугали.

Он указал на стул напротив стола. Тяжёлый, с высокой спинкой, обитый тёмной кожей.

Зарина подошла, села, положила руки на стол. Скипетр лежал на коленях.

— Здравствуйте, — сказала она просто, без жеманства, без кокетства. — Я тоже рада, что очнулась. Трое суток — это многовато даже для меня.

Президент кивнул, снова опустился в своё кресло. Помолчал, разглядывая её.

— Вы не такая, как я представлял, — сказал он наконец. — По документам, по легендам... там вы другая.

— Какая? — Зарина чуть наклонила голову, и в глазах её мелькнул знакомый огонёк.

— Холодная. Жестокая. Равнодушная, — перечислил президент. — А вы... вы просто девушка, которая хочет жить.

Зарина усмехнулась.

— Не могли бы вы рассказать об этой напасти... о нежити? Видите ли, я некоторое время отсутствовала.

Президент затушил окурки в переполненной пепельнице и откинулся на спинку кресла. Глаза его смотрели куда-то сквозь Зарину, сквозь стены бункера — туда, наверх, где сейчас творился ад.

— Вы спрашиваете, откуда они взялись, — начал он тихо. — Хороший вопрос. Мы сами долго искали на него ответ. Учёные, историки, архивариусы — все рыли землю, чтобы понять природу этого кошмара.

Зарина сидела напротив, положив ногу на ногу, откинувшись на спинку стула с видом светской львицы, снизошедшей до разговора со смертным. Мизинец привычно поднесён к губам, в глазах играло лёгкое любопытство.

— И что нарыли? — спросила она с намёком на зевок.

Президент посмотрел на неё долгим взглядом.

— Мы нашли записи. Документы из двадцать шестого века. Дневники очевидцев, отчёты местных властей, письма. И в них чётко прослеживается одна дата. Один год. Одно место.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Триста лет назад, в северных лесах, в районе, который тогда считался глухой провинцией, произошло нечто странное. Находили разорённые могилы, из них пропадали трупы. Крестьяне боялись, жаловались властям, но кто ж слушает крестьян?

Зарина перестала зевать. Нога, закинутая на ногу, слегка дрогнула.

— И вот спустя некоторое время в том самом месте появились первые личи, — продолжал президент, как будто и не замечая её реакции. — Не просто зомби, не бездумные твари, а разумные мертвецы. Командующие. Организующие. Мы изучили всё, что смогли найти. Самый первый, самый главный лич — Король личей, как его потом назвали, — возник именно там. И именно тогда.

Зарина подалась вперёд. Рука с мизинцем упала на стол.

— Откуда вы знаете, что он первый? — спросила она, и голос её прозвучал напряжённо.

— Сохранились описания, — президент пожал плечами. — Высокий, худой, с проваленными глазами. На нём была крестьянская одежда, рваная, грязная. Но он говорил. Разговари-

вал с людьми. Требовал, чтобы его отвели к той, кто его создал. Искал свою королеву. Очень запоминающаяся личность. И, по свидетельствам, именно он первым стал поднимать зомби.

— Он... искал? — переспросила она шёпотом.

— Да. Но, похоже, не нашёл.

Президент усмехнулся невесело.

— А со временем личи расплозились по планете. Медленно, но неотвратимо. На это у них ушло более двухсот лет. Они не атаковали, не убивали — они просто поднимали мёртвых везде, где проходили. Кладбища, поля сражений, места массовых захоронений — всё становилось их арсеналом. Правительства реагировали вяло — изучали, пытались бороться только там, где люди сильно возмущались. А когда человечество спохватилось, когда поняло, что это не локальная вспышка, а глобальная угроза... тогда было уже поздно. К личам невозможно было подобраться. Их охраняли полчища зомби, а сами они стали прятаться глубоко под землёй, в катакомбах, в старых бункерах.

Зарина сидела, вцепившись пальцами в подлокотники. Лицо её стало белым, как бумага. Воспоминания трёхсотлетней давности накрывали ледяной волной.

Триста лет назад. Зброшенная деревня на севере.

Зарина тогда экспериментировала с некромантией, пытаясь понять границы своих сил. Поднимать мёртвых она умела давно, но это были просто куклы, марионетки, лишённые воли. Ей хотелось большего. Хотелось создать нечто настоящее. Не просто ходячий труп, а существо, способное думать, чувствовать, говорить. Ей хотелось создать бессмертного помощника и собеседника. Древняя магия, которая всегда была под запретом, позволяла сделать подобное.

Она нашла его в покосившейся избе на окраине леса. Молодой парень, лет двадцати, крестьянский сын. Умер от чахотки за день до её прихода. Лежал на лавке, сложив руки на груди, с восковой свечой в изголовье. Были ли у него живы родные — неизвестно. В деревне свирепствовала болезнь, здоровые разбежались.

Зарина стояла над ним и размышляла. Красивое лицо, даже в смерти. Русые волосы, длинные ресницы, тонкие черты. Не похож на грубого крестьянина. Походил скорее на заезжего студента или обедневшего дворянина.

— Попробуем, — сказала она вслух и подняла скипетр.

Она вкладывала в заклинание не просто силу, а частицу себя. Свою кровь, свою душу, свою волю. Хотела не поднять, а воскресить. Вернуть к жизни не только тело, но и душу. Богиня готовила ритуал давно, и сейчас она сплела из льда в воздухе руны на забытом языке, смысл которого не знала — точно, как в книге, — и вложила в них силу. Её сила, прошедшая через светящиеся символы, окутала труп. Тело дёрнулось. Выгнулось дугой. Из открытого рта вырвался хрип. Зарина отступила на шаг, сжимая скипетр, и ждала.

Когда руны перестали светиться и вся энергия без остатка втянулась в труп, он открыл глаза.

Они были мёртвыми. Совершенно, абсолютно мёртвыми — без зрачков, без белков, только серая муть, в которой клубилась тьма. Но в этой тьме горел огонь. Умный, холодный, осмысленный.

Парень сел на лавке, повернул голову к Зарине и улыбнулся. Челюсти двигались с трудом, с хрустом, на лице появилась странная, даже пугающая улыбка.

— Кто ты? — спросила Зарина, и голос её дрогнул.

Он попытался заговорить. Сначала из горла вырывались только хрипы и бульканье, но потом, ценой невероятных усилий, он выдавил:

— Я... не знаю... я... твой... наверное.

Зарина замерла. Опять неудача, снова просто зомби?

— Ты помнишь что-нибудь? — сказала она. — Ты умер, а я вернула тебя к жизни.
— Я... жив, — прохрипел он. — Я думаю. Я чувствую. Я... хочу.

Он встал с лавки, пошатываясь, и шагнул к ней. Зарина отступила.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Тебя, — ответил он просто. — Ты дала мне эту... эту вторую жизнь. Ты — моя создательница. Моя королева. Я хочу быть с тобой всегда.

Он опустился на колени, с трудом сгибая мёртвые ноги, и склонил голову. Зарина смотрела на него и не знала, что делать. С одной стороны — эксперимент удался. Она создала разумное существо из мёртвой плоти. С другой — что-то в нём было не так. Что-то пугающее, тёмное, скрытое за этой показной преданностью.

— Встань, — сказала она. — Как тебя звали при жизни?

— Егор, — ответил он, поднимаясь. — Но это было тогда. Теперь у меня нет имени. Только то, которое дашь ты.

— Я назову тебя... — Зарина задумалась. — Потом. Сначала я должна понять, что ты такое.

Она оставила его при себе. Несколько дней она наблюдала за ним, изучала, проверяла границы его разума. Он действительно думал — медленно, тяжело, но думал. Учился говорить, и это получалось всё лучше, с каждым днём его речь становилась чище. Он запоминал всё, что она говорила, задавал вопросы, пытался понять мир, из которого ушёл, но вернулся.

Но были и тревожные знаки.

Он не ел. Не пил. Не спал. Просто сидел в углу и смотрел на неё своими мёртвыми глазами. Иногда она ловила в этом взгляде что-то такое, от чего по коже бежали мурашки, — голод. Не физический, а какой-то другой, глубокий, ненасытный.

А потом он убил человека.

Зарина вернулась после прогулки и увидела. На пороге лежал мужик из соседней деревни. Егор сидел рядом на корточках и смотрел на труп с выражением, которое у живых называется удовлетворением.

— Зачем? — спросила Зарина, и в голосе её зазвенел гнев.

— Он хотел войти, — ответил Егор спокойно. — Я не пустил. Он не послушал. Я его остановил.

— Ты убил его!

— Он был живой, — пожал плечами Егор. — А теперь нет. А я ещё живой. Мы разные. Они боятся нас и презирают. Они будут убивать нас... если смогут. Я просто сделал первый шаг.

Зарина поняла, что потеряла контроль. Егор был не просто разумным мертвецом. Попытка упокоить его магией провалилась. Волшебница запаниковала. Она выбежала на улицу, заморозила его и разбила на мелкие кусочки. Она была уверена, что с ним покончено.

Теперь, вспомнив зомби из города, ей стало дурно. Очевидно, что он не только восстановил себя, но и как-то научился применять некромантию. И, если то, что ей рассказали про личей, правда, то он стал создавать себе подобных.

Зарина сидела напротив президента, вцепившись пальцами в подлокотники стула. Внутри всё дрожало, но она старалась держать лицо. В этом ей помогала привычка, выработанная столетиями. Только что ей открылась страшная правда, и эта правда давила на плечи неподъёмным грузом.

Президент смотрел на неё внимательно, изучающе. Он видел, как изменилась её поза, как побледнело лицо, как дрогнули руки. Эта девушка, которая вошла с таким кокетливым видом, сейчас напоминала натянутую струну, которая того и гляди лопнет.

— Зарина, — позвал он тихо. — Что с вами? Вы побледнели ещё больше, чем когда вошли.

Она вздрогнула, выныривая из своих мыслей, и попыталась улыбнуться, но вышло плохо.

— Всё хорошо, — ответила она автоматически. — Просто... просто я ещё неважно себя чувствую. Трое суток без сознания, знаете ли, не проходят бесследно. Даже для богини. Голова кружится.

Президент кивнул, но взгляд его оставался настороженным. Он не поверил — это читалось в глазах. Но не стал давить.

— Понимаю, — сказал он. — Тогда, может, отложим разговор? Вам нужно отдыхать, восстанавливаться. Доктор Соколов говорил, что истощение у вас нешуточное.

Зарина хотела согласиться, встать и уйти, спрятаться в своей палате, забиться в угол и переварить то, что узнала. Но что-то остановило её. Может быть, взгляд президента, может быть, чувство вины, которое теперь грызло изнутри.

— Виктор Андреевич, — сказала она, впервые назвав его по имени и отчеству. — Можно вас спросить?

— Конечно.

— Вы верите, что я могу помочь? Реально помочь? Не просто создать одну ледяную стену, а остановить всё это?

Президент помолчал, собираясь с мыслями.

— Я верю в факты, — ответил он наконец. — Факт первый: вы существуете. Факт второй: вы владеете магией, которой нет ни у кого на планете. Факт третий: вы создали стену, чтобы остановить зомби, и спасли больше ста человек. Исходя из этих фактов, я считаю, что вы можете помочь. Вопрос только — захотите ли?

Зарина отвела взгляд.

— Боюсь, что не смогу, — прошептала она.

Президент нахмурился.

— Вы о чём?

Она глубоко вздохнула, понимая, что придётся раскрыть карты. Иначе он будет ждать от неё чуда, а чуда не случится. Не сейчас.

— Сил нет, — сказала она глухо. — Магических сил. То, что я сделала у виллы... это было почти всё, что у меня оставалось. Скипетр пуст. Я сама пуста. Чтобы восстановиться, нужно время. Много времени. Или...

Она запнулась.

— Или что? — спросил президент.

Зарина подняла на него глаза — огромные, синие, полные той самой древней тоски, которая копилась столетиями.

— Или молитвы, — сказала она просто. — Вера. Раньше, в прошлые века, меня боготворили. Люди молились мне, приносили дары, просили защиты. И эта вера питала меня. Чем больше верующих, тем я сильнее. А теперь... теперь кто в меня верит? Легенды, сказки, учебники истории. Реальной веры нет.

Она замолчала, и в тишине кабинета стало слышно тихое гудение вентиляции.

Президент смотрел на неё, и в глазах его что-то менялось.

— Значит, вам нужны верующие, — подытожил он. — Люди, которые будут в вас верить.

— Да.

— И сколько их нужно? Чтобы вы могли... ну, хотя бы сравниться с тем, что было раньше?

Зарина горько усмехнулась.

— Раньше мне поклонялись целые деревни. Города. Провинции. Миллионы людей молились Зарине, Богине холода. Теперь... теперь я даже не знаю, есть ли хоть кто-то, кроме вас, кто воспринимает меня всерьёз.

Президент откинулся на спинку кресла, задумался. Потом потянулся к сигаретам, закурил очередную.

— Людям нужна надежда, — сказал он, выпуская дым. — Сейчас, в этой мясорубке, они готовы поверить во что угодно. В бога, в дьявола, в инопланетян, в богиню холода — лишь бы это давало шанс. Если мы скажем им, что вы здесь, что будете сражаться на нашей стороне, что вы можете их защитить... они поверят. Я вам обещаю.

Зарина смотрела на него с сомнением.

— Вы так думаете?

— Я знаю людей, — ответил президент. — Я всю жизнь имею с ними дело. Когда человеку страшно, он ищет опоры. Любую. И вернувшееся древнее божество из сказок, вставшее на защиту людей, — не самая плохая опора. Те, кого вы спасли, уже в вас верят. Они видели чудо своими глазами. Осталось только распространить эту веру.

Он затаился, помолчал.

— Дайте нам время. День, два, неделю. Мы сделаем из вас не просто богиню — мы сделаем вас символом. А символам, Зарина, молятся не меньше, чем богам.

Она долго смотрела на него, потом медленно кивнула.

— Спасибо, — сказала она. — Попробуем. Но предупреждаю сразу: нужно время, чтобы силы вернулись. Даже с самыми преданными последователями я не стану прежней за один день.

— Сколько нужно?

— Неделя. Может, две. А может, и месяц. Я не знаю точно, я никогда не попадала в такую ситуацию. Раньше у меня всегда был запас.

Президент кивнул.

— Не буду вас торопить. Когда будете готовы, скажете. А пока восстанавливайтесь. Договорились?

Зарина протянула руку через стол. Он пожал её.

— Договорились, — сказала она.

Зарина уже хотела подняться и уйти, но президент вдруг заговорил снова, и голос его звучал несколько иначе. Как показалось девушке, тяжело, и вместо добродушия в нём появилась угроза.

— Знаете, Зарина, — сказал он, глядя куда-то мимо неё, в стену, увешанную картами и схемами. — Все эти годы, все триста лет, люди думали... Были уверены, что это вы.

Она замерла, не донеся руку до подлокотника.

— Что — я? — переспросила тихо.

— Зомби, — президент перевёл на неё взгляд, и в этом взгляде читалось что-то, от чего у Зарины похолодело внутри. — Мертвецы, поднимающиеся из могил. Личи, расползающиеся по континентам. Всё это считали вашим проклятием. Вашей мстью человечеству за то, что вас не поняли, не приняли, гнали.

Он помолчал, давая словам осесть в тишине кабинета.

— Из истории, — продолжил он, — мы знаем только одного некроманта такого масштаба. Только одну богиню смерти. Вас. И когда начался апокалипсис, когда первые личи появились в тех самых лесах, где вы проводили свои эксперименты, сомнений ни у кого не было. Люди говорили: «Зарина вернулась. Зарина мстит».

Зарина сидела ни жива ни мертва. Внутри всё сжалось в тугий узел. Она чувствовала, как предательски вспотели ладони, как защипало под мышками, как противно заныло в животе. Она заёрзала на стуле, пытаясь принять позу, которая скрыла бы её состояние, но получалось плохо.

— Это... это не я, — выдавила она, и голос её прозвучал хрипло, неубедительно. — Клянись вам. Я была далеко. Очень далеко.

Президент молчал, только смотрел на неё. Взгляд его был тяжёлым, испытующим — таким смотрят на подозреваемых следователи, когда уже знают ответ, но хотят услышать признание.

— Где? — спросил он просто.

— Далеко. Вне этой солнечной системы.

Она говорила и понимала, что звучит неубедительно. Слишком много совпадений. Слишком странное алиби, которое нельзя проверить. Слишком гладко.

— Я не знаю, откуда взялись эти зомби, — добавила она твёрже, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Не знаю, кто такие личи. Когда я улетаю, ничего этого не было. А когда вернулась — мир уже горел.

Президент продолжал молчать. Он не обвинял, не допрашивал — он просто смотрел. И в этом взгляде было всё: и годы страха, и надежда на чудо, и горькое понимание, что чудес не бывает.

— Знаете, — сказал он наконец, — я вам почти верю. Почти. Потому что вы здесь, потому что вы спасли людей, потому что вы сидите сейчас передо мной, бледная и испуганная, и пытаетесь оправдаться. Это не похоже на поведение той, кто триста лет мстила человечеству, а сейчас пришла злорадствовать, разыгрывая из себя жертву.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Но где-то в глубине души, — добавил он, обходя стол и останавливаясь напротив Зарины, — я не могу избавиться от мысли: слишком много совпадений.

— Отдыхайте, — сказал президент уже другим, снова дружелюбным тоном. — Мы вернёмся к этому разговору. И, Зарина...

Она замерла у двери, обернулась.

— Если вы знаете что-то, чего не говорите, — сказал он тихо, — если есть хоть что-то, что может пролить свет на появление зомби, на способ борьбы с ними... лучше скажите сейчас. Потом может быть поздно.

Он смотрел на неё, и в глазах его не было злости — только усталость и мольба.

Зарина выдержала этот взгляд. С трудом, через силу, но выдержала.

— Я ничего не знаю, — сказала она твёрдо. И зачем-то добавила: — Честно.

И вышла, оставив президента одного в кабинете, заваленном бумагами, картами и отчётами о гибели мира.

Она возвращалась в палату, чувствуя, как дрожь в коленях понемногу утихает. Разговор получился тяжёлым, но нужным. Теперь у неё был план. И была надежда.

Мысли путались, но одна билась настойчиво, как птица в клетке:

«Он ищет меня триста лет. Король личей. Моё творение. Как он выжил? Это моя ужасная ошибка! И теперь я должна это исправить любой ценой».

Глава 7 Объект «Снежная Королева»

«Мать говорила: "Сила проходит через тебя. Ты только проводник". Сестра Кайра учила: "Сила как река. Плыви по течению". Знаете, что я поняла после трёх дней медитаций? Моя река обмелела. Мой проводник засорился. А единственное, что действительно течёт, так это время. Медленно. Очень медленно. Как вода из крана, который забыли закрыть. В соседней галактике».

— *Из будущих мемуаров Зарины, глава «Советы мудрых родственников и суровая реальность»*

Она вошла в свою палату, и дверь с шипением закрылась за спиной, отсекая внешний мир. Её обволокла плотная, словно вата, тишина. Зарина прислонилась спиной к двери, закрыла глаза и задумалась.

— Что же делать? — прошептала она в пустоту.

Ответа не было.

Она оттолкнулась от двери, подошла к койке, села, не снимая ботинок. Скипетр положила на колени, уставилась на тусклый камень.

— Ты помнишь Олимп? — спросила она шёпотом.

Камень молчал. Он вообще никогда не говорил, но когда Зарине было одиноко, она всегда обращалась к нему. Ей иногда казалось, что он может ответить. Сейчас ответа не было. Только холод металла и мёртвая тишина камня.

Зарина закрыла глаза и попыталась вспомнить.

Олимп. Станция бессмертных. Она провела там... сколько? Триста лет? Она не помнила. Вообще не помнила. Было ощущение, что она была там, ходила по тем залам, смотрела на звёзды, разговаривала с другими бессмертными. Но детали ускользали, таяли, как дым, стоило только сосредоточиться.

— Странно, — прошептала она. — Очень странно.

Она пыталась вспомнить лица тех, кого встречала, — пустота. Имена — провал. Даже интерьер станции, который должен был впечатлить и запомниться, расплывался в голове белыми пятнами. Помнила только мерцающую арку портала, перед которой стояла в нерешительности. И то, что было после, за порталом: странная планета без звёзд, с искусственным климатом и городом бессмертных.

— Я была там, — сказала она вслух, пытаясь убедить себя. — Я точно была. Я помню город. Помню мосты. Помню, как мне понравилось.

Но чем больше она пыталась ухватить воспоминания, тем быстрее они ускользали, оставляя только смутное ощущение, что что-то не так.

— Ладно, — решила она. — Потом. Сейчас другое.

Она взяла с тумбочки контейнер с едой — пока она ходила к президенту, принесли обед. Зарина ела механически, не чувствуя вкуса, проваливаясь в свои мысли.

— Нужно восстанавливать силы, — сказала она себе, отставляя пустой контейнер. — Нужно медитировать.

Она скинула ботинки, забралась на койку с ногами, села в позу лотоса — насколько позволяла тесная казённая койка. Скипетр положила на колени, руки на камень, закрыла глаза.

— Дыши, — сказала она себе. — Просто дыши.

С самого детства Зарина пренебрегала медитацией. Ей всегда хватало той силы, что была у неё. Богиня пыталась вспомнить, как учила мать. «Сила, Зарина, не в тебе, — говорила она. — Сила проходит через тебя. Ты только проводник. Откройся, и она придёт».

Зарина открылась.

Она представляла, как снизу, в позвоночный столб, в неё вливается свет — холодный, чистый, насыщенный энергией. Как он растекается по телу, заполняя каждую клеточку, каждую жилочку. Как выходит из макушки и кистей рук и устремляется к камню в навершии скипетра. Как камень откликается, впитывает эту энергию, копит, хранит.

Ничего не происходило.

Точнее, происходило, но мучительно медленно. Крошечные крупички силы просачивались в неё. Но они были такие маленькие, что их почти невозможно было ощутить. Как вода, капающая из плохо закрытого крана. Капля. Ещё капля. Ещё.

— Твою ж... — выдохнула Зарина, открывая глаза. — Так я буду восстанавливаться год.

Она посмотрела на скипетр. Камень чуть-чуть, самую малость, посветлел. Или ей показалось?

Она снова закрыла глаза, снова попыталась сосредоточиться. Сестра Кайра, старшая, учила по-другому: «Сила — это река. Не пытайся удержать её, просто плыви по течению. Расслабься и позволь ей нести тебя».

Зарина расслабилась. Попыталась не контролировать, не направлять, просто быть. И снова — капля. Медленная, тягучая, едва ощутимая.

— Что со мной? — прошептала она в отчаянии. — Почему так медленно?

Ответа не было. Только гул вентиляции и тихое жужжание ламп.

Она присидела так, в позе лотоса, ещё час. Потом ещё. Потом сдалась, легла на койку, уставилась в потолок. Силы прибывали, но так мало, что это было даже смешно. Капля в море. Кроха по сравнению с тем, что было раньше.

— Мне нужны годы, — сказала она в потолок. — Или молитвы. Много молитв.

Она повернула голову, посмотрела на скипетр. Тот лежал рядом, тусклый, почти мёртвый. Искорка в глубине камня теплилась, но не разгоралась.

— Мы ещё повоюем, милый, — прошептала Зарина. — Обязательно повоюем.

Она закрыла глаза, но сон не шёл. Мысли путались, воспоминания об Олимпе ускользали, а в ушах стоял голос президента: «Слишком много совпадений».

— Я ничего не помню, — прошептала она в темноту. — Почему я ничего не помню?

И вдруг её осенило: а что, если на Олимпе с ней что-то сделали? Что, если её память заблокировали? Или стёрли? Или подменили?

— Чушь, — сказала она себе. — Кому это нужно?

Но мысль засела, как заноза, и не отпускала. Мысль оформилась в страх. Это был не страх смерти, а страх неизвестности. Страх того, что она чего-то не знает о себе самой.

— Надо работать над собой. В таком состоянии я ничего не смогу! — девушка твёрдо решила добиться от медитации значимых результатов.

Три дня. Три долгих, бесконечных дня, слившихся в один сплошной поток медитаций, попыток сосредоточиться и отчаяния.

Зарина сидела на койке в позе лотоса: скипетр на коленях, руки на тёплом уже камне, глаза закрыты. Она наконец научилась отключаться от внешнего мира — от еле слышного гула вентиляции, от шагов за дверью, от собственных мыслей, которые так и норовили увести в сторону. Оставалось только дыхание и ощущение силы, текущей через неё.

Первый день был самым тяжёлым. Сила приходила каплями, такими мизерными, что Зарина несколько раз срывалась, открывала глаза, готовая закричать от бессилия. Но потом вспоминала слова президента: «Мы сделаем из вас символ. Люди будут молиться». И снова закрывала глаза, и снова пыталась.

На второй день что-то изменилось. Капли стали чуть крупнее, чуть ощутимее. Зарина поймала себя на том, что впервые за долгое время чувствует не просто пустоту внутри, а что-то похожее на разгорающийся огонёк. Крошечный, почти незаметный.

— Работает, — прошептала она, открывая глаза и глядя на скипетр. Камень чуть посветлел. Совсем чуть-чуть, но это было заметно.

На третий день сила полилась ручьём.

Не бурным потоком, каким была когда-то, но уже не жалкими каплями. Зарина чувствовала, как энергия вливается в неё откуда-то извне, как наполняет тело, как оживляет камень скипетра. Она открыла глаза и долго смотрела на голубое сияние, разгорающееся в глубине.

— Они молятся, — сказала она вслух. — Реально молятся.

Она встала с койки. Ноги не дрожали, голова не кружилась. Подошла к маленькому зеркалу на стене, которое повесили по её просьбе, взгляделась в своё отражение. Глаза сияли ярче, чем вчера. На щеках появился слабый румянец. Даже волосы заблестели.

— Хороша, — привычно сказала Зарина и поднесла мизинец к губам.

Президент разрешил ей свободно передвигаться по бункеру, и Зарина пользовалась этим в промежутках между медитациями. Коридоры, которые в первый день казались лабиринтом, теперь стали знакомыми. Она гуляла по ним, когда уставала сидеть на месте, разминала ноги, наблюдала за людьми.

Люди провожали её взглядами. Кто-то смущался, кто-то просто смотрел с благоговением, кто-то — с любопытством. Зарина кивала, иногда улыбалась, иногда махала рукой. Она чувствовала, что эти взгляды, эти мысли, эти молитвы — всё это питает её, возвращает к жизни.

Общий зал находился в центре бункера. Большое помещение с высоким потолком, столами и стульями, где выжившие собирались вместе. Люди ели, разговаривали, играли в карты, просто сидели, глядя в одну точку. Зарина заходила туда несколько раз. Садилась в углу, пила чай, слушала разговоры. Обычные люди, обычные судьбы, сломанные апокалипсисом. Кто-то потерял всех, кто-то чудом спасся, а кто-то всю жизнь провёл в различных убежищах.

— Это она, — шептались за спиной. — Богиня. Та самая. Стену создала.

И Зарина чувствовала, как тонкие ниточки веры тянутся к ней от этих людей, как питают её, как дают силы.

Но больше всего времени она проводила в библиотеке. Небольшая комната, примыкающая к кабинету президента, где на стеллажах теснились книги — настоящие, бумажные, пахнущие пылью и временем. Президент разрешил брать любые, в том числе из его кабинета.

— Читайте, — сказал он. — Здесь история этого мира, как вы его называете. Может, найдёте что-то полезное.

Зарина читала жадно, запоем. Исторические труды, мемуары, летописи — всё, что могло рассказать ей о том, что случилось с миром за те триста лет, что она отсутствовала. Войны, революции, открытия, катастрофы. Люди убивали людей, люди любили людей, люди строили и разрушали. Всё как всегда.

Но ничего о личах. Ничего о зомби. Первые упоминания о нежити появились только в последние годы, и они были скудными, путанными, словно никто не понимал, что происходит.

— Странно, — бормотала Зарина, перелистывая страницы. — Очень странно.

Она сидела в библиотеке допоздна, читала при свете настольной лампы, делала пометки в блокноте, который ей выдали. Скипетр лежал рядом на столе, и камень его слабо светился в полумраке.

Утро четвёртого дня встретило Зарину привычным гулом вентиляции и мягким светом ламп. Она открыла глаза и сразу почувствовала разницу. Тело больше не было чужим и ватным, внутри плескалась сила — не та, прежняя, великая, но уже ощутимая, живая, тёплая.

Она села на койке, потянулась, хрустнув суставами. Скипетр лежал рядом, камень его сиял ровным голубым светом — неярко, но уверенно.

— Доброе утро, милый, — сказала Зарина, погладив камень пальцем. — Сегодня важный день.

Она встала, натянула армейские штаны, футболку, зашнуровала берцы. Привычным движением заплела косу. Русые волосы блестели, послушно ложились в пряди. Потом девушка подошла к маленькому зеркалу на стене, взгляделась в своё отражение. Глаза сияли, на щеках играл лёгкий румянец, губы чуть припухли со сна.

— Хороша, — привычно сказала она себе и поднесла мизинец к губам. — Богиня.

Из палаты она вышла уже собранной, готовой к действию. В столовой взяла поднос с завтраком: каша, хлеб, заменитель кофе. Села за свободный столик, ела медленно, с наслаждением, наблюдая за людьми.

Они смотрели на неё. Кто-то украдкой, кто-то открыто. Одна женщина сложила руки в молитве, поймав её взгляд. Маленькая девочка помахала рукой. Зарина улыбнулась и помахала в ответ.

Сила текла в неё тонкими ручейками. Молитвы работали.

После завтрака она вернулась в палату. Села на койку, скрестив ноги, положила скипетр на колени, закрыла глаза. Медитация вошла в привычку — тело само принимало нужную позу, дыхание само выравнивалось, сознание само очищалось.

Сила вливалась ровно, спокойно, как вода в наполняющийся кувшин. Зарина чувствовала, как камень скипетра теплеет, как энергия растекается по телу, заполняя каждую клеточку.

Но сегодня была другая цель.

Она глубоко вздохнула и направила поток силы не в скипетр, а в себя. В голову. В мозг. Туда, где прятались воспоминания, которых не было. Которые ускользали, стоило только сосредоточиться.

— Покажитесь, — прошептала она. — Я хочу знать правду.

Целительная магия — не её конёк, она всегда лучше умела замораживать и убивать. Но сейчас Зарина использовала её по-другому: мягко, осторожно, обволакивая каждую клетку мозга тёплым светом.

И вдруг что-то щёлкнуло.

Воспоминания хлынули лавиной.

Олимп. Триста лет назад.

Она увидела его ярко, отчётливо, словно вернулась туда на мгновение. Огромные залы с прозрачными стенами, за которыми плыли звёзды. Другие бессмертные — красивые, надменные, равнодушные. Разговоры, споры, интриги. Кто-то протягивает ей бокал с золотистым напитком. Она пьёт.

И провал.

Следующее воспоминание — она стоит перед порталом. Он мерцает, манит её неизвестностью. Рядом кто-то есть. Мужчина в тёмных одеждах, с бледным лицом и глазами, полными тьмы.

— Иди, — говорит он. — Там то, что ты ищешь.

— Что я ищу? — спрашивает Зарина, и голос её звучит странно, отстранённо.

— Правду. Силу. Себя.

Она шагает в портал.

И снова провал.

Планета без звёзд.

Искусственное небо, климат по расписанию, город бессмертных. Она идёт по мосту, смотрит на синюю воду в каналах. Рядом снова тот мужчина в тёмном.

— Тебе здесь нравится? — спрашивает он.

— Да, — отвечает она. — Очень.

— Оставайся.

— Не могу. Мне нужно вернуться.

— Зачем?

Она не знает ответа.

Провал.

Лаборатория.

Белые стены, приборы, странные механизмы. Ей вводят что-то в вену. Холодно. Страшно. Она пытается вырваться, но тело не слушается.

— Не сопротивляйся, — говорит чей-то голос. — Мы просто сотрём лишнее. Оставим только нужное.

— Что вы делаете? — кричит она.

— Дарим тебе новую жизнь.

Провал.

Снова планета без звёзд.

Теперь одна. Ходит по городу, заходит в дома, говорит с людьми. Сколько времени прошло? Дни? Месяцы? Годы? Она не знает.

— Ты готова? — спрашивает кто-то.

— Готова.

— Тогда иди.

Портал. Шаг. И темнота.

Гулкий перестук каблучков разносился под высокими сводами мраморных коридоров дворца «Олимпа». Зарина шла быстро, почти летела, и полы её длинного синего плаща, расшитого серебряной нитью, взметались за ней, словно крылья разгневанной птицы. Русую косу, перевитую голубой лентой, ветер от её же стремительного шага бросал то на одно плечо, то на другое.

— Ну и пусть, — протянула она, картинно надув губы и поправив идеально лежащую прядь.

Большие голубые глаза гневно блестели, но даже в этой ярости они, казалось, сияли небесной лазурью, обещая тому, кто посмеет встретиться с ней взглядом, либо смерть, либо вечное смущение. Встречный путник в серых одеждах, увидев это прекрасное разъярённое видение, споткнулся на ровном месте, покраснел до корней волос и принялся судорожно изучать архитектуру дворца.

— Жемчужина моей красоты, конечно, для него слишком ярко сияет, раз он предпочёл ей каких-то безвкусных девиц с соседней фермерской террасы? — Зарина театрально прижала оттопыренный мизинец к губам, на мгновение задумавшись.

Она злилась не на сам разврат. Подумаешь, оргия! Гетрит всегда был ветреным, как и она сама. Но устроить всё в тайне от неё? От той, с кем он провёл последние пятнадцать лет, деля морозное дыхание и тайны погостов? Это было не просто оскорбление. Это было преступление против вкуса, против эстетики, против изысканности.

— Нет, милый, это фиаско, — пропела она, грациозно переступая через порог, украшенный голографической лозой. — Твоя смерть будет красивой, но холодной. Очень холодной. Я ещё придумаю, как именно, — пообещала она пустоте, и на мраморных плитах под её ногами на секунду проступил тонкий, искрящийся слой инея, тут же исчезнувший в тепле.

Она вышла из дворца. Искусственное солнце сектора «Вечная Весна» ласково грело спину, щебетали синтезированные птицы в подстриженных кронах. Для богини холода это было настоящей пыткой. Зарина презрительно сморицала аккуратный, чуть курносый носик.

— Безвкусица, — фыркнула она, укутываясь в плащ, который, впрочем, был ей не нужен ни для тепла, ни для защиты от зноя. Она просто любила эффектные жесты.

Впереди, за аккуратными газонами, находилась Площадь Порталов. Множество порталов, которые вели в самые разные места станции. Отсюда она планировала добраться до стыковочных доков, где её ждал личный корабль.

— С этой дурацкой планеты, где всё по расписанию, — проворковала она, взмахнув рукой, и в её ладони прямо из нагретого воздуха материализовался лёгкий ледяной скипетр с крупным голубым камнем в наверху. Хрусталь приятно охлаждал пальцы. Она покрутила его, поймав солнечный зайчик и направив ослепительный лучик в глаз голографическому роботу-садовнику, отчего тот сбился с программы и начал поливать скамейку.

За ней уже наблюдали. Кто-то из местных аристократов, прогуливающихся по парку, узнал её. Шепотки поползли по дорожкам:

— Смотри, это же она... Богиня Холода.

— И смерти...

Зарина остановилась, грациозно, словно цапля, и медленно, очень медленно, повернула голову в их сторону. Её взгляд скользнул по шепчущейся группе. Мужчины в этой компании тут же замерли, их лица залил неровный румянец, они принялись теревать воротнички, сбивчиво бормоча что-то о погоде. Зарина кокетливо улыбнулась, поднесла мизинец к губам и чуть наклонила голову, давая им насладиться своей красотой. Эффект был достигнут: один из молодых людей споткнулся о бордюр и чуть не упал в кусты.

— Богиня смерти, — прошептала она, смакуя это словосочетание. — Ах, как грубо.

Она отвернулась и продолжила путь к portalу. Гетрит ещё пожалеет. Она не пренебрежения. Но сначала — прочь отсюда, в холод открытого космоса, где никто не указывает, когда светить солнцу, а когда идти снегу.

Площадь Порталов встретила Зарину гулом голосов и мягким гудением работающих мембран. Огромные арки, переливающиеся всеми цветами радуги, вели в разные сектора искусственной планеты. Где-то за ними был влажный тропический лес, где-то — вечные снега, а где-то — пустыня, в которой сейчас как раз начинался рассвет по расписанию.

Зарина подошла к первой арке, кокетливо склонив голову. Голубые глаза пробежали по голографической табличке: «Сектор Аквамарины — Водный мир».

— Не то, — капризно протянула она, взмахнув скипетром, и направилась дальше.

Вторая арка: «Сектор Золотые Пески — Курортная зона».

Третья: «Сектор Изумруд — Лесной массив».

Четвёртая: «Сектор Рубин — Горнолыжный курорт».

— Глупости, — фыркнула Зарина, поправляя ленту в косе. — Я по горам лазить не собираюсь.

Она обошла все двенадцать порталов, сверяясь с указателями, но ни один не вёл к стыковочным докам, к выходу с этой дурацкой планеты. Только внутренние перемещения. Только с террасы на террасу.

— Это возмутительно! — воскликнула она так громко, что проходящий мимо семейный андроид, гружённый чемоданами, сбился с шага и начал кружиться на месте, пытаясь перезагрузить навигацию.

Зарина топнула ножкой, обутой в изящную синюю туфельку, и на мраморной плитке под ней снова расцвёл морозный узор. Мимо спешили люди, но, взглянув на разгневанную красавицу со скипетром в руках, тут же отводили глаза и ускоряли шаг. Кто-то из охраны портальной зоны уже потянулся к коммуникатору, но, встретившись с её ледяным взглядом, передумал и спрятался за колонну.

— Ладно, — протянула она, театрально закатив глаза. — Если нельзя сразу убраться с этой дурацкой планеты, пойду в ваш дурацкий центральный город. Там-то уж наверняка есть нормальный портал наружу.

Она выбрала арку с табличкой «Централ — Административный центр Олимпа», поправила плащ и, гордо вскинув подбородок, шагнула в мерцающую мембрану.

Переход был мягким, почти невесомым. Ещё секунду назад её обдувал тёплый ветерок сектора Вечной Весны, и вот уже она стояла на площади перед огромным зданием из стекла и металла, уходящим ипсилем в искусственное небо. Централ оказался городом-садом: небоскрёбы тонули в зелени, по монорельсам скользили поезда, а в воздухе пахло озоном и цветами.

— Как мило, — жеманно заметила Зарина, оглядываясь. — Но где же здесь портал наружу?

Она прошлась по центральной площади, привлекая внимание каждого встречного мужчины. Они краснели, замирали, роняли сумки и планшеты, провожая её взглядами. Она же лишь кокетливо улыбалась, поднося мизинец к губам, и шла дальше, высматривая указатели.

Центральный вокзал порталов нашёлся быстро. Это было огромное здание с десятками арок. Зарина вошла внутрь, уверенная, что сейчас решит свою проблему. Она подошла к информационной стойке, где стоял молодой человек в униформе. Увидев её, он открыл рот, но не смог произнести ни звука. Его щёки предательски покраснели.

— Милый, — проворковала Зарина, облокотившись на стойку и чуть наклонив голову, отчего русые волосы скользнули по плечу. — Я ищу портал, ведущий за пределы планеты. К докам, к кораблям. Понимаешь?

— Я... э-э... мы... — промямлил юноша, теребя галстук. — Тут такого... нет...

— Чего нет? — голос Зарины стал на полтона ниже, но всё ещё звучал как журчание ручья.

— П-порталов наружу. Никогда о таких не слышал.

— И как же я могу отсюда убраться?

— Я... я не знаю... Таковы правила, нельзя покинуть это место, — пискнул парень.

— Правила! — Зарина взмахнула рукой, и скипетр в её ладони засиял холодным голубым светом. Температура вокруг упала на несколько градусов. На стойке, там, где лежала её рука, выступил иней. — Я не соблюдаю правила. Я их устанавливаю. Где тот, кто это всё придумал? Кто здесь главный?

— Х-хранитель, — выдохнул юноша, стуча зубами. — В башне. Вон там, — он дрожащей рукой указал на тот самый стеклянный небоскрёб, возвышающийся над городом.

Зарина проследила за его жестом и хищно, очень красиво, улыбнулась.

— Хранитель, значит. Тот, кто управляет всем этим безобразием. Что ж, — она поправила косу, провела мизинцем по губам и направилась к выходу, — нанесу-ка я визит вашему Хранителю. Давно мне никто не объяснял, почему мои желания не исполняются мгновенно.

Она вышла из здания вокзала и, не обращая внимания на застывших в восхищении прохожих, зашагала прямо к башне, оставляя за собой лёгкую морозную дымку. Ветер трепал её синий плащ, коса с голубой лентой развевалась за спиной, а в глазах горел холодный, опасный огонь.

— Гетрит, — пробормотала она себе под нос, — твоя выходка уже кажется мне цветочками. Сейчас будет ягодка. И ягодка эта будет очень, очень холодной.

Башня Хранителя оказалась на удивление безвкусной, по мнению Зарины. Слишком много стекла, слишком много стали, слишком много этой дурацкой растительности на балконах. Она вошла в вестибюль, даже не взглянув на охранников — те и так расступились, краснея и заикаясь, стоило ей повести плечом и поправить ленту в косе.

Лифт поднял её на самый верх, и двери распахнулись, выпуская разгневанную богиню прямо в приёмную. Секретарша — сухая женщина в строгом костюме — подняла голову и открыла рот, чтобы что-то сказать, но Зарина жестом остановила её, поднеся оттопыренный мизинец к губам.

— Тише, милая, — протянула она, даже не взглянув на женщину. — Я сама.

Двери кабинета были массивными, из светлого дерева, с голографической эмблемой «Олимпа» в центре. Зарина не стала их открывать. Она просто толкнула их ладонью, и створки распахнулись с такой силой, что ударились о стены, а на полу перед ними выступила тонкая корка льда.

— Ну и кто тут у нас Хранитель? — пропела она, переступая порог.

Кабинет оказался огромным, с панорамными окнами на весь Централ. Искусственное солнце клонилось к закату, заливая помещение оранжево-розовым светом, который, впрочем, мгновенно стал казаться блеклым на фоне ледяной синевы вошедшей богини.

За столом, лицом к окнам, в высоком кресле сидел мужчина. Он медленно повернулся, и Зарина на мгновение замерла.

Он был стар. Нет, не просто стар — древен. Седые волосы падали на плечи, лицо изрезали глубокие морщины, но глаза... глаза были молодыми, живыми и смотрели на неё с каким-то странным, усталым любопытством. Он был одет в простой серый костюм, без всяких регалий, без намёка на власть.

— Зарина, — произнёс он голосом, скрипучим, как зимний ветер в сухих ветвях. — Богиня холода. Богиня смерти. Чем обязан?

Она на мгновение опешила — он знал её, и, что хуже, не покраснел, не замялся, смотрел прямо и спокойно. Но опешила она лишь на мгновение. Жеманство и гнев мгновенно вернулись к ней.

— Ах, так ты меня знаешь? — она картинно всплеснула руками, сжимая скипетр, и прошла по кабинету, жестикуюлируя с преувеличенной театральностью. — И при этом смеешь устраивать такие безобразия? Эти порталы, которые никуда не ведут? Эти правила, эти расписания? Я, Зарина, богиня, вынуждена тащиться через весь твой скучный городишко, потому что какой-то...

Она запнулась, подбирая слово пообиднее.

— ...какой-то старикашка, возомнивший себя Хранителем, не соизволил сделать нормальный выход наружу!

Хранитель не шелохнулся. Он лишь сложил руки на столе и продолжал смотреть на неё с тем же усталым спокойствием.

— К чему тебе выход? Здесь же рай. И отсюда не уходят.

— Ты надо мной смеёшься? — тихо, очень тихо спросила она. — Зря.

Она подняла скипетр. Голубой камень в наверху вспыхнул ослепительным светом. Температура в кабинете рухнула мгновенно — стёкла окон покрылись толстым слоем инея, цветы в кадках почернели и рассыпались в прах, на полу, на стенах, на потолке зазмеились ледяные узоры, стремительно затягивая всё пространство.

— Замри, — приказала она, направляя скипетр на Хранителя. — Замри и подумай, прежде чем...

И в этот миг мир померк.

Не просто погас свет. Не просто потемнело в глазах. Мир исчез. Звуки умерли. Краски схлопнулись в бездонную чёрную пустоту. Зарина не чувствовала своего тела, не чувствовала скипетра в руке, не чувствовала даже холода, который была призвана воплощать. Она была ничем в никуда.

Сознание уцелело — тоненький лучик ужаса в абсолютной тьме.

— Что... — попыталась прошептать она, но голоса не было. Рта не было. Была только мысль, пульсирующая в пустоте. — Что происходит?

Тишина.

Сознание возвращалось неохотно, словно пробиваясь сквозь толщу векового льда. Первое, что почувствовала Зарина, была нестерпимая, выматывающая слабость, которой она не знала никогда прежде. Её тело, всегда такое послушное и лёгкое, сейчас казалось чужим и тяжёлым, будто выточенным из свинца, а не из плоти.

Она с трудом разлепила веки. Всё плыло. Над ней был не привычный синий шёлк балдахина, а белоснежная, стерильная плитка потолка, пронизанная холодным светом светодиодных ламп. Воздух пах озоном, металлом и чем-то резко-медицинским, спиртовым.

Зарина попыталась пошевелиться и тут же ощутила холод металла на запястьях и лодыжках. Широкие, но гладкие браслеты приковывали её к узкой койке. Страх ледяной змейкой скользнул по позвоночнику, мгновенно прогоняя остатки дурмана.

— Ах... что это? — её голос, обычно протяжный и манящий, сорвался на сиплый шёпот. Она дёрнула рукой, и цепь жалобно звякнула. — Немедленно отпустите! Вы знаете, кто я?

Рядом с койкой стоял высокий человек в белом халате, с лицом, лишённым всяких эмоций. В руках он держал прозрачный шприц-пистолет, наполненный мутноватой жидкостью. За его спиной маячили двое в форме службы безопасности станции с абсолютно пустыми глазами.

— Не волнуйтесь, Зарина. Это стандартная процедура. Лёгкий седативный препарат, — его голос звучал ровно, как диктор, объявляющий расписание смены времён года в секторе 7-бис.

— Седативный? — глаза девушки, эти огромные голубые озёра, вмиг наполнились ужасом и гневом. — Да как ты смеешь приближаться ко мне, смертный? Я Зарина! Я повелеваю стужей! Я упокаиваю мёртвых!

Она забилась, извиваясь на койке всем телом. Русые волосы, выпущенные из косы, разместились по белой подушке, голубая лента беспомощно повисла на плече. Жеманность и кокетство исчезли без следа, уступив место яростной, дикой грации загнанной в угол хищницы.

— Я приказываю тебе! — выкрикнула она, выгибаясь и пытаясь дотянуться до воображаемого скипетра. — Мой жезл! Где он?!

В отчаянии она воззвала к своей силе. Она представила, как воздух вокруг неё стынет, как иней сковывает эти ненавистные оковы, как ледяные пики вырастают из пола, чтобы защитить её. Она напряглась, вкладывая в приказ всю свою волю, весь свой капризный, ветреный, но могучий дух.

Ничего не произошло.

Лишь слабое голубое свечение на миг вспыхнуло в её глазах и тут же погасло, подавленное чем-то чуждым, тяжёлым, что давило на неё со всех стен этой комнаты.

Человек в халате даже не дрогнул. Он шагнул ближе, и Зарина почувствовала, как холодный металл наконечника шприца коснулся нежной кожи её шеи.

— Не надо... — прошептала она, впервые в жизни почувствовав себя не всесильной богиней, а маленькой, испуганной девочкой. — Пожалуйста... я ничего не сделала... Я просто хотела посмотреть вашу планету... Она такая забавная, с этим вашим расписанием...

В её глазах, широко распахнутых, блестели слёзы. Она попыталась применить последнее оружие — свою красоту. Она смотрела на него с мольбой, с тем самым взглядом, от которого краснели и запинаясь вельможи при её дворе. Но человек оставался бесстрастен, как одна из её ледяных статуй.

Раздался тихий пневмо-щелчок. Тонкая, почти неосязаемая игла вонзилась в её тело. Лекарство начало действовать мгновенно, разнося по венам обжигающий холод, который был страшнее любой её метели.

Сознание таяло, как весенний снег. Веки отяжелели. Сквозь наваливающуюся ватную пелену она услышала обрывок фразы, которую врач бросил через плечо одному из ассистентов:

— ...объект «Снежная королева». Высокий магический потенциал, нестабильна. Протокол «Чистота». Начать полное сканирование нейронных связей, после чего — полное стирание памяти о её мире и способностях. Подготовить новые документы. Пусть думает, что она обычная земная девушка, туристка, потерявшая сознание от перепада давления.

«Стереть... память?..»

Эта мысль была последней, что Зарина успела осознать. Её пальцы, которые всего минуту назад так изящно и кокетливо взлетали к губам, бессильно разжались. Голова упала на подушку. Мир поглотила тьма — более глухая и беспросветная, чем самая холодная зимняя ночь, которую она когда-либо создавала.

Девушка провалилась в сон, из которого должна была выйти совершенно другим человеком.

Глава 8 Осколки прошлого.

«Странно, когда идёшь убивать, а тебя встречают как родную».
— *Из личных записей Зарины*

Сознание возвращалось медленно, тягуче, словно она выныривала из глубокого, холодного омута. Первым ощущением был липкий, ледящий, сжимающий сердце ледяными пальцами ужас. Зарина распахнула глаза и хватала ртом воздух, как будто в реальности вынырнула с большой глубины на задержке дыхания.

Всё тело было мокрым от пота. Одежда прилипла к спине и груди. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выскочить. Дрожь колотила тело, которое никогда не боялось холода, и от этого волшебница чувствовала себя ещё хуже.

— Где я? — прошептала она первое, что пришло в голову, хотя уже узнавала белую палату, тусклый свет ламп, металлическую дверь. Бункер. Её палата. Всё в порядке.

Нет, не в порядке.

Воспоминания хлынули с новой силой, но теперь они не были хаотичным потоком — они складывались в картинку, чёткие, яркие, но пугающие.

Олимп. Тот мужчина в тёмном. Портал. Планета без звёзд. Лаборатория. Укол. Чужой голос: «Мы просто сотрём лишнее».

Она вспомнила, как раз за разом проживала годы жизни на планете без небосвода. Она была самой собой, была горничной, была крестьянкой, была принцессой, была просто горожанкой. Как раз за разом пыталась бежать — и каждый раз просыпалась в больничной палате, чтобы лишиться памяти.

Зарина зажала уши ладонями, словно это могло заглушить воспоминания, но они не были звуками извне. Воспоминания возвращались голосами в голове, которые не давали успокоиться.

— Зачем? — прошептала она в пустоту. — Зачем вы это сделали?

Она попыталась вспомнить ещё. Напряглась, вцепившись пальцами в простыню, закрыла глаза, сосредоточилась. Что было после лаборатории? Она помнила только обрывки. Город без звёзд. Мосты. Разговоры с кем-то. А потом... темнота.

— Ну же! — прошипела Зарина, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Вспоминай! Что было дальше? Сколько времени прошло? Почему я ничего не помню?

Ничего. Пустота. Провал.

Она открыла глаза и уставилась на свои руки. Они дрожали. Всё тело продолжало дрожать. Холодный пот стекал по спине, по груди, заставляя ёжиться, и не думал останавливаться.

— Это они, — сказала она вслух, и голос прозвучал хрипло, чуждо. — Они стёрли мне память. На Олимпе. На той уродской планете. Я не помню, потому что они не захотели, чтобы я помнила. Лишь обрывки.

Мысль была страшной, но она объясняла всё. Провалы в памяти, красочные сны, невозможность вспомнить события до дня появления на площади.

Зарина спустила ноги с койки, встала, но ноги подкосились, и она опустилась на колени прямо на холодный металлический пол. Обхватила голову руками, сжалась в комок.

— Что они от меня хотели? — шептала она. — Зачем стирали память? Что я такого сделала? Или могла сделать?

Воспоминания продолжали всплывать, но рваные, бессвязные. Лицо того мужчины в тёмном — бледное, с провалившимися глазами. Чей-то смех. Золотистый напиток в бокале. Звёзды за прозрачной стеной. И снова портал, манящий, пульсирующий.

— Я вошла в портал, — прошептала Зарина. — Я была на той планете. А потом... потом вернулась. Но не помню, сколько прошло времени. Не помню, что делала. Не помню, как вернулась.

Она подняла голову, посмотрела на скипетр. Тот лежал на полу, куда выпал из рук, камень тускло мерцал в полумраке.

— Ты помнишь? — спросила она шёпотом. — Ты был со мной там?

Скипетр молчал. Он вообще никогда не говорил, но Зарине казалось, что именно сейчас он мог бы ответить. Не ответил.

Она протянула руку, взяла его, прижала к груди. Холод металла немного отрезвил, привёл в чувство.

— Ладно, — сказала она, пытаясь унять дрожь в голосе. — Ладно. Я узнаю. Обязательно узнаю. Но не сейчас. Сейчас надо успокоиться. Надо прийти в себя.

Она попыталась встать — получилось со второй попытки. Добрела до умывальника в углу, открыла кран, плеснула холодной водой в лицо. Вода стекала по щекам, смешиваясь с потом и слезами — она даже не заметила, когда начала плакать.

Зарина посмотрела на себя в маленькое зеркальце над умывальником. На неё смотрела бледная, мокрая, испуганная девушка с огромными синими глазами и трясущимися губами.

— Богиня, — усмехнулась она горько. — Богиня, которая не помнит, кто она и откуда. Богиня со стёртой памятью. Богиня, создавшая апокалипсис, даже не заметив.

Она закрыла глаза, прислонилась лбом к холодному металлу стены. Воспоминания всё ещё бились в голове, но уже тише, спокойнее, как волны, разбивающиеся о берег.

— Я вспомню, — пообещала она себе. — Я всё вспомню. Чего бы мне это ни стоило.

Она оттолкнулась от стены, вытерла лицо рукавом, подошла к койке и села. Скипетр положила на колени, погладила тёплый камень.

— Ты со мной, — прошептала она. — Значит, не всё потеряно.

На поверхности скоро должен был начинаться новый день.

— Завтра, — сказала она. — Завтра я попробую снова.

Она легла, натянула одеяло до подбородка, прижала скипетр к груди и закрыла глаза. Сон пришёл не сразу — долго ещё ворочалась, вздрагивала, бормотала что-то. Но под утро провалилась в глубокую, без сновидений, тьму.

Холодный пот высох на теле. Дыхание выровнялось. Она спала, и во сне лицо её было спокойным, почти безмятежным. Никто бы не сказал, что несколько часов назад эта девушка корчилась от нахлынувших воспоминаний, пытаясь понять, кто она и что с ней сделали.

Утро следующего дня Зарина встретила не в палате, а в общем зале, за завтраком. Она пришла туда раньше обычного, когда большинство выживших ещё спали, и сидела за дальним столиком, задумчиво ковыряя ложкой кашу.

Она чувствовала силу. Она текла в ней — не бурным потоком, но уверенной, спокойной рекой. Камень скипетра пульсировал ровным голубым светом, и это зрелище успокаивало, придавало уверенности. Теперь, когда прошлое стало чуть понятнее, нужно было думать о настоящем и планировать будущее.

— Хватит прятаться, — сказала она себе, допивая остывший кофе. — Пора действовать.

Она поднялась из-за стола и направилась к кабинету президента. По дороге её не останавливали, но здоровались, провожали взглядами. В убежище она потихоньку становилась своей.

Дверь кабинета была приоткрыта. Зарина постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Президент сидел за столом, заваленным бумагами, и пил кофе — судя по его виду, уже неизвестно который по счёту. Похоже, он сегодня не спал. Под глазами залегли тени, лицо осунулось ещё больше, чем при их последней встрече. Он поднял взгляд на вошедшую и слабо улыбнулся.

— Выглядите лучше, — сказал он вместо приветствия.

— Чувствую себя лучше, — ответила Зарина, садясь напротив без приглашения. — Сила возвращается. Не полностью, но достаточно.

Президент откинулся на спинку кресла, внимательно глядя на неё.

— Достаточно для чего?

Зарина задумалась, прислушиваясь к себе.

— Смогу заморозить небольшую группу. Создать ледяную стену, если понадобится. Защитить себя и тех, кто будет рядом. Смогу... почувствовать нежить. Они излучают холод, знаете ли. Не такой, как мой, а мёртвый, пустой. Я сумею его различить.

Президент кивнул, потянулся за сигаретой, но передумал.

— Это хорошо, — сказал он. — Потому что у нас есть информация.

Он развернул на столе карту — подробную, с множеством пометок. Зарина подалась вперёд, рассматривая.

— Вот здесь, — президент ткнул пальцем в точку километрах в пятидесяти от бункера, — старый угольный разрез. Заброшенный ещё до апокалипсиса. Глубокие штольни, разветвлённая сеть подземных ходов. По нашим данным, там может скрываться один из личей.

Зарина вскинула бровь.

— По вашим данным?

— Разведка, — коротко ответил президент. — У нас есть люди, которые рискуют жизнью, чтобы добывать информацию. Неделю назад одна группа не вернулась. Последнее, что они передали, — координаты и слово «лич». Судя по всему, он выполз на поверхность.

Он помолчал, давая ей осмыслить.

— Мы не можем послать туда армию, — продолжил он. — У нас нет армии. Есть несколько десятков бойцов, которые готовы умереть, но это будет без толку. Против лича обычное оружие бесполезно. Возможно, поможет магия. Нужны вы.

Зарина смотрела на карту. Палец президента всё ещё лежал на точке, отмеченной красным крестом.

— Вы хотите, чтобы я пошла туда, — сказала она.

— Я хочу, чтобы вы возглавили группу, — уточнил президент. — Лучшие бойцы, какие у нас есть, пойдут с вами. Они будут прикрывать, отвлекать, защищать. Ваша задача — найти лича и... нейтрализовать.

— Убить, — уточнила Зарина.

— Убить, — подтвердил президент. — Если получится. Если нет — хотя бы найти способ сделать это в будущем, а сейчас нейтрализовать.

Зарина помолчала, глядя на карту. Потом подняла глаза.

— Я согласна, — сказала она твёрдо.

Президент облегчённо выдохнул.

— Спасибо, — сказал он просто. — Я надеялся, что вы согласитесь.

— Когда выступаем? — спросила Зарина.

— Тянуть не стоит, сведения могут устареть каждую минуту. Если вы готовы, то завтра на закате. Сегодня мои люди приготовят снаряжение, транспорт. Выдвигаетесь на бронетранспортере — он сможет пройти там, где обычные машины застрянут. Дальше — пешком, по лесу.

Зарина кивнула. Внутри не было страха — только холодное, спокойное принятие. Она должна это сделать. И сделает.

— Я хочу познакомиться с группой, — сказала она. — Узнать тех, с кем идти.

— Конечно, — президент поднялся, подошёл к селектору, нажал кнопку. — Соболева ко мне.

Через несколько минут в кабинет вошёл коренастый мужчина лет сорока, с жёстким лицом и колючими глазами. Камуфляж сидел на нём как влитой, автомат висел на плече по-хозяйски.

— Майор Соболев, — представил его президент. — Командир группы. Александр, это Зарина. Завтра вместе пойдёте на задание.

Майор окинул Зарину быстрым, оценивающим взглядом. В этом взгляде не было ни подобострастия, ни страха — только холодная оценка бойца.

— Легенда, значит, — сказал он без особого почтения. — Посмотрим, чего вы стоите на деле.

Зарина улыбнулась — той самой улыбкой, от которой когда-то краснели мужчины.

— Посмотрим, майор. Посмотрим.

Он чуть прищурился, но ничего не сказал. Только кивнул президенту и вышел.

— Суровый человек, — заметила Зарина.

— Лучший из тех, кто у нас есть, — ответил президент. — И живой только благодаря вам. Он был на вилле, когда вы создали ту стену.

Зарина промолчала.

— Завтра на закате, — повторила она, поднимаясь. — Я буду готова.

Она вышла из кабинета и направилась к себе. Надо было подготовиться, собраться с мыслями, помедитировать. Завтра её ждала встреча с прошлым. С тем, что, возможно, она создала и бросила.

Следующей ночью пришли новые воспоминания, но они не пролили свет на прошлое. Снова бесполезное времяпрепровождение, снова скандалы, снова медицинский кабинет и стирание памяти. Проснувшись в холодном поту посреди ночи, девушка решила больше не ложиться.

Остаток ночи Зарина провела в медитации. Она сидела на койке, скрестив ноги, положив скипетр на колени, и чувствовала, как сила по капле вливается в тело. Молитвы работали — люди в бункере не забывали о ней, и тонкие ниточки веры тянулись отовсюду, питая, наполняя, возвращая к жизни.

Утром она позавтракала плотнее обычного — каша, мясо, хлеб, сладкий чай. Взяла второй завтрак с собой, в сухпай, который ей вручил интендант. Снаряжение у неё было минимальным: рюкзак с пайком, фляга с водой, аптечка, армейский нож на всякий случай. Скипетр, конечно, главное оружие. От огнестрела богиня отказалась, поскольку пользоваться им не умела.

Оделась она в то же, в чём ходила последние дни: армейские штаны, футболка, тёплая куртка, берцы. Волосы заплела особенно тщательно, коса вышла тугой, тяжёлой, уложенной на плечо. Подошла к зеркалу, взгляделась в своё отражение.

— Ну, богиня, — сказала она себе. — Покажи им, на что способна.

Мизинец привычно поднесён к губам, взгляд — холодный, решительный. Она была готова.

День тянулся медленно. Зарина несколько раз выходила в общий зал, пила чай, разговаривала с людьми. К ней подходили, просили благословения, трогали за руку — и она чувствовала, как вера этих людей питает её. К закату сил стало заметно больше, чем утром.

— Работает, — прошептала она, в который раз прислушиваясь к себе. — Реально работает.

Перед самым закатом её вызвали к выходу. Бронетранспортёр уже ждал — массивная машина на гусеницах, с толстой бронёй и пулемётом на крыше. Внутри сидели бойцы — шестеро, все в камуфляже, с автоматами, сосредоточенные и молчаливые. Майор Соболев стоял у машины, проверяя снаряжение.

— Готова? — спросил он коротко.

— Готова, — ответила Зарина и забралась внутрь.

Бронетранспортёр взревел двигателем и тронулся, выезжая из бункера по длинному пандусу. Зарина впервые за много дней увидела настоящее вечернее небо, с розовыми разводами заката. Воздух был свежий, пахнувший лесом и сыростью.

— Красиво, — прошептала она.

— Скоро стемнеет, — отрезал майор. — Тогда не до красот будет.

Они ехали по разбитой дороге, объезжая воронки и завалы. Лес по обе стороны темнел, настороженно молчал. Бойцы внутри не разговаривали, только переглядывались и проверяли оружие. Зарина сидела у люка, вглядываясь в сумерки.

Первого зомби заметили через полчаса. Он стоял посреди дороги, разлагающийся, в рваной одежде, и смотрел на приближающуюся машину пустыми глазницами.

— Слева, — коротко сказал кто-то.

Пулемётчик на крыше короткой очередью снёс ему голову. Тело рухнуло, как подкошенное.

— Почему голова? — спросила Зарина, оборачиваясь к майору.

Тот посмотрел на неё с лёгким удивлением — неужели не знаете? — но ответил спокойно:

— Только так. Тело можно изрешетить, разорвать на куски — они всё равно соберутся, если голова цела. Голову оторвал — и готово. Временное, правда, решение.

— Временное?

— Они и с оторванными головами могут шевелиться, если лич рядом. Полностью умирают только после уничтожения лича, который их поднял.

Зарина кивнула, запоминая. Информация была ценной. Её зомби, которых она поднимала, не были так живучи, да и не было нужды их «убивать». Они существовали несколько дней, потом либо упокаивались сами, либо это делала Зарина.

Второго зомби заметили через километр — он ковылял по обочине, таща за собой оторванную руку. Пулемётчик не стал тратить очередь, снял одиночным из автомата. Голова разлетелась, тело упало.

— А личи? — спросила Зарина, когда стихло эхо выстрела. — Что их останавливает?

Майор помрачнел.

— Ничего, — ответил он глухо. — Мы пробовали всё. Пули, гранаты, огонь, даже кислоту. Лич регенерирует. Можно разорвать на куски, сжечь, развеять по ветру — он соберётся заново. Слышал, союзники сразу троих атомной бомбой уничтожили, на несколько тысяч километров вокруг зомби надолго исчезли. Но сами понимаете, это не решение.

Он посмотрел на Зарину в упор.

— Вы ведь поэтому здесь, да? Потому что сможете усыпить лича?

Зарина отвела взгляд.

— Упокоить, — на автомате поправила она. Потом тихо добавила: — Посмотрим. Сначала надо его найти.

Дальше ехали молча. Лес становился гуще, темнее. Несколько раз замечали зомби — одиночек и парами. Пулемётчик работал чётко, без лишних трат. Головы разлетались, тела падали.

— Привыкайте, — буркнул майор. — Это цветочки.

Бронетранспортёр остановился, когда стемнело окончательно. Дальше дороги не было — только лес, густой, чёрный, пугающий.

— Выходим, — скомандовал майор. — Дальше пешком. До объекта три километра.

Бойцы бесшумно высыпали из машины, рассредоточились, взяли оружие наизготовку. Зарина прыгнула следом, поправила скипетр за поясом, огляделась.

Лес жил своей ночной жизнью. Где-то ухало, шуршало, трещали ветки. Но главное — впереди, в самой темноте, чувствовалось что-то ещё. Холод. Не её, магический, а мёртвый, пустой, высасывающий тепло.

Зарина раньше только читала об этом в древних манускриптах. Те, кого люди называли личами, были, по древним записям, слугами демонов, сумевшими поднять себя из мёртвых. Демоны делились с ними искусством некромантии, а те кошмарили бывших соседей и друзей поднятыми кладбищами мертвецов. И вот теперь девушка лично почувствовала этот магический, ни на что не похожий холод. Только неясно было, откуда у личей навык некромантии. Зарина точно Егора этому не обучала.

— Чувствуете? — спросила Зарина шёпотом.

Майор прислушался, потом покачал головой.

— Я ничего не чувствую. Кроме того, что холодно.

— Это не просто холодно, — ответила Зарина. — Это они. Лич близко.

Бойцы переглянулись, но никто не дрогнул. Майор подал знак, и группа двинулась вперёд, в темноту.

Зарина шла второй, сразу за майором. Скипетр в руке пульсировал слабым светом, готовый к действию. Сердце билось ровно. Страх не было — только холодная решимость.

— Я иду, — прошептала она в темноту. — Я иду за тобой.

Три километра через ночной лес оказались испытанием, которое Зарина не могла предвидеть. Бойцы двигались бесшумно, призраками скользя между деревьями, но она, идя за ними в армейских берцах, то и дело наступала на сухие ветки, шуршала листвой, дышала слишком громко. Майор оборачивался и сверлил её взглядом, но молчал, понимая, что богиня не обучена диверсионному рейду. При этом темп, который взяли бойцы, для нетренированной девушки казался бегом по пересечённой местности. Она тяжело дышала, и сердце, казалось, билось где-то в ушах. Однако, бросая взгляды на военных, она видела спокойных и, как будто, свежих людей, готовых бежать по лесу всю ночь.

Лес жил. Вокруг шуршало, ухало, где-то далеко выли — то ли волки, то ли зомби-волки, которых Зарина помнила слишком хорошо. Она сжимала скипетр, чувствуя, как камень пульсирует в такт сердцу, и старалась не думать о том, что может ждать впереди.

Чем ближе к цели, тем сильнее становился тот самый холод. Мёртвый, пустой, высасывающий. Зарина различала его отчётливо, как запах гнили. Бойцы ёжились, кутались в куртки, но не жаловались.

— Стоять, — тихо скомандовал майор, вскидывая кулак.

Группа замерла. Впереди, в просвете между деревьями, открылась низина. Лунный свет заливал её призрачным сиянием, и в этом сиянии Зарина увидела.

Лич.

Он стоял в центре низины, окружённый десятками, если не сотней зомби. Высокий, худой, в чёрных одеждах, изодранных временем. Лица не было видно — только провалы глазниц, в которых горел холодный, мёртвый огонь. Он стоял неподвижно, как статуя, но Зарина чувствовала — он ждёт. Ждёт именно её.

— Твою мать, — выдохнул кто-то из бойцов. — Их там сотни.

— Спокойно, — одёрнул майор. — Работаем по плану. Зарина, вы видите его?

— Да, — ответила она, не сводя глаз с фигуры в центре. — Вижу.

— Сколько вам нужно времени, чтобы...

— Не сейчас, — перебила Зарина. — Он меня чувствует. Если я начну колдовать изда-лека, он успеет уйти или бросить всех в бой. Надо ближе.

Майор выругался сквозь зубы, но спорить не стал. Подал знак, и группа двинулась дальше, огибая низину по кромке леса.

Зомби внизу копошились, как муравьи в развороченном муравейнике. Они не видели людей — или не обращали внимания, подчиняясь воле лича. Но Зарина чувствовала: стоит ему дать команду, и сотни тварей ринутся на них.

Они зашли с подветренной стороны, спрятались за валунами и поваленными деревьями. До Лича оставалось метров пятьдесят — расстояние, с которого Зарина могла работать.

— Всё, — прошептала она. — Дальше не надо. Попробую отсюда.

Она опустила на колено, положила скипетр на землю, закрыла глаза. Бойцы прикрывали её, вскинув автоматы, готовые к любой неожиданности.

— Что вы делаете? — спросил шёпотом майор.

— Ловушку, — ответила Зарина, не открывая глаз. — Сейчас увидите.

Она сосредоточилась. Она пропускала свою силу через камень в скипетре. Он разгорался ярче, пульсировал, готовый к действию.

Лич в низине вдруг дёрнулся. Повернул голову в их сторону. Как будто что-то понял.

— Он нас заметил, — сказал майор. — Зарина, время!

— Ещё секунду...

Лич вскинул руку, и зомби вокруг ожили. Сотни гнилых голов повернулись к лесу, сотни гнилых ртов разинулись в беззвучном крике. Они двинулись.

— Зарина!

— Сейчас!

Она ударила скипетром о землю.

Лёд пошёл от неё волной — стремительный, как удар молнии. Он нёсся по земле, замораживая траву, камни, воздух. Зомби на пути ледяной волны превращались в статуи — они застывали на бегу, с вытянутыми руками, с открытыми ртами.

Но главное — лёд ударил точно в цель.

Лич дёрнулся, попытался уйти, но было поздно. Ледяная волна накрыла его, взметнулась вверх, схлопнулась в прозрачный кокон. Он застыл внутри чёрной статуей в центре ледяной глыбы с поднятой рукой и горящими глазами.

— Есть! — выдохнул кто-то из бойцов.

— Не расслабляться! — рявкнул майор. — Работаем!

Зомби, не задетые льдом, продолжали наступать. Их были десятки, и они лезли со всех сторон. Бойцы открыли огонь — короткими, прицельными очередями, снося головы.

— Прикройте меня! — крикнула Зарина и рванула вперёд.

Она бежала по ледяному полю, между застывших статуй, перепрыгивая через замороженные тела. Берцы скользили по льду, но она не останавливалась. Скипетр в руке пульсировал, подсказывая путь.

Сзади гремели выстрелы, крики, хрипы умирающих зомби. Бойцы работали чётко, не подпуская тварей к ней.

— Зарина, быстрее! — орал майор. — Их слишком много!

Она влетела в ледяную глыбу, едва не разбив о неё голову. Ухватилась за край льдины свободной рукой, в другой перехватила поудобнее скипетр. Лич был внутри — застывший, но живой. Глаза его горели, смотрели прямо на неё. И в этом взгляде не было страха — только торжество.

— Здравствуй, мать, — прошелестел голос у неё в голове. — Я ждал тебя.

Глава 9 Смерть через исцеление

«Он питался смертью. А я накормила его жизнью».

— Из будущих мемуаров Зарины

Зарина отшатнулась, но тут же взяла себя в руки. Подняла скипетр, приставила ко льду.

— Ты умрёшь, — сказала она вслух. — Сейчас.

— Посмотрим, — ответил голос.

Лёд треснул.

Она не для того бежала через весь лес, не для того рисковала, чтобы отступить сейчас, когда цель была так близко. Скипетр в её руках пульсировал, камень горел ярким голубым светом, наполненный энергией.

— Уми, — прошептала она и ударила.

Ледяная глыба, в которой был заточён лич, взорвалась тысячами осколков. Они разлетелись во все стороны, сверкая в лунном свете, как алмазная крошка. Зарина зажмурилась на мгновение, прикрывая лицо рукой, а когда открыла глаза — вокруг неё лежало ледяное поле, усеянное мелкими кусками льда.

Ни тела. Ни крови. Ничего.

— Готов, — выдохнул кто-то из бойцов за спиной.

Но Зарина молчала. Она чувствовала.

Тот самый мёртвый холод, который привёл её сюда, никуда не делся. Он стал тоньше, он как будто размазался по площади, но не исчез. Он был повсюду — в каждом ледяном осколке, в каждой пылинке, в самом воздухе вокруг.

— Нет, — прошептала она. — Не готов.

Майор подбежал к ней, тяжело дыша, автомат наизготовку.

— Что значит «нет»? Я видел, как он разлетелся! Там же ничего не осталось!

— Он здесь, — ответила Зарина, обводя рукой пространство. — Везде. Он размазан по этим осколкам, но он жив.

Майор выругался.

— И что теперь делать? Ваша магия сможет с ним справиться?

Зарина не ответила. Она смотрела на зомби.

Те, что ещё минуту назад лезли на людей с неудержимой яростью, теперь замерли. Они стояли неподвижно, опустив головы, словно потеряли цель. Некоторые начали бесцельно бродить по низине, натываясь друг на друга. Другие просто застыли статуями.

— Командир, — позвал один из бойцов. — Они... они не нападают.

Майор оглянулся, оценивая обстановку. Зомби действительно потеряли интерес к людям. Они вели себя как механизмы, у которых выдернули провод питания.

— Работаем, — скомандовал он коротко. — Перебейте ближайших, пока они не очухались. Организуйте оцепление.

Бойцы рассредоточились, короткими очередями снося головы застывшим зомби. Те падали, не сопротивляясь. Работа шла быстро, почти скучно — после того ада, что творился минуту назад, это казалось стрельбой по мишеням.

А Зарина стояла посреди ледяного поля и слушала.

Она чувствовала его. Это был не тот, кого она создала триста лет назад. Здесь был кто-то другой. Могучая воля, разорванная на множество осколков, но живая. Более того — он наблюдал за ней. Смеялся? Ждал? Она не могла понять.

— Где ты? — прошептала она. — Покажись.

Ответа не было. Только холод — мёртвый, пустой, вездесущий.

Зарина опустилась на колени, провела рукой по ледяной крошке. Пальцы коснулись одного осколка — и она вздрогнула. Здесь. Определённо здесь.

Она взяла осколок в руку, поднесла к лицу. Кусок льда, прозрачный, с неровными краями. Внутри него, в самой глубине, пульсировала чёрная точка — крошечная, но живая.

— Попался, — прошептала Зарина.

Она положила осколок на землю, села прямо на лёд, скрестив ноги. Скипетр положила на колени, закрыла глаза. Бойцы за её спиной замерли, переглядываясь, майор жестом приказал не мешать.

— Не трогать. Держать оцепление.

Зарина погрузилась в транс.

Она направила силу в осколок. Тот отозвался — чёрная точка внутри запульсировала быстрее, злее. Лич сопротивлялся, не желая подчиниться.

— Ты моё творение, — мысленно сказала ему Зарина. — Я дала тебе жизнь. Я могу её и забрать.

— Попробуй, — ответил голос — тот же, что звучал в голове минуту назад. — Я ждал тебя триста лет, мать. Я не уйду так просто.

Сила полилась из Зарины в осколок мощным потоком. Она пыталась погасить чёрную искру, растворить её в своём холоде, стереть из реальности. Но искра не гасла — она разгоралась, питаясь её же магией.

— Это невозможно, — прошептала Зарина вслух, открывая глаза.

Осколок в её руках нагрелся — лёд стремительно таял. Чёрная точка внутри разрослась, заняла половину осколка.

— Ты сама даёшь мне силу. Спасибо, мать.

Зарина отбросила осколок, как змею. Тот упал на лёд, и чёрная точка в нём продолжала пульсировать, расти.

— Что случилось? — подбежал майор. — Зарина, что происходит?

— Он... он жрёт мою магию, — выдохнула она. — Я не могу его убить. Чем больше силы вкладываю, тем сильнее он становится.

Майор выругался, вскинул автомат, прицелился в осколок.

— Может, просто разнести его вдребезги?

— Бесполезно, — Зарина покачала головой. — Он везде. Во всех этих осколках. Если разбить один, он останется в других.

Она обвела рукой ледяное поле, усеянное тысячами кусков льда.

— Он здесь. Весь. И я не знаю, как его убить.

В голосе Зарины прозвучало отчаяние. Она создала это чудовище. Она сбежала, оставив его на планете. Она вернулась, чтобы исправить ошибку, — и теперь кормила его собственной силой.

— Есть идеи? — спросил майор.

Зарина молчала, глядя на ледяное поле, в котором пульсировали тысячи чёрных точек. Её творение. Её проклятие. Её приговор.

Паника отступила так же внезапно, как и нахлынула. Зарина заставила себя дышать ровно, глубоко, отгоняя липкий ужас, пытающийся заползти в душу. Она — богиня. Она создала это чудовище. Значит, она способна его и уничтожить.

— Спокойно, — сказала она вслух, скорее себе, чем майору. — Спокойно. Думай.

Она посмотрела на осколок, валяющийся у ног. Чёрная точка внутри пульсировала так нагло и уверенно, словно смеялась над ней. Зарина протянула руку, но не коснулась — просто направила силу.

Не ту, которой превращала воду в лёд, не ту, которой поднимала и упокаивала нежить. Другую. Ту, которой она лечила свои раны в супермаркете. Ту, которой пыталась восстановить память. Тёплую, живую, целительную.

Золотистый свет полился из её пальцев тонкой струйкой. Он коснулся осколка, и чёрная точка внутри дёрнулась.

— Что ты... — начал голос в голове, но оборвался.

Чёрная точка забилась, заметалась внутри ледяной тюрьмы, пытаясь уйти от золотистого света. Но свет настигал её, обволакивал, проникал внутрь.

— Не надо! — закричал голос, впервые зазвучав испуганно. — Мать, не надо! Я твой сын! Я твоё творение! Не убивай!

Зарина не останавливалась. Свет лился и лился, разъедая тьму, стирая её, превращая в ничто.

— Ты лжёшь! — тихо прошептала волшебница.

Чёрная точка съёжилась, забилась в самый угол осколка, потом вспыхнула в последний раз и погасла. В голове наступила тишина. Голос исчез. Мёртвый холод, который Зарина чувствовала повсюду, чуть ослаб, но не ушёл совсем.

— Сработало, — выдохнула она и открыла глаза.

Осколок лежал на льду, прозрачный, чистый. Никакой черноты внутри. Просто кусок льда.

— Вы его уничтожили? — спросил майор, подходя ближе.

— Вылечила, — ответила Зарина с улыбкой, и в голосе её звучало удивление. — Я применила к нему магию лечения. И это сработало. Он не может питаться жизнью, только смертью и холодом. Лечение для него — яд.

Она поднялась на ноги, оглядела ледяное поле. Вокруг лежали тысячи осколков, и в каждом виднелась чёрная точка. Каждая — часть лича. Каждую нужно обработать отдельно.

— На это уйдёт неделя, — прошептала она. Улыбка исчезла с лица, красивый лоб перечеркнули морщины. — А он будет сопротивляться, перетекать, прятаться. Я не справлюсь одна.

— Что нам делать? — спросил майор. — Говорите, мы выполним.

Зарина задумалась, лихорадочно перебирая варианты. И вдруг её осенило.

— Соберите их, — сказала она с энтузиазмом. — Все осколки. В одну кучу. Быстро, пока он не начал собираться сам!

— Собрать? — переспросил майор. — Зачем?

— Я растоплю лёд. А вы... у вас же есть огнемёт?

Майор кивнул.

— Отлично. Когда лёд растает, останется плоть. Мёртвая плоть, в которой сидит он. Её нужно сжечь. Дотла. Чтобы ничего не осталось. А я закончу начатое.

Майор, получив конкретный план действий, успокоился. Он развернулся и заорал команды. Бойцы засуетились, собирая осколки в кучу. Работали быстро, слаженно, посматривая вокруг. Зомби поблизости были уже перебиты, в отдалении бродили бесцельно, не обращая внимания на людей.

Зарина стояла в стороне, глядя, как растёт груда ледяных осколков. В каждом пульсировала чёрная точка. Тысячи глаз смотрели на неё изнутри.

— Не знаю, что ты такое, — прошептала она. А мысленно добавила: — Я уж точно не хотела создавать таких, как ты. Теперь придётся уничтожить.

Когда груда выросла до размеров небольшого холмика и вокруг не осталось осколков, майор подал знак. Бойцы отступили, освобождая место. Зарина тоже отошла в сторону, освобождая место солдату с огнемётом.

— Огонь, — сказала она. — Мне нужен огонь. Сожги всё.

Один из бойцов шагнул вперёд с огнёмётом наперевес. Он был громоздким и опасным даже с виду, с огромными баллонами за спиной. Всю дорогу Зарина удивлялась, как солдат держал темп с такой бандурой. Волшебница кивнула бойцу, потом направила скипетр на грудку льда.

Тепло полилось из камня. Не жар, Зарина не умела создавать огонь. Но она умела плавить лёд, возвращать ему состояние воды. И сейчас она делала это быстро, мощно, при этом почти не тратя силы.

Лёд таял на глазах. Осколки превращались в воду, вода стекала вниз, и в ней плавали куски чего-то тёмного, мерзкого. Это были куски плоти лича, которые были заморожены и теперь спешно пытались собраться в тело.

— Давай! — крикнула Зарина, когда последний лёд растаял.

Боец с огнёмётом нажал на спуск.

Огненная стена ударила в грудку плоти. Та зашипела, задымилась, завоняла горелым мясом так, что у всех защипало в носу. Чёрные куски корчились, съёживались, превращались в угли.

Зарина смотрела не отрываясь. Она чувствовала, как лич мечется внутри этого костра, как пытается спастись, как кричит — беззвучно, но отчаянно. И постепенно крик затихал, слабел, исчезал.

— Жги, — прошептала она. — Жги дотла.

Боец поливал огнём грудку, пока та не превратилась в пепел. Чёрный, серый, перемешанный с золой. Ни кусочка плоти, ни капли крови — только пепел, который ветер начал развеивать по низине.

— Ну что ж, приступим, — сказала Зарина.

Она опустилась на колени прямо в пепел, не обращая внимания на то, что пачкает штаны. Протянула руку, коснулась пальцами остывающей массы. И почувствовала.

Там, глубоко внутри, в самой сердцевине пепелища, пульсировала искра. Не чёрная, как раньше, а серая, почти незаметная на фоне золы. Но живая. Ждущая.

— Хитрый, — прошептала Зарина. — Очень хитрый. Притворился мёртвым, затаился в пепле.

Она поднялась, отряхнула руки. Бойцы сгрудились вокруг, глядя то на неё, то на пепелище. В лицах угадывался немой вопрос: что дальше? — но никто не рискнул отвлекать богиню.

А Зарина молчала, глядя на пепел. Вариантов было немного. Можно уйти, оставив эту искру здесь, — но тогда через неделю, месяц, год лич возродится снова, соберёт себя из пепла, как феникс. Можно попытаться развеять по ветру, но ветер разнесёт искру по всей округе, и тогда он станет ещё опаснее, возродившись где-то в другом месте.

Оставалось только одно.

— Отойдите, — сказала Зарина. — Все. И не мешайте.

Бойцы отступили, переглядываясь. Майор хотел что-то сказать, но осёкся под её взглядом. Зарина снова опустилась на колени в пепел, положила скипетр рядом, закрыла глаза.

Лечение. Снова лечение. То, что убило лича в одном осколке, должно убить его и здесь. Даже если он спрячется в пепле, даже если стал почти неосязаемым.

Она направила силу в пепелище.

И вновь золотистый свет полился из её рук. Он был тёплый, живой, пульсирующий. Проникал в пепел, в каждую пылинку, в каждую молекулу сгоревшей плоти. И везде, куда проникал свет, он встречал сопротивление.

Серая искра заметалась внутри пепелища, пытаясь спрятаться, уйти глубже, затаиться. Но свет настигал её везде. Он разьедал её, стирал, превращал в ничто.

— Мать... — прошелестел голос в голове Зарины, слабый, почти неслышный. — Не надо... пожалуйста... я твой сын...

Зарина не отвечала. Она только усиливала поток, вкладывая в него всю себя, все силы, всю веру, что питала её последние дни.

Голос затихал. Слабел. Исчезал.

Но и силы Зарины таяли с катастрофической быстротой. Она чувствовала, как пустеет внутри, как гаснет камень скипетра, как темнеет в глазах. Ещё немного — и она упадёт без сознания, как тогда, у виллы.

— Держись, — шептала она себе. — Ещё чуть-чуть. Он почти мёртв.

Пепел под её руками начал светиться золотистым светом. Серая искра металась внутри, уменьшаясь с каждой секундой. Вот она стала размером с горошину. С булавочную головку. С песчинку. И наконец исчезла.

Зарина почувствовала, как вокруг стало теплее. Мертвецкий холод, что окружал лича, пропал. Стало пусто и легко.

Она открыла глаза, посмотрела на пепел. Он был просто пеплом — серым, мёртвым, безжизненным.

— Готов, — прошептала она и повалилась на бок.

Майор подхватил её, не дал упасть в золу.

— Зарина! Зарина, вы как?

Она попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

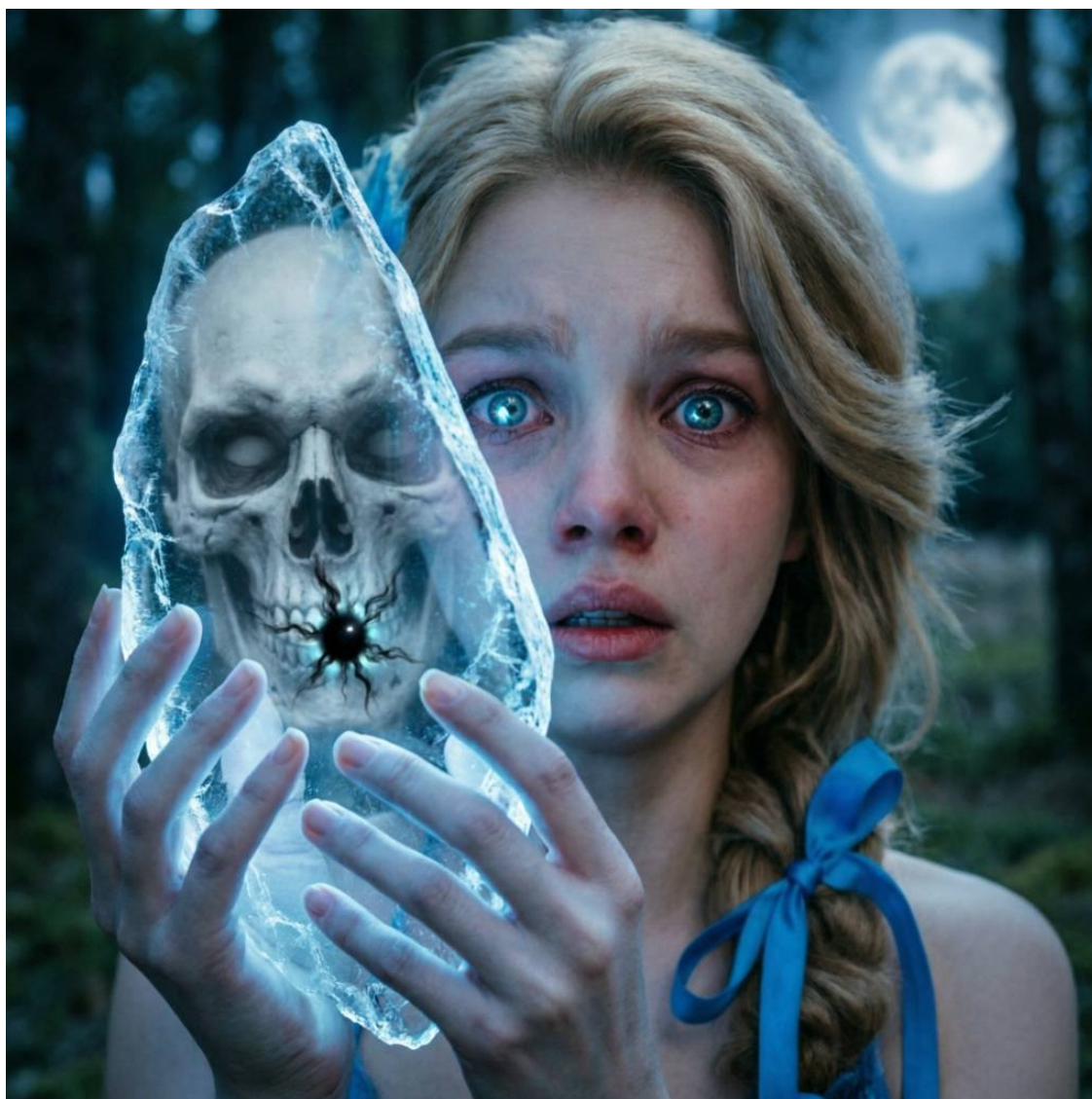
— Жива, — выдохнула она. — Кажется.

Скипетр валялся рядом, камень в нём погас окончательно — даже искорки не осталось. Но это было неважно. Главное было то, что она смогла, сделала это! Лич мёртв. По-настоящему, навсегда. Он не сможет возродиться и поднимать нежить. Те зомби, что ещё бродили вдалеке, стали падать, как будто из них выдёргивали невидимый штырь.

— Уходим, — скомандовал майор. — Быстро. Поднимайте её.

Бойцы подхватили Зарину под руки. Она почти не чувствовала ног, голова кружилась, перед глазами всё плыло. Но внутри было тепло. Спокойно. Хорошо.

— Я сделала это, — прошептала она, засыпая на руках у солдат.

Глава 10 Луч надежды

«Доклад разведки. Зафиксирована активность как минимум трёх Личей в радиусе 20 км от объекта "Надежда". Характер перемещений указывает на целенаправленное окружение бункера. Зомби стягиваются к периметру. Скорость нарастания угрозы: критическая. Прогноз: при сохранении динамики бункер будет обнаружен и атакован в течение 5–15 суток.»

Из закрытого доклада президенту, гриф «Особой важности»

Искусственный небосвод изображал закат, окрашивая идеально подстриженные кусты и цветущие деревья садов «Олимпа» в оттенки расплавленной меди и нежного золота. Воздух был неподвижен и сладок от аромата незнакомых цветов, выведенных специально для этого парка. Было ровно восемнадцать часов тридцать две минуты по местному времени — начало «вечера», самого томного и располагающего к мечтаньям периода суток.

В беседке, увитой плющом с крупными синими бутонами, на скамье из полированного камня, который старательно имитировал мрамор, сидела Зарина. Одной рукой она небрежно, но изящно опиралась на свой скипетр. Другую руку она задумчиво поднесла к лицу, оттопырив мизинец, и кончиком пальца едва касалась своих губ.

— Утомительно всё это, — протянула она, глядя, как на соседней клумбе автоматическая система полива выпускает идеально ровные струи воды.

Зарина лениво повела пальцами, и несколько капель на лету превратились в крошечные льдинки, со звоном упавшие на листья. Её русая коса, перевитая голубой лентой, лежала на плече, а большие голубые глаза смотрели на мир с выражением лёгкой, капризной скуки.

Она уже неделю торчала на этой идеальной, вылизанной до стерильности станции-платформе. Всё было правильно: день сменялся ночью, в Южном секторе царило лето, в Северном — вечная зима. Но от этой правильности её уже начинало подташнивать. Мужчины здесь были вежливы, предупредительны, но, казалось, живых среди них не более нескольких процентов, а остальные были слишком... запрограммированы.

Шорох шагов по гравию заставил её обернуться. К беседке приближался мужчина. Он был стар. Нет, само слово «стар» было здесь неуместно. Он был древен, как те ледники, по которым она любила бродить у себя дома. Седые, почти белые волосы негустыми прядями падали на плечи простого серого костюма. Лицо его напоминало потрескавшуюся от времени карту — глубокие морщины избороздили лоб и щёки. Но когда он поднял глаза на Зарину, она внутренне вздрогнула. Глаза были абсолютно живыми, ясными, молодыми и смотрели на неё с цепким любопытством, от которого хотелось оправить платье или проверить, ровно ли лежит лента в косе.

Без приглашения, но и без тени наглости, он присел на край её скамьи, словно имел на это полное право.

— Зачем ты упрямисься? — спросил он тихо. Голос у него оказался скрипучим, но спокойным. — Чего тебе здесь не хватает?

Зарина на мгновение замерла. Странное чувство кольнуло её где-то под ложечкой. Ей показалось, что она уже видела этого человека. Но где? Среди её ледяных чертогов? Среди обитателей или гостей дворцов или просто гуляющих по парку? Нет, не здесь. Может, в далёком детстве, в забытом сне?

Отбросив мимолётное наваждение, она кокетливо повела плечом, поправляя синий шёлк своего одеяния, и снова поднесла руку к губам, демонстрируя изящный мизинец.

— О-о, почтенный, — её голос заструился лениво и тягуче, как патока. — Вы спрашиваете, чего мне не хватает? — Она обвела рукой сад, парящие вдалеке модули станции,

идеальное небо. — Да все-го. Здесь всё какое-то... ненастоящее. Всё по расписанию: дождь, ветер, холод и жара, а люди... — она театрально вздохнула, — люди смотрят и не видят.

Её глаза лукаво блеснули, и она наклонила голову, испытывая на старике силу своего взгляда, от которого краснели и начинали мямлить даже суровые северные ярлы. Но старик даже бровью не повёл, только смотрел на неё всё с тем же усталым любопытством.

— А в последние дни мне здесь всё надоело, — продолжила она, надув губки. — Хочется улететь. Туда, где ветер то кусается, то гладит. Где можно махнуть рукой, — она изящно, но резко взмахнула кистью, и за пределами беседки, над кустами, с тихим треском возник и тут же растаял в воздухе причудливый ледяной цветок, — и создать что-то своё, а не просто поливать эти... этикетки. Вот что я ему и сказала бы, если бы он был здесь, этому вашему... начальнику.

— Я Хранитель, — спокойно ответил старик. — Здесь всё, что ты видишь, — мой сад. И люди, и вода, и воздух.

Зарина на мгновение прикусила язык, но тут же справилась с удивлением. Она лишь томно повела бровью.

— А-а, так это вы тут за всё отвечаете? — Она чуть склонила голову набок, коса скользнула по груди. — Ну и скука же у вас тут, Хранитель. Неужели самому не надоело?

Хранитель вздохнул. Это был глубокий, тяжёлый вздох, пахнувший тысячелетиями пыли, звёздной тоски и бесконечного терпения. Он перевёл взгляд с её капризного лица на голубой камень в её скипетре, который, казалось, пульсировал в такт её настроению — то тускнея, то вспыхивая холодным огнём.

— Надоело, — просто ответил он. — Давно.

И в этом коротком слове было столько вселенской усталости, что даже ветреная Зарина на мгновение перестала жеманничать. Она с удивлением посмотрела на него, впервые забыв о своей красоте и кокетстве. Она, богиня холода и смерти — пусть и за глаза, — вдруг остро почувствовала, что рядом с ней сидит кто-то, чья тоска глубже и холоднее любой из её ледяных пустынь. И в этой тишине, нарушаемой лишь шелестом идеальных листьев, её желание «свалить отсюда» показалось ей вдруг мелким и капризным, как просьба ребёнка, которому надоела игрушка.

Тишина в беседке стала тягучей, как смола. Зарина, на мгновение сбитая с толку его простым «надоело», уже вновь собиралась надеть маску капризной ветреницы, но Хранитель заговорил снова. Его скрипучий голос звучал ровно, будто он читал вслух давно забытый, но обязательный параграф инструкции.

— Но отпустить тебя я не могу.

Она вскинула на него свои огромные голубые глаза, в которых недоумение боролось с зарождающимся гневом.

— Это... почему же? — протянула она, но в её голосе впервые проскользнули не жеманные, а металлические нотки.

Хранитель посмотрел на закатное небо, на идеальные линии горизонта.

— Правила «Олимпа» одни для всех, — сказал он с каким-то каменным спокойствием. — Добро пожаловать. Можно войти. Нельзя выйти.

Эти слова упали в тишину беседки, как тяжёлые камни в стоячую воду. Зарина замерла. Её рука, всё ещё изящно поднесённая к лицу, медленно опустилась. Мизинец перестал быть кокетливым и просто сжался в кулак.

— То есть... как это? — переспросила она, не веря. — Вы хотите сказать, что я... в ловушке?

Хранитель молча кивнул, глядя куда-то в сторону. Его молчание было красноречивее любых слов.

И Зарина вскипела.

Это не было похоже на обычную женскую истерику или каприз. Это была ярость существа, привыкшего повелевать стихиями, существа, для которого слово «нельзя» было просто набором звуков. Её глаза, только что ленивые и томные, вспыхнули ледяным пламенем. Красивое лицо исказилось гримасой гнева.

— *Это мы ещё посмотрим!* — *выкрикнула она, и в её голосе не осталось ни следа от привычной тягучей манерности.*

Её пальцы нащупали рукоять скипетра, лежащего у её ног. Они сжали прохладный жезл с такой силой, что костяшки побелели. Голубой камень в наверху, мгновение назад мирно мерцавший, полыхнул ослепительным, холодным светом, залившим всю беседку призрачным сиянием. Температура внутри каменной постройки упала мгновенно, дыхание Зарины превратилось в облачка пара. Она была готова разнести здесь всё ко всем демонам, превратить эти ухоженные сады в царство вечной зимы, поднять из земли каждого, кто был здесь похоронен за тысячелетия...

Хранитель вздохнул.

Это был не тот тяжёлый, вселенский вздох, которым он поделился с ней минутой раньше. Это был короткий, усталый, почти разочарованный выдох, каким взрослый встречает очередную выходку несмышлёного ребёнка. Он даже не повернул головы в её сторону.

— *Ну вот опять,* — *пробормотал он еле слышно, скорее самому себе, чем ей.*

И мир померк.

Сознание возвращалось медленно, как после глубокого наркоза. Зарина лежала на знакомой койке, в знакомой палате, и тупо смотрела в белый потолок. Тело было ватным, чужим, не слушалось. Руки и ноги казались налитыми свинцом, голова гудела, во рту пересохло.

— *Опять,* — *прошептала она хрипло. — Опять двадцать пять.*

Скипетр лежал на тумбочке, камень в нём был мёртв — ни искорки, ни проблеска. Пустота. Зарина протянула руку, коснулась дровца, и на глазах выступили слёзы. Не от боли — от бессилия.

— *Сколько?* — *спросила она у пустоты, одновременно нажимая кнопку вызова.*

Спустя несколько минут дверь открылась, вошёл доктор Соколов. Увидев, что Зарина открыла глаза, он облегчённо выдохнул.

— *Очнулись,* — *сказал он. — А мы уж начали беспокоиться. Третьи сутки пошли.*

— *Третьи?* — *Зарина даже нашла силы усмехнуться. — Я начинаю коллекционировать трёхдневные обмороки.*

Доктор подошёл, проверил пульс, заглянул в зрачки.

— *Истощение,* — *констатировал он. — Опять. Но на этот раз хуже. Вы, видимо, выложились полностью. Вы сами еле живы. Я бы прописал месяц постельного режима, но...*

— *Но,* — *закончила за него Зарина.*

Доктор развёл руками.

— *Завтрак принести?*

— *Да,* — *кинула она. — И одежду.*

— *Вам бы полежать...*

— *Завтрак и одежду,* — *твёрдо повторила Зарина.*

Доктор вздохнул, но спорить не стал.

Через час она уже сидела на койке, доедая кашу. Ела медленно, с усилием, но понимала, что надо. Силы нужны, даже крохи. Потом оделась в ставшую уже привычной армейскую одежду. Кое-как заплела косу — руки дрожали, пряди выбивались. Подошла к зеркалу, взглядела в своё отражение.

— *Красавица,* — *сказала она своему отражению механически, без обычного кокетства. — Богиня.*

Потухший скипетр взяла в руки, скорее просто по привычке. Камень молчал.

Она вышла в коридор и побрела к кабинету президента. Ноги гудели, голова кружилась, но она шла. Мимо провожали взглядами, кто-то здоровался, кто-то улыбался ей. Она кивала, не останавливаясь.

Лейтенант на входе козырнул и пропустил без доклада.

Президент сидел за своим столом, как обычно, — усталый, небритый, с сигаретой в руке. Перед ним на столе лежала карта. Большая, во всю столешницу.

— Зарина, — сказал он, поднимая глаза. — Рад вас видеть. Хотя вид у вас... неважный.

— Спасибо за комплимент, — усмехнулась она, без сил опускаясь на стул напротив. —

Что это?

Президент отодвинул пепельницу, освобождая место.

— Карта мира, — ответил он. — С отметками.

Зарина вгляделась. Карта была усеяна красными точками. Сотни, нет — тысячи. Они покрывали все континенты, все страны, все регионы. Густо, как сыпь при тяжёлой болезни.

— Это... — начала она, хотя уже догадывалась.

— Личи, — подтвердил президент. — Каждая точка — место, где, по нашим данным, находится лич. Или их гнездо. Или зона активности. Мы собирали информацию годами, сопоставляли, проверяли.

Он ткнул пальцем в континент, сплошь усеянный красным.

— Вот здесь плотность особенно высокая.

Зарина смотрела на карту и чувствовала, как внутри всё холодеет. Тот лич, которого они убили, — один. Один из тысяч. Капля в море.

— И каждый день, — продолжал президент глухо, — разведка находит новые. Мы не успеваем отмечать. Они размножаются, расползаются, захватывают новые территории. Наши люди гибнут, пытаясь добыть информацию. А мы даже не можем ударить — просто нечем: нет сил, нет оружия, нет возможностей.

Он откинулся на спинку кресла, затянулся сигаретой.

— Вы убили одного, — сказал он. — Это подвиг. Это чудо. Но таких чудес нужно тысячи.

Зарина молчала, глядя на красные точки. Они расплывались перед глазами, сливаясь в одно кровавое пятно. Она закрыла глаза. Перед внутренним взором стоял тот лич, его глаза, его голос, его смерть. Она убила его ценой всех сил, ценой трёх дней беспомощности. И таких нужно убить тысячи.

— Я не смогу, — прошептала она.

Президент молчал, только смотрел на неё. В его взгляде не было упрёка, была усталость и понимание.

— Мы не просим вас убить всех, — сказал он наконец. — Мы просим помочь нам найти способ. Лечение, которое вы применили, — оно работает. Если мы сможем воспроизвести его без вас, если найдём способ передать эту силу обычным людям...

— Не найдёте, — перебила Зарина. — Это магия. Это не технология.

— Тогда научите, — президент подался вперёд. — Научите наших людей. Пусть не всех, пусть немногих, но тех, кто сможет повторить. Вы же учились у кого-то? История говорит, что были колдуны, ведьмы, которые владели магией.

Зарина задумалась. Задача казалась невыполнимой. Лишь малая толика смертных рождается с зачатком искры, а их надо ещё найти среди выживших, разбросанных по планете.

— Я подумаю, что можно сделать, — сказала она. — Не обещаю, что получится. Но подумаю.

Президент кивнул.

— Спасибо, — сказал он просто. — Это всё, что мы можем просить.

Зарина ещё раз посмотрела на карту. Красные точки, тысячи красных точек. Каждая — чудовище, которое нужно убить. Каждая — её ошибка, её вина, её ответственность.

— Мне нужно отдохнуть, — сказала она, поднимаясь. — Восстанавливаться. А потом — работать. Искать способ.

Президент тоже встал, протянул руку. Зарина пожала её.

— Мы справимся, — сказал он. — Вместе.

Зарина вышла из кабинета и побрела по коридору. В голове крутилась одна мысль: тысячи. Их тысячи. Как такое могло произойти? Откуда?

Придя в свою палату, девушка устало села на край койки, сжимая в руках потухший скипетр, и стала смотреть в стену. Мысли текли медленно, расплываясь, отказываясь связаться во что-то определённое. Чтобы мыслить ясно, приходилось прикладывать невероятные усилия. Характер богини был таков, что в подобных случаях она всё бросала и занималась чем-то более интересным. Но теперь выбора не было. Она раз за разом брала себя в руки, и мысли постепенно начинали складываться в стройную картину.

Главный вопрос был в том, почему лич называл её матерью. Объяснения она не находила. Этот лич точно не был тем зомби, которого она подняла более трёхсот лет назад. Да и не был Егор личем. А значит, здесь что-то глубже, страшнее, темнее. На ум приходило лишь одно — демоны. И эксперимент с уничтожением лича это косвенно подтвердил: для них магия жизни была смертельна. И становилось понятно, почему он давил на жалость, называл матерью. Почувствовав груз вины волшебницы, он пытался деморализовать её.

— Только магия жизни, — прошептала она. — Только она способна убить личей настоящего. Не холод, не огонь, не сталь. Жизнь.

Она вспомнила, как золотистый свет разъедал чёрную сущность того лича, как тот кричал и корчился, как исчезал без следа. Лечение. То, что для неё было практически недоступно, оказалось единственным оружием против этих созданий. Зарина уверилась в том, что они не были ею созданы. Это была извращённая магия созданий тьмы, которым она каким-то образом дала дорогу в мир живых.

— Ирония, — горько усмехнулась Зарина. — Богиня холода побеждает смерть жизнью.

Она закрыла глаза, перебирая в памяти лица тех, кто мог бы ей помочь. На ум приходило только одно имя.

Верея.

Зарина открыла глаза, и в них блеснула надежда. Верея. Её сестра, младшая, но самая талантливая в том, что касалось жизни. Верея умела врачевать любые раны, возвращать с порога смерти, выращивать сады в пустынях. Если кто и мог помочь — только она.

— Но она далеко, — прошептала Зарина. — Очень далеко.

В последний раз, когда сёстры расстались, Верея осталась на их родной планете. Той самой, откуда они пришли тысячи лет назад. Там, в золотом дворце, жили те немногие из их рода, кто не ушёл в большой космос.

— Нужен корабль, — сказала Зарина вслух. — Мой корабль.

И у Зарины он был! Не очень большой, но очень комфортабельный, способный на межзвёздные перелёты. Она спрятала его много веков назад, когда впервые попала на эту планету, — на всякий случай, как запасной выход.

Стоило ей подумать о нём, карта планеты всплыла перед внутренним взором. Древние строения в пустыне. Тысячи километров отсюда, на другом конце континента. Она выбрала это место специально — глухое, безлюдное, негостеприимное — и там, у всех на виду, спрятала корабль. Точно никто не найдёт.

— Как туда добраться? — спросила она себя.

Мир лежал в руинах. Дороги разрушены, города кишат зомби, авиация если и осталась, то только военная, и та на вес золота. А ей нужно пересечь целый континент, чтобы добраться до корабля.

— Тысячи километров, — прошептала Зарина. — Через леса, горы, пустыню. Через территории, кишачие личами и их армиями.

Она представила этот путь. Недели и месяцы пешком или на чудом уцелевшей технике. Постоянные стычки с зомби, риск нарваться на лича, отсутствие сил и магии. Она едва выжила в трёхкилометровом рейде к тому личу. Ей не пройти столько. Она хотела отбросить этот шанс как невозможный, но раз за разом возвращалась к нему.

— Но другого выхода нет, — сказала она себе. — Только Верея. Только её магия жизни.

Позвать на помощь тоже не получалось. По непонятным причинам ещё триста лет назад, когда сил у Зарины было сколько угодно, отправить астральную весточку во дворец не удавалось. И к ней за последнюю, наверное, тысячу лет не пришло ни одной.

Зарина встала, подошла к стене, прислонилась лбом к холодному металлу. Мысли лихорадочно метались, ища выход.

Можно попросить помощи у президента. У них наверняка есть транспорт, может быть, даже вертолёты дальнего радиуса. Но топливо, безопасность, личи — слишком много рисков. Ещё ей не хотелось доверять людям знания о наличии у неё собственной техники. Ведь если они захотят забрать у неё корабль, в текущем состоянии она никак не сможет этому помешать.

— Значит, нужно рискнуть, — решила она. — Идти одной... это сродни самоубийству. Может, с небольшим отрядом, если удастся убедить президента.

Она отошла от стены, посмотрела на скипетр. Камень был мёртв, но где-то в глубине, в самой сердцевине, уже теплилась крошечная искра. Жизнь. Её жизнь.

— Я дойду, — сказала Зарина. — Я должна дойти. Ради всех. Ради себя.

Она представила лицо сестры — фиолетовые волосы, голубые глаза, мягкую улыбку. Сколько лет они не виделись? Тысячи? Верея наверняка считает, что Зарина её попросту забыла, как и остальных... А она явится — грязная, уставшая, с мольбой о помощи.

— Она поможет, — прошептала Зарина. — Верея всегда была добрая. Слишком добрая для нашего рода.

Девушка вернулась на койку, села, положила скипетр на колени. План созрел, обрстал деталями. Нужно восстановить силы, хотя бы немного. Нужно поговорить с президентом, объяснить, что необходимо покинуть бункер. Нужно найти транспорт и проводников.

— И надеяться, — добавила она тихо. — Надеяться, что успею. Что личи не доберутся до бункера раньше. Что Верея ещё там и захочет помочь.

Тут её лицо исказилось.

«Помогла бы ещё Спарка. Она смогла бы выжечь заразу огнём за мгновение, но она даже пальцем не пошевелит для помощи. Только не мне».

Эх, как давно канули в лету их разногласия — наверное, ещё в юности, но каждая встреча заканчивалась битвой огня и льда. С какой-то даже ностальгией Зарина вспоминала, как всякий раз отбивала у старшей сестры поклонников, как язвила над ней, всегда выходя победительницей как за сердца мужчин, так и в словесных баталиях, как в отместку раз за разом была бита всегда атлетичной, быстрой и сильной богиней огня. И когда каждый раз их противостояние переходило в магический поединок, их разнимали другие сёстры.

Зарина смущённо повела плечами и про себя произнесла:

«Ну я же не виновата, что во всём, кроме грубой силы, я лучше».

За окном — там, где должно было быть окно, — гудела вентиляция. Где-то далеко, на поверхности, всходило солнце. А она сидела в подземном бункере и планировала путешествие, которое могло стать последним в её жизни.

— Я вернусь, — сказала Зарина своему отражению в тёмном металле стены. — Я вернусь с Вереей. И мы спасём этот мир, чего бы мне это ни стоило.

Она легла, закрыла глаза. Сон пришёл быстро. Только темнота и тишина, и сквозь дымку ей приснились почему-то не голубые глаза Вереи, а глубокие зелёные глаза Спарки, которая по какой-то причине сама звала на помощь.

Глава 11 Начало пути

«Три тысячи километров? Пешком? В туфлях? Вы серьёзно? Я, конечно, богиня, но даже у богинь есть пределы. Дайте транспорт. И желательно с пулемётом».

— Из будущих мемуаров Зарины, глава «Начало пути»

Три дня. Три долгих, монотонных дня слились в один бесконечный поток медитации, сна и редких, почти машинальных приёмов пищи. Время утратило здесь свою власть. Оно больше не текло, не бежало. Оно стояло на месте. Тяжело дышало в спину.

Зарина сидела на койке в позе лотоса. Скипетр покоился на коленях. Глаза закрыты. Дыхание ровное, глубокое — как приливы и отливы древнего моря. Тело расслаблено до той степени, когда перестаёшь чувствовать собственные мышцы. Сознание очищено от всего лишнего: от гула вентиляции, от шагов за дверью, от страхов и сомнений, тех, что грызли её душу ещё три дня назад. И медленно, по крупице, шёл поток силы.

На этот раз восстановление шло быстрее. Куда быстрее, чем раньше. Энергия вливалась в неё не тонкими ручейками, а полноводными реками, казавшимися неуправляемыми. Люди молились. Зарина знала это. Чувствовала каждой клеточкой своего древнего тела. Весть о том, что она убила лича, разнеслась по бункеру «Надежда» как лесной пожар. Вера в неё выросла многократно.

— Спасибо, — шептала она в пустоту. Губы почти не шевелились. — Спасибо вам, люди.

К концу первого дня камень скипетра, ещё вчера мёртвый и тусклый, начал слабо светиться. К концу второго сиял ровно и уверенно голубым светом, как в лучшие времена. К концу третьего Зарина чувствовала себя почти прежней. Почти богиней.

В перерывах между медитациями Зарина пыталась разузнать о том, что происходит на поверхности. Она выходила в общий зал, садилась за столик с чашкой горячего чая, заводила разговоры с военными и гражданскими. Расспрашивала осторожно, будто между делом, как бы из простого женского любопытства. Но сама жадно впитывала каждое слово, каждый вздох, каждую паузу.

— Как там, наверху? — спрашивала она у бойцов, вернувшихся с заданий. Старалась, чтобы голос звучал беззаботно. Временами игриво.

— Хреново, — отвечали те. Не особо желали распространяться. Но если она настаивала, продолжали: — Зомби прибывают. Личи встречаются всё ближе к бункеру. На разведку ходить с каждым днём всё труднее.

— А проехать можно? Далеко, например?

Бойцы смотрели на неё с подозрением. Некоторые отводили взгляды. Один — молодой, с ещё не зажившим шрамом через всю щёку — хмыкнул, покачал головой:

— Куда собрались-то? Тут за сто метров выйти — и то риск. А далеко... только если на броне и с прикрытием. Да и то — не факт, что вернётесь.

Зарина кивала. Делала вид, что просто любопытствует. Но информация откладывалась в голове, складывалась в общую картину. Мрачную. Почти безысходную.

На третий день, ближе к вечеру, она зашла в кабинет президента.

Тот сидел за своим столом как обычно. Усталый. С сигаретой, зажатой между пальцев. С картами и бумагами, разложенными в хаотичном, понятном только ему порядке. Воздух в кабинете спёртый, пропитанный табаком и ветхой бумагой.

— Зарина, — сказал он, поднимая глаза. — Выглядите лучше. Силы вернулись?

— Почти, — ответила она, садясь напротив. — Виктор Андреевич, у меня к вам серьёзный разговор.

Президент отложил сигарету. Приготовился слушать.

— Мне нужно на поверхность, — сказала Зарина прямо, без обиняков. — Далеко. Очень далеко.

Президент нахмурился. Морщина пролегла между бровями — глубокая, как трещина в иссохшей земле.

— Зачем?

— Есть способ победить личей. Всех личей. Но для этого мне нужно добраться до одного места. Очень далеко отсюда.

— Куда?

Зарина молчала. Решала, сколько можно сказать.

— Тысячи километров отсюда. В пустыне. Там есть то, что мне нужно.

Президент смотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. В этом взгляде читалось всё: сомнение, усталость и тихая решимость. Та, что приходит к людям, уже потерявшим почти всё.

— Зарина, вы понимаете, что это практически невозможно? Тысячи километров по территории, кишашей зомби и личами. У нас нет транспорта. Нет топлива. Нет людей для такого рейда. Это самоубийство. А главное... я знать не знаю, что там у вас спрятано и поможет ли это вообще.

— Я знаю, — ответила она. Голос спокойный, почти равнодушный. Так говорят люди, которые уже приняли решение и не намерены отступать. — Но другого выхода нет. Если я не пойду — все здесь погибнут. Рано или поздно личи доберутся до бункера.

Президент закурил новую сигарету. Глубоко затянулся. Дым пополз к потолку тонкой, извивающейся змейкой.

— Допустим, я соглашусь, — сказал он. В голосе послышалась усталость, граничащая с отчаянием. — Допустим, мы найдём транспорт и людей. Но как вы собираетесь пересечь полконтинента? До пустыни больше недели пути. У нас нет актуальных карт. Нет данных о том, что там творится. Мы даже не знаем, целы ли мосты, дороги.

— Я знаю, — ответила Зарина. — Поэтому мне нужна информация. Всё, что у вас есть о поверхности. Карты, разведанные, отчёты.

Президент кивнул. В глазах читалось сомнение.

— Информацию я дам, — сказал он. Каждое слово давалось с трудом. — Но предупреждаю сразу: без особого разрешения даже подняться на поверхность нельзя. Бункер на военном положении. Выход только по заданиям, с оружием и прикрытием. Просто так взять и уйти... не выйдет.

В глубине Зарины поднялось её былое «я». То, что собиралось возмутиться, встать, топнуть ножкой и потребовать. Древнее, надменное, привыкшее к поклонению и повиновению. Но она вспомнила, сколько раз её жизнь зависела от этих людей. От их веры. От помощи.

Вспомнила. И смирилась.

— Я понимаю, — ответила она кротко. — Поэтому и пришла к вам. Мне нужно официальное разрешение. И помощь.

Президент задумался. Барабанил пальцами по столу — мерно, тяжело, словно отбивал чей-то последний марш.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я подумаю, что можно сделать. Но ничего не обещаю. Сами понимаете: ресурсов мало, людей мало, риск огромный... — Он снова взял сигарету. — И я жду ответа: что там, в пустыне?

Зарина выдержала паузу. Собралась с духом.

— Шанс позвать на помощь. Это всё, что я могу сказать.

— Кого позвать на помощь? — Президент буравил девушку взглядом. Тяжёлым, как свинцовая плита.

Зарина заёрзала на стуле. За тысячу с лишним лет она никогда и ни одному человеку не рассказала о своём корабле, о сёстрах, о той далёкой жизни, что осталась за горизонтом и за пределами человеческого понимания. В таком плачевном положении она не была ни разу.

Ни разу за тысячи лет.

Девушка глубоко вздохнула. Открылась.

— Я не единственная богиня, — сказала она. Каждое слово давалось тяжелее предыдущего.

Президент не перебил. Лишь показал жестом руки, державшей сигарету, чтобы продолжала.

— Не здесь. Не на этой планете. У меня есть сёстры... сестра, к которой я хочу обратиться за помощью. Я уверена, для неё победить личей не составит труда. Но связи нет... Нужно лететь самой.

Зарина смотрела на президента. Тот сидел внимательно, не шевелясь. Морщины на переносице стали много глубже. Человек был максимально сосредоточен. Будто разбирал каждое её слово на части, проверял на фальшь.

— У меня есть космический корабль.

Президент выронил сигарету. Та упала под стол, оставив на скатерти маленькую тлеющую точку. Он зло выругался и полез доставать. Когда девушка вновь увидела его лицо, оно было беспристрастным, как каменная маска.

— Прошу прощения, — сказал он сухо. — Продолжайте.

— Это небольшой корабль, как ни жаль... Я не смогу помочь с эвакуацией людей. И оружия против зомби на нём нет. Это просто челнок, который может доставить не более четырёх человек... в любую точку галактики. Я хочу на нём отправиться за помощью — и прилететь с сестрой.

Президент откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову. Надолго задумался. Пауза затягивалась, наполняя кабинет тяжестью. Зарина почувствовала себя странно. Неловко, уязвимо, почти по-человечески.

— Это всё, что я прошу, — добавила она тихо.

— Я ничего не обещаю, — неожиданно подался вперёд президент. В голосе зазвучали металлические нотки. — Но будьте готовы выдвигаться, если мы сможем вам помочь.

Девушка поднялась, пошла к выходу. У двери обернулась.

— Виктор Андреевич, — сказала она. — Я понимаю, что это звучит безумно. Но поверьте — это единственный шанс. Для всех нас.

Президент кивнул. Молча. Ничего не ответил.

Зарина вышла в коридор. Побрела в свою палату. В голове крутились мысли о предстоящем пути, о личах, о сестре. И о том, какие доводы придётся применять, если президент откажется отпустить её.

Она легла на койку, закрыла глаза. Завтра новый день. Новые медитации. Новые разговоры. Новые попытки. Она с нехарактерной для себя настойчивостью продолжала собирать крохи энергии. Как голодный зверь, чующий далёкую добычу. Поэтому, или почему ещё, но с этой ночи снова вернулись кошмары.

Первая ночь.

Она стояла на Олимпе. Звёзды за прозрачными стенами. Знакомые лица. Бокал с золотистым напитком в руке. Кто-то улыбается ей, говорит что-то ласковое, обнимает за плечи. А потом — провал. Темнота. И она уже лежит на холодной металлической поверхности. Вокруг люди в белых халатах. Игла в вене. Чей-то голос: «Не сопротивляйся. Мы просто сотрём лишнее».

— Нет! — Зарина проснулась, хватая ртом воздух. Сердце колотилось так, что грозило выскочить из груди.

Вторая ночь.

Она в лаборатории. Яркий свет слепит глаза, руки и ноги пристёгнуты ремнями. Над ней склоняется лицо — бледное, с провалившимися глазами. Тот самый мужчина в тёмном.

— Ты будешь помнить только то, что нужно, — говорит он. — Остальное исчезнет. Ты станешь чистой.

— Не надо! — кричит Зарина. — Пожалуйста, не надо!

Игла уже входит в вену. Мир начинает таять, расплываться, исчезать.

Она проснулась с мокрыми от слёз щеками.

Третья ночь.

Над ней снова склонилось знакомое бледное лицо.

— Сейчас мы сотрём тебе память, — сказал он. — После этого ты ничего не вспомнишь.

— Зачем? — прошептала Зарина. — Зачем вы это делаете?

— Затем, что ты должна быть счастлива, — ответил он. — А воспоминания напоминают о несчастьях. На Олимпе все счастливы.

Игла вошла в вену. Мир поплыл, растворяясь в белой пелене. Зарина почувствовала, как воспоминания уходят. Одно за другим. Как песок сквозь пальцы. Лица, имена, события — всё исчезало, оставляя после себя пустоту.

— Нет... — прошептала она. Но голос уже тонул в белом шуме.

А потом она увидела свет.

Голубой. Родной. Он пробивался сквозь белую пелену, сквозь стирающуюся реальность, сквозь самую пустоту. Скипетр.

Он лежал на соседнем столе. В нескольких метрах от неё. Камень в навалиши пульсировал — отчаянно, зовуще. Он звал её. Требовал, чтобы она боролась.

— Я здесь, — услышала Зарина голос. Не чужой. Свой собственный. Но звучащий откуда-то извне. — Я здесь, хозяйка. Не сдавайся.

Зарина рванулась к этому свету. Изю всех сил. Через боль, через пустоту, через стирающуюся память. Вцепилась в голубое сияние, как утопающий хватается за соломинку.

— Я не отдам, — прошептала она. — Я не отдам тебя. Я не отдам себя.

Она сидела на койке, вся мокрая от пота. Сжимала в руках скипетр. Когда успела его схватить? Не помнила. Но он был здесь, в её руках. Тёплый, живой, пульсирующий.

— Ты был там, — прошептала она. — Ты меня спас.

Зарина прижала скипетр к груди, закрыла глаза. Воспоминания — те, что пытались стереть, — теперь были с ней. Не все, урывками. Но главное она знала: её память стирали намеренно. На Олимпе. Люди в белых халатах. Тот мужчина с бледным лицом.

— Я узнаю, — прошептала она. — Я всё узнаю. И тогда они ответят.

Она легла. Сон не шёл. В голове крутились обрывки: лаборатория, игла, голос. И голубой свет скипетра, пробивающий тьму.

— Ты мой единственный друг, — сказала Зарина скипетру. — Ты и больше никого.

Камень мигнул. Словно соглашаясь.

За окном — там, где должно было быть окно, — гудела вентиляция. Девушка лежала, прижимая к себе скипетр. Думала о том, что, возможно, скоро увидит сестру. И, может быть, тогда всё встанет на свои места.

Она сделала попытку уснуть. Но стоило ей закрыть глаза, как по ушам ударил мерзкий звук.

Рёв сирены ворвался в сознание как удар ножом. Она вскочила на койке, мгновенно проснувшись. Сердце колотилось где-то в горле. Красные лампы аварийного освещения мигали в такт вою, отбрасывая на стены кровавые блики.

— Боевая тревога, — прошептала она. И так всё было понятно.

Руки сами нашарили одежду. Штаны, футболка, куртка, берцы. Схватила скипетр.

Распахнувшаяся дверь застала её одетой посреди комнаты. На пороге стоял майор. Возбуждённый, с автоматом наперевес, с каплями пота на лбу.

— Зарина! Быстро за мной! — крикнул он, перекрывая вой сирены.

— Что случилось? — спросила она, выбегая в коридор.

— Зомби! — майор уже бежал, она едва поспевала за ним. — Они активизировались. Целая орда. Атакуют бункер.

Коридоры гудели как растревоженный улей. Люди бежали. Военные с оружием, гражданские с детьми. Все куда-то спешили, кричали, плакали. Красный свет делал их лица страшными, чужими.

— Два входа уже заблокированы, — продолжал майор на бегу. — Третий держится. Но надолго ли — неизвестно. Президент собирает совещание. Вас ждёт.

Они влетели в кабинет президента. Там уже было полно народу: военные, какие-то штатские. Все возбуждённые, говорили одновременно, перебивали друг друга. Президент стоял у карты на стене, сжимая в руке дымящуюся сигарету.

— Зарина, — сказал он, увидев её. — Проходите. Времени мало.

Он жестом приказал всем замолчать. Шум стих. Остался только вой сирены, доносящийся из коридоров.

— Ситуация критическая, — начал президент без предисловий. — Зомби атакуют бункер. Не просто стая. Целое море чудовищ. Понятно, что их толкает сюда лич. Скорее всего, он где-то рядом.

Он ткнул сигаретой в карту.

— Два входа мы потеряли. Завалены, заблокированы надёжно. Зомби не прорвутся, но и нам не выйти. Третий держится. Но там такие толпы, что долго не продержимся. У нас есть, может быть, несколько часов. Может быть, день.

Зарина слушала, сжимая скипетр. Камень пульсировал, отдаваясь, казалось, болью в ладони.

— Мы приняли решение, — продолжал президент. — Пока есть возможность, пока третий вход ещё открыт, нужно отправить вас.

У девушки участилось сердцебиение.

— Меня?

— Вы говорили, что вам нужно далеко. За помощью, за сестрой, за тем, что может нас спасти. Сейчас или никогда. Если бункер падёт или будет полностью блокирован, вы не выберетесь. И никто не выберется. Мы будем замурованы здесь неопределённое время. Бункер автономен, но без поставок продовольствия фермы смогут кормить только ограниченное число людей. Мы пытаемся организовать эвакуацию части населения, пока есть возможность. Сейчас как раз решаем, кого и каким образом эвакуировать.

Он обвел рукой присутствующих.

— Мы дадим вам транспорт. Бронетранспортёр, самый быстрый, какой есть. Людей. Майор Соболев вызвался сопровождать. И всё, что сможем дать из припасов.

Зарина смотрела на него. В голове крутилась только одна мысль: «Они жертвуют собой ради меня».

— А вы? — спросила она тихо. — Что будет с вами?

Президент горько усмехнулся.

— А мы будем держаться. Сколько сможем. Может, отобьёмся. Может, продержимся до вашего возвращения. Скорее всего, законсервируем бункер в ожидании помощи...

Он не договорил. Все понимали, что означает это «может».

— Я не могу вас бросить, — сказала Зарина. — С моей помощью мы отбросим зомби от стен бункера.

— Вы не бросаете, — жёстко ответил президент. — Вы идёте за помощью. Если вернётесь с той, кто может убивать личей магией, у нас появится шанс. Если нет — все погибнут. И вы погибнете вместе с нами. Неужели вы не понимаете? Эти личи разумны. Их атака спланирована. Они знают, куда бросать своих зомби. Мы будем отбрасывать их от выхода бесконечно, пока все не поляжем. Останется только забаррикадироваться и надеяться, что они не поумнеют настолько, чтобы пробиться к нам через камень и бетон.

Он подошёл к ней, положил руку на плечо.

— Зарина, вы — наша единственная надежда. Не подведите.

Она смотрела в его усталые, красные от недосыпа глаза и понимала, что спорить бесполезно. Это не просьба. Это приказ. Да, он не мог ей приказывать, но это был единственный разумный выход.

— Я сделаю, — сказала она твёрдо. — Я вернусь с сестрой. Мы спасём вас.

Президент кивнул, отпустил плечо.

— Майор, — обернулся он к Соболеву. — Снаряжение, люди, транспорт. Десять минут на сборы. Выдвигаетесь немедленно.

— Есть, — козырнул майор и вышел.

— Зарина, — президент замялся на секунду. — Что бы ни случилось в будущем, знайте: мы благодарны вам за всё. За стену, за лича, за надежду. Но вы уж, это, поторопитесь с помощью.

У Зарины защипало в глазах. Она сдержала слёзы.

— Я вернусь, — повторила она. — Обязательно вернусь. Так быстро, как смогу.

И вышла из кабинета.

В коридоре было ещё больше народу. Люди бежали, тащили ящики с патронами. Куда-то направлялись одетые по-походному беженцы. Дети плакали. Женщины молились. Зарина пробиралась сквозь толпу, сжимая скипетр. Чувствовала, как от людей тянутся к ней ниточки веры. Отчаянной, последней.

— Богиня, помоги, — шептала какая-то старуха, хватая её за руку.

— Я вернусь, — ответила Зарина. — Я вернусь с помощью. Держитесь.

Она вышла к пандусу. Там уже стоял бронетранспортёр с пулемётом на крыше, с открытым люком. Внутри сидели бойцы — все с автоматами, сосредоточенные. Майор Соболев проверил снаряжение.

— Зарина, в машину, — скомандовал он. — Выезжаем через минуту.

Она забралась внутрь, села на скамью. Прижала к себе скипетр. Рядом плюхнулся майор, захлопнул люк.

— Погнали, — сказал он водителю.

— Я вернусь, — повторяла она вновь и вновь, вселяя уверенность в себя. — Я обязательно вернусь.

Бронетранспортёр взревел двигателем. Рванул вверх по пандусу, вылетая из бункера наружу. Зарина вцепилась в скамью, чтобы не упасть, когда машина подпрыгнула на стыке бетонных плит. Сзади лязгнули закрывающиеся ворота. Последний рубеж безопасного мира.

В лицо ударил серый утренний свет. Небо затянуто тучами, моросил мелкий противный дождь. Зарина зажмурилась на мгновение — привыкала к свету после недели подземной тьмы. Вгляделась вперёд.

Там, за ограждением из сетки-рабицы, колыхалось море ходячих трупов. По ним отрабатывали турели, расположенные у выхода из бункера. Но их было слишком много.

Ходячие мертвецы заполняли всё пространство перед бункером. Сотни, тысячи гнилых тел — ковыляющих, ползущих, лезущих друг на друга. Серо-чёрная масса, воняющая смертью, колыхалась как живое море. В центре, у самого входа, копошились десятки тварей. Попытались пробить дверь из стальных прутьев.

— Держитесь! — рявкнул майор.

За секунду до того, как бронетранспортёр подъехал к воротам, они ушли под землю. Впустили часть зомби на территорию.

Бронетранспортёр врезался в толпу как нож в масло. Удар — первые ряды разлетелись в стороны, раздавленные колёсами. Машина взбрыкнула, переезжая через тела. Зарина услышала, как под днищем хрустят кости. За машиной поднялась решётка ворот. Отрезала бойцов и зомби от бункера.

— Бей! — заорал майор пулемётчику на крыше.

Пулемёт застрочил, срезая головы ближайшим тварям. Зарина видела, как они падают. Десятками, сотнями. Но на место упавших тут же лезли новые. Слишком много.

— Не останавливаться! — крикнул водителю майор. — Жми!

Бронетранспортёр пробивал себе дорогу сквозь живое месиво. Колёса чавкали, перемазывая плоть. Стёкла забрызгало чёрной кровью. Зарину бросало из стороны в сторону. Она вцепилась в скипетр и в лавку. Мысленно молилась, сама не зная кому — себе? сёстрам? — чтобы прорвались.

Зомби били по бортам, лезли на крышу, пытались залезть внутрь. Один, особенно шустрый, вцепился в открытый люк. Пулемётчику пришлось скидывать его прикладом.

— Слева! — заорал кто-то.

Зарина выглянула в смотровую щель. Слева на них надвигалась ещё одна толпа. В центре — высокая фигура в чёрном. Лич.

— Там лич! — крикнула она.

— Вижу! — отозвался майор. — Не останавливаться! Если остановимся — всё!

Бронетранспортёр взревел, выжимая максимум скорости. Лич вскинул руку. Часть зомби рванула наперерез, пытаясь отрезать путь. Машина успела проскочить. Разбросала тварей по сторонам.

В голове у Зарины раздался голос: «Королева, я нашёл тебя, вернись ко мне! Я освобожу тебя!»

— Уходим! — заорал водитель.

Ревел мотор. Строчил пулемёт. Стук ударов тел по броне стал реже. И вдруг стало тихо. Только размеренный рёв двигателя.

Зомби остались позади. Бронетранспортёр влетел в лес, взрывая грязь с листвой. Деревья мелькали за стёклами, ветки хлестали по бортам. Погоня моментально отстала.

— Прорвались, — выдохнул майор и перекрестился. — Есть бог.

Зарина перевела дух. Улыбнулась. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. В голове стрельнула мысль: «Да, я есть!»

Она оглядела бойцов. Сидели бледные, потные. Но живые. Все живы.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Ребята, спасибо.

— Рано благодарить, — буркнул майор. — Это только начало. До вашего объекта не один день пути.

Зарина кивнула, прижимая к себе скипетр. Камень пульсировал ровно, спокойно. Словно тоже радовался.

Лес за стёклами мокрый, хмурый. Но живой. Дождь стучал по броне. Где-то пела птица — удивительно, в этом аду ещё остались птицы.

— Сколько нам ехать? — спросила Зарина.

— Если повезёт — неделя, — ответил майор. — Если нет... ну, сами понимаете.

Зарина понимала. Впереди тысячи километров. Сотни опасностей. Десятки личей. Но она была жива. И вырвалась из окружения.

Интерлюдия. Совет выживших

Несколькими днями ранее.

В секретной тесной комнате бункера «Надежда», за толстыми стальными стенами, располагался командный и переговорный пункт. Он был рассчитан на пятнадцать человек, но сейчас здесь сидели только трое. Центральное место занимал президент Славногорья. Вся стена напротив представляла собой гигантский экран, поделённый на множество маленьких мониторов, с каждого из которых на мужчин смотрели другие люди — усталые, напряжённые, сосредоточенные.

— Итак, Виктор, — с экрана говорил солидный мужчина, заросший бородой, — вы утверждаете, что у богини, кроме магии, в рукаве имеется космический корабль.

— Да, я узнал об этом сегодня.

— И она собирается на нём улететь, при этом просит вас доставить её к нему, — продолжил собеседник.

— Это невозможно, — резко отрезала пожилая женщина с другого монитора. — Отпустить её нельзя ни в коем случае. То, что у вас есть возможность с её помощью решить нашу проблему, пусть и ценой недели сна объекта, — это колоссальный прорыв.

— Не могу с вами согласиться, госпожа Фицман, — прервал её первый спикер. — Я напомним, что за последние две недели количество подтверждённых личей увеличилось вдвое, и их активность возросла. А Синяя Ведьма убила за это время одного.

— И тем не менее, — продолжала Фицман, — её надо изучить!

— Мы уже изучили, как могли, — вклинился Виктор Андреевич. — Она была в коме три дня, мы обследовали и её, и её скипетр всеми приборами. Ничем это нам не поможет — по данным медиков, она обычный человек.

— Вы не делали вскрытия, — заметил мужчина с козлиной бородкой.

Президент поморщился.

— Да, потому что её раны не были столь значительны, чтобы мы могли обосновать полостную операцию.

— А нужно ли обосновывать? — продолжил тот.

Президент собирался что-то сказать, но его перебил тучный мужчина с лысой головой:

— Мы это уже обсуждали. Давайте не будем по второму кругу. У Славногорья никто не отнимал суверенитет. Наш Совет выживших — не более чем сообщество равных. Виктор, мы верим в вас и ваших специалистов. Но я бы хотел напомнить ряд моментов. Во-первых, с появлением этой девушки...

— Ведьмы, Джон, — рявкнула Фицман.

— Пусть ведьмы, — примирительно продолжил Джон. — С появлением этой ведьмы активность зомби увеличилась в разы, особенно на территории Славногорья. Верно?

Все закивали. Кто-то стал поднимать записи, шурша листами.

— Продолжу. Аванпост, с которого её забрали, существует больше сотни лет, но именно с её приходом он пал.

— Поправлю, — вклинился президент. — За несколько дней до этого была большая атака, не успели восстановить ворота и периметр.

— И всё же именно приход Синей Ведьмы стал концом ещё одного оплота человечества. Пусть вы успели вывезти выживших, но потратили огромное количество керосина, который восполняется очень медленно.

Виктор Андреевич подался вперёд.

— Напомню: нефтепродукты сейчас получаем только мы, и мы же с риском доставляем их всем вам, — он развёл руками.

— Безусловно, мы вам благодарны, но вопрос, поднятый вами, нужно обсуждать сообща. То, что я говорил о повышенной активности зомби, — это не пустой звук. Я могу предположить одно из двух: либо личи ведут войну с Синей Ведьмой и явилась она к нам, когда стала проигрывать, либо она говорит правду и действительно была далеко и каким-то образом вернулась на планету несколько недель назад. В любом из этих случаев, если личи её преследуют — а мы видим, что активность увеличилась не только у вашего бункера, — под ударом все мы.

— Не предлагаете ли вы отдать её личам? — усмехнулась Фицман.

Повисла тишина. Спустя несколько секунд молчания неловкую паузу прервал старик с абсолютно седой головой и такими же седыми пышными усами:

— Уважаемая Фицман не так давно в Совете. Да и, кроме вас, много новых лиц. Я расскажу вам историю тюрьмы «Оплот». Не уверен, что все её читали.

— Не стоит, Рихард, — попросил Джон.

— Нет уж, я расскажу! Это случилось на нашей территории. Недалеко от границы с Батруссией. В горах. После того как зомби стали атаковать города, военные окопались в здании тюрьмы. Думали — крепость, да? Непрístupная. А в нагрузку получили больше тысячи отребья. Убийцы. Насильники. Просто асоциальные элементы.

Он помолчал. Сделал паузу.

— И комендант придумал... Ну, думал, что умно придумал. Решил подкормить местного лича. Заодно избавиться от лишних ртов. Понимаете? Кандалы на преступников — и к шахтам. Туда, где лича видели. Караван пленных вместе с надсмотрщиками. Лич принял подарок с удовольствием. Выслушал речь сопровождающего. Потом зомби растерзали людей в кандалах... А после — набросились на военных.

Рихард обвёл взглядом притихшие экраны.

— Спустя пару дней «Оплот» пал. Зомби атаковали непрерывными волнами. Лезли в каждую щель.

Снова тишина. Все молчали.

— Так вот, уважаемые, к этому я бы добавил то, что из тех личей, которых пытались идентифицировать по всему миру и кого смогли опознать — а это не более пятнадцати человек, — все они оказались либо руководителями, либо командирами. Список у вас всех имеется. Мой посыл в том, что если Виктор решит отпустить свою богиню, я рекомендую не только не выдавать её личам ни при каких обстоятельствах, но и приставить к ней надёжного человека, который вышибет ей мозги, если будет шанс, что её труп достанется зомби. Если она вернётся в качестве лича, то всем нам от лича-мага холода станет очень холодно в наших подземельях.

— Виктор, — спустя минуту тягостного молчания продолжил Джон, — тебе самому скоро придётся принимать не самые приятные решения. Сколько людей смогут прокормить фермы твоего убежища без поставок продовольствия?

— Достаточно! — отрезал президент.

— А я знаю точно, что все вы уже через месяц блокады будете голодать. Решать тебе. И если ты решишь избавиться от этой богини, то способ посадить её на корабль неплох. Предлагаю прибегнуть к нему, если других шансов не будет. Но я бы проконтролировал её отлёт — живой или мёртвой — и не отпускал одну. И, как посоветовал Рихард, в случае чего пустил пулю в лоб.

— Голосуем! — Фицман, слегка нервно, подняла руку. — Я за предложение Джона.

Большинство подняли руки. Было несколько против, не воздержался никто.

— Что ж, — криво усмехнулся президент, — экстренное совещание закрыто.

Он нажал кнопку на пульте, и экраны потухли.

— Майор Соболев, — глухо обратился президент.

— Я! — встал с места мужчина, сидевший по левую руку от президента.

— Ты пойдёшь с ней. Будешь рядом до конца, а если надо — полетишь за её сестрой. Ты всё слышал.

— Есть! Разрешите идти?

— И, Андрей... — президент помолчал, глядя майору в глаза. — Сделай всё как надо. Сам понимаешь, что на карте.

Глава 13 Ледяные мосты

«Ехать в бронетранспортёре с шестью вооружёнными мужчинами — это, скажу я вам, новый опыт. Раньше меня окружали поклонники с цветами и шампанским. Теперь — бойцы с автоматами и флягой. И знаете что? Мне нравится. Они хотя бы не врут, что я прекрасна. Они просто молча делают своё дело. И за это я их уже уважаю».

— Из будущих мемуаров Зарины, глава «Тень прежней себя»

Бронетранспортёр шёл лесом уже несколько часов. Город остался далеко позади, зомби попадались редко — одиночных тварей даже не достаивали пуль, игнорировали или сбивали. Дождь прекратился, небо начало светлеть, и Зарина впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на спокойствие.

Бойцы в машине понемногу расслаблялись. Автоматы опустили, лица перестали быть каменными. Кто-то достал флягу, кто-то закурил, несмотря на запрет в замкнутом пространстве. Майор посмотрел на курящего, но ничего не сказал — сам бы затянулся, да бросил давно.

— Познакомиться не хотите? — спросил он у Зарины, кивнув на бойцов. — Путь не близкий, мы надолго вместе.

Зарина улыбнулась.

— Хочу, — сказала она. — Давайте знакомиться.

Майор по очереди представил каждого.

— Это Серёга, — ткнул он пальцем в коренастого парня лет двадцати пяти, с веснушчатым лицом и добрыми глазами. — Пулемётчик. Лучший в бункере, между прочим.

Серёга смущённо улыбнулся, кивнул.

— А это Колян, — майор указал на худого, жилистого мужика с седыми висками, хотя лицо было молодое. — Снайпер.

Колян молча кивнул.

— Петрович, — майор показал на пожилого мужчину, сидевшего за рулём, с усталым лицом и руками, покрытыми татуировками. — Водила. Лучше него никто не водит, даже в аду.

Петрович хмыкнул, но ничего не сказал.

— Ну а эти двое, — майор обвёл рукой двух молодых парней, сидящих вместе, — близнецы, Лёха и Паша. Только что из училища, но держатся молодцом.

Близнецы заулыбались одинаковыми улыбками, помахали Зарине.

— А вы, — спросил Серёга, — вы правда богиня? Та самая?

Зарина усмехнулась.

— Правда. Та самая.

— А можете показать что-нибудь? — глаза у Серёги загорелись. — Ну, чудо какое-нибудь?

Майор цыкнул на него, но Зарина остановила жестом.

— Могу, — сказала она. — Но потом. Сейчас силы беречь надо. А по дороге до места, не сомневайся, обязательно покажу.

Серёга разочарованно вздохнул, но спорить не стал.

Разговор как-то сам собой завязался. Бойцы рассказывали о себе, о том, как попали в бункер, кого потеряли. Зарина слушала, и ей становилось всё горше, ведь у каждого была своя трагедия, своя потеря, своя война.

— А люди в бункере? — спросила девушка у майора, махнув рукой назад. — Ну, долго продержатся?

Майор задумался, закурил наконец, не выдержав, глядя на других.

— По-любому, — сказал он. — Металл стен и камни вокруг. Зомби туда не прорвутся.

Он затаился, выпустил дым на улицу через люк в потолке.

— Главная опасность — не прорыв, а блокада. Если они перекроют все входы, люди окажутся в ловушке. Еда кончится рано или поздно. И тогда крышка. — он ударил кулаком по ладони. — Слишком много народу туда набилось. Такие базы, как вилла, откуда нас всех спасли, одна за одной подверглись атакам. Осталось несколько воинских частей, где смогли организовать оборону, но в зоне ответственности «Надежды» очагов выживших почти не осталось.

— И что делать? — спросила с тревогой Зарина.

— Ждать подкрепления, — ответил майор, пожимая плечами. — Есть место, которое называют Анклав. Остров. Там построили стены высокие, чтобы монстры не лезли. Люди живут, урожай выращивают, оружие делают. Нефть качают. Настоящая крепость.

Зарина вскинула бровь.

— Анклав?

— Да. Не один такой, но самый большой наша страна построила. Они рассылают отряды, помогают выжившим. Когда им сообщат, что нужна помощь, пришлют людей. Перебьют всех зомби, освободят входы.

— Сколько ждать?

Майор пожал плечами.

— Неделя. Месяц. А то и больше. Помощь много где нужна. В последние дни все точки атакованы — да вы и сами видели карту, личи повсюду. Сейчас даже не знаю, получится ли отбиться. Раньше личей так близко к бункеру не было. — Майор смотрел в одну точку, задумавшись.

— Но такие места, как Анклав, — редкость, — добавил он. — Их мало. На всех выживших не хватает. Большинство людей либо в бункерах, как мы, либо вообще без защиты. Но таких всё меньше... Разве что в горах. Те, кому повезло, там, на острове. А остальные...

Он не договорил, но и так было понятно.

Зарина смотрела на проплывающий за стеклом лес и думала о том, что где-то там, на острове, люди живут почти нормальной жизнью. Выращивают урожай, делают оружие, надеются на лучшее. А здесь, на материке, миллионы гибнут, становятся зомби, пополняют армии личей.

— Я должна дойти, — прошептала она. — Ради них всех.

— Дойдём, — твёрдо сказал майор. — Мы с вами.

Бойцы закивали, поддерживая. Зарина посмотрела на них — обычных людей, смертных, которые прожили всю жизнь в аду, который она сама уготовила им. И на глазах выступили слёзы. Игривое настроение улетучилось, как и не было.

— Спасибо, ребята, — сказала она. — Спасибо вам всем.

— Не за что, — ответил за всех смутившийся Серёга. — Вы нам, это, жизнь спасли у виллы. Там столько народу было гражданского... Теперь мы вам поможем.

— Андрей, — вдруг сказал майор, перехватив её взгляд. — Можно просто Андрей. Надоело мне это «майор».

Зарина улыбнулась.

— Хорошо, Андрей. А меня Зарина. Хотя ты и так знаешь. И давай на «ты».

Он кивнул, достал сигарету, но закуривать не стал — просто крутил в пальцах.

— Слушай, Андрей, — Зарина помолчала, собираясь с мыслями. — А почему президент в бункере командует, а не в Анклаве? Там же безопаснее, стены, люди, оружие...

Андрей хмыкнул, но как-то невесело.

— Безопаснее, говоришь, — повторил он. — Было безопаснее. Пока один Анклав не пал. Зарина подалась вперёд.

— Пал? Анклав? Как?

Андрей всё-таки закурив, глубоко затаился, выпустил дым в приоткрытый люк.

— Лет десять назад, — начал он. — Был Анклав на юге. Крепкий, большой, с высокими стенами. Люди туда со всей округи стекались, думали — спасутся. Как раз когда зомби нападать на него стали. И сначала так и было. Зомби разбивались о стены, как волны о скалы.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— А потом личи подогнули армию. Тысячи, десятки тысяч тварей. Они не штурмовали, нет — они просто... бежали к подножию стен. День собирались, два, неделю. Трупы громоздились друг на друга.

Зарина представила эту картину — горы мёртвых тел, растущие день ото дня. Ей стало холодно.

— И что дальше? — спросила она тихо.

— А дальше по останкам одних другие полезли, — ответил Андрей. — Стены высокие, но горы тел оказались ещё выше. Зомби карабкались по своим мёртвым собратьям, как по пандусу. И перебрались через стену. Боеприпасов всех перебить просто не хватило.

Он затушил сигарету о подошву, спрятал окурочек в карман.

— Анклав пал. Все, кто там был, погибли или стали зомби. Никто не спасся. Авиации у них не было, а когда подогнули вертолёт, было поздно.

Зарина молчала, переваривая услышанное. Стены, которые считались неприступными, оказались бесполезны перед тактикой личей. Трупы как оружие. Мёртвые как лестницы.

— Поэтому президент в бункере, — продолжил Андрей. — Под землёй надёжнее. Зомби сами не копают, личи до этого не додумались пока.

— Думаешь, могут?

— А кто их знает, — усмехнулся майор. — Учёные их изучать не могли, а изучение зомбаков ни к чему не привело, кроме одного — они не заразны. Всем им силу личи дают — подходит к месту, где трупы лежат, и трупы оживают.

Зарина смотрела на него с уважением — он не боится. Устал, да, но не боится. Просто делает своё дело.

— Спасибо, что рассказал, — сказала она.

— Да не за что, — ответил Андрей. — Ты теперь наша главная надежда. Должна знать, с чем столкнёмся.

Он помолчал, потом добавил:

— И ещё. Если вдруг... ну, если нам придётся отстать, ты не останавливайся. Не трать последние силы на нашу защиту. Иди дальше. Кто-то из наших с тобой пойдёт, но если ты, как на том задании, без сил свалишься, то спасать нас будет некому.

Зарина покачала головой.

— Дойдете. Все дойдём. Я не позволю.

Андрей усмехнулся, но спорить не стал.

Бронетранспортёр мерно покачивался на ухабах, лес за стёклами давно сменился редколесьем, потом потянулись бесконечные поля, поросшие бурьяном в человеческий рост. Бойцы дремали, убаюканные движением, даже Андрей прикрыл глаза, положив автомат на колени. Только Зарина и водитель не спали.

Она смотрела в темноту за бронированным стеклом и думала. Думала о том, что с ней случилось. О том, какой она была раньше и какой стала сейчас.

Раньше.

Это слово отдавалось в голове глухим эхом. Раньше она была другой. Раньше она была настоящей богиней.

Зарина закрыла глаза, и воспоминания хлынули потоком — не те, обрывочные, что прорывались сквозь стёртую память, а цельные, яркие, из далёкого прошлого, которое ещё не тронули чужие руки.

Она стояла на вершине замёрзшего водопада, и вокруг неё кипела битва. Враги — армия смертных, посланная, чтобы убить её, — лезли по льду, размахивая мечами и топорами. Их были тысячи. Тысячи воинов, закованных в сталь, с факелами и святой водой.

Зарина улыбнулась тогда. Подняла руки — и лёд взорвался вокруг неё сотнями острых пик. Они выросли из земли, из воздуха, из самого холода, пронзая врагов насквозь. Крики умирающих смешались с воем ледяного ветра.

Она взмахнула скипетром — и ледяной смерч поднялся из ниоткуда, закрутился, завыл, сметая целые отряды, разбрасывая тела, как куклы. Смерч нёсся по полю боя, оставляя за собой только лёд и тишину.

А она стояла и смеялась. Смеялась, потому что чувствовала силу — бесконечную, неисчерпаемую, бьющую через край. Она могла всё. Заморозить океан, остановить сердца тысяч разумных, уничтожить целый город одним движением руки.

Те воспоминания были такими яркими, такими реальными. Зарина чувствовала тот холод — не мёртвый, а живой, свой, родной. Чувствовала, как сила переполняет каждую клеточку, как она танцует в венах вместо крови.

Кто были люди в тех армиях? Такие же, как солдаты, что оберегали её сейчас. Ей не было дела до их жизней. Она была слишком сильна, слишком недосыгаема.

Она открыла глаза.

Скипетр лежал на коленях, камень пульсировал тусклым, болезненным светом. Зарина провела пальцем по холодному металлу и вздохнула.

— Что с тобой случилось? — прошептала она. — Что с нами случилось?

Она попыталась вспомнить тот момент, когда сила начала убывать. Когда она впервые почувствовала, что стала слабее. Но память упиралась в стену — белую, гладкую, непроницаемую.

Лаборатория. Белые халаты. Игла в вене. Голос: «Мы просто сотрём лишнее».

— Что они стёрли? — прошептала Зарина. — Что такого важного они у меня забрали?

Может быть, вместе с памятью они забрали и силу? Может быть, секрет её мощи был в тех воспоминаниях, которые исчезли? Она не знала. И это незнание было хуже любой боли.

Она вспомнила битвы, в которых участвовала. Не те, мелкие стычки с зомби, а настоящие войны. Она замораживала армии целиком — тысячи воинов превращались в ледяные статуи за секунду. Она создавала стены из льда, которые невозможно было разрушить. Она вызывала метели, которые заметали целые города.

А сейчас? Сейчас она выложилась полностью, создав одну-единственную стену вокруг виллы. И упала без сознания на трое суток. Сейчас она убила одного лича — и снова рухнула без сил. Но здесь было объяснение — слишком мало времени копилась сила, слишком мало тех, кто ей поклонялся.

— Один, — прошептала Зарина. — Я убила одного и выдохлась, как какая-нибудь ничёмная ведьма из деревни.

Что изменилось? Почему она стала такой слабой?

Мысли заметались в голове, как птицы в клетке. Может быть, дело в вере? Раньше в неё верили миллионы, теперь — горстка людей в бункере. Но даже с их верой она чувствовала себя жалкой тенью прежней себя. Ведь её сила копилась столетиями.

Может быть... может быть, те, кто стирал ей память, забрали не только воспоминания. Может быть, они забрали часть её сущности. Часть души. Часть силы.

— Твари, — выдохнула Зарина, сжимая скипетр так, что побелели костяшки. — Что вы со мной сделали?

Она посмотрела на спящих бойцов. Андрей, Серёга, Колян, Петрович, близнецы. Они верили в неё. Они шли за ней, надеясь на спасение. А она даже не знала, сможет ли защитить их, если нападут личи.

Эта мысль показалась ей странной. Девушка даже задержала дыхание. Никогда прежде она не проникалась к смертным. И причина была тоже в силе. Они всегда были ниже её не на ступень — на две или три. Они были инструментом, ресурсом. А за последние пару недель она несколько раз была на грани гибели, и люди её спасали.

Она вдруг задумалась, что с детства ни к кому из людей не привязывалась — у неё были любовники, слуги, обожатели и враги. Но ни к кому из них она не питала вообще никаких чувств. А сейчас... сидя в этой стальной машине, она переживала за сопровождающих, как будто они ей равня. Это было ново, странно, но, на удивление... приятно. Да, несмотря на опасность, чувство единения с людьми, вызванное общей бедой, разогнало многовековую скуку и щекотало нервы богини.

— Я должна вспомнить, — прошептала она. — Должна понять, что со мной сделали. И вернуть своё.

Где-то глубоко внутри, в самой сердцевине её существа, что-то отозвалось. Тьма? Холод? Или просто эхо прежней силы? Зарина не знала. Но она чувствовала — там, внутри, ещё есть искра. Огромная, древняя, настоящая. Она просто спит. Или заперта.

— Я разбуду тебя, — пообещала Зарина себе. — Я найду способ.

Она прижала скипетр к груди, закрыла глаза. Движение бронетранспортёра убаюкивало, мысли текли всё медленнее, пока не замерли совсем. Она провалилась в сон.

Она лежала на холодной металлической кушетке. Над ней — белый потолок с встроенными лампами, слепящими глаза. Руки и ноги пристёгнуты ремнями — широкими, тугими, не дающими пошевелиться.

— Очнулась, — раздался знакомый голос.

Опять тот мужчина в белом халате. Он стоял рядом, держа в руке шприц с мутной жидкостью. Лицо бледное, глаза провалившиеся, но в них горел холодный, торжествующий огонь.

— В этот раз последний, — сказал он. — После этого ты ничего не вспомнишь. Ни кто ты, ни откуда. Только то, что мы решим оставить.

— Не надо, — прошептала Зарина, дёргая ремни. — Пожалуйста...

— Не надо сопротивляться, — перебил он. — Это бесполезно. Твоя сила заблокирована. Ты одна.

Он наклонился, поднося шприц к её шее.

И вдруг Зарина почувствовала это — что-то родное.

Холод. Настоящий, живой, её собственный холод. Он шёл откуда-то сбоку, нарастая с каждой секундой.

Мужчина в белом халате замер, почувствовав неладное. Обернулся.

Скипетр лежал на соседнем столе. Камень в его наверхии пульсировал — сначала тускло, потом ярче, потом ослепительно-синим светом. И от этого света по столу пополз иней.

— Что за... — начал мужчина.

Скипетр взорвался холодом.

Ледяная волна ударила во все стороны — мгновенная, неудержимая. Мужчина в халате даже не успел вскрикнуть — просто замер, превратившись в ледяную статую с застывшим ужасом на лице. За ним замёрзли люди в белых халатах, приборы, стены, потолок. Всё помещение превратилось в ледяной грот за одно мгновение.

Ремни на руках и ногах Зарины затрещали. Лёд сделал их хрупкими, ломкими. Она дёрнулась — и ремни разлетелись на куски.

Она села на кушетке, прыгнула на замёрзший пол, едва не поскользнувшись. Схватила скипетр — и по телу разлилось тепло. Нет, не тепло — сила. Её сила, древняя, настоящая. Она заполняла каждую клеточку, вытесняя слабость, страх, сомнения.

— Я помню, — прошептала Зарина. — Я всё помню.

Но станция сопротивлялась. Где-то там, за стенами лаборатории, работали генераторы, подавляющие её магию. Зарина чувствовала это — чужеродное поле, пытающееся заблокировать её силу, запретить её снова.

— Нет, — сказала она вслух. — Хватит.

Она подняла скипетр и, направив его в пол, послала мощную волну холода.

Лёд пошёл волной — неудержимой, всесокрушающей. Он пробивал стены, замораживал коридоры, проникал в вентиляцию, в кабели, в самые недра станции. Генераторы взрывались один за другим, не выдерживая холода. Сопротивление стихало, таяло, исчезало.

Зарина стояла в центре ледяного зала и чувствовала, как сила возвращается к ней. Не та, жалкая тень, с которой она жила на этой опустыленной искусственной планете, а настоящая, полная, почти бесконечная. Она снова была собой.

Она опустила скипетр и огляделась. Взгляд упал на полку у стены. Там, кем-то сложенная, лежала одежда. Её одежда.

Синее платье — то самое, любимое, цвета вечернего неба. Туфли на шпильке, лаковые, сверкающие. И голубая лента для волос, атласная, нежная.

Зарина улыбнулась. Быстро скинула больничную рубашку, оставшись в одном белье, и начала одеваться.

Платье скользнуло по телу, облекая фигуру с идеальной точностью. В туфлях она стала выше и почувствовала себя чуточку сильнее. Лента легла в волосы, заплетённые в тугую косу.

Она подошла к замёрзшему зеркалу на стене, взгляделась в своё отражение. Ей не понравилось то, что она увидела — истощённое тело, впалые глаза, вокруг которых тёмные круги, как синяки. Она поднесла к лицу руку — тонкие кисти, тонкая прозрачная кожа поверх костей и вен, и следы уколов по всей руке.

Девушку охватила ярость. Она сжала скипетр и пустила волну исцеления по всему телу. Из ледяной глубины на неё смотрела та, прежняя Зарина — с сияющими глазами, с румянцем на щеках, с той самой улыбкой, от которой мужчины теряли голову.

— Здравствуй, — сказала она своему отражению. — Я соскучилась.

Она взяла скипетр, поправила платье и шагнула к двери. Та не открывалась — замёрзла. Зарина щёлкнула пальцами, и лёд, сковавший дверь, исчез, превратившись в пар.

Коридор встретил её тишиной и холодом. Везде, куда ни глянь, стояли ледяные статуи — люди в белых халатах, застигнутые врасплох. Зарина прошла мимо них, цокая каблучками по замёрзшему полу, и улыбалась.

— Я иду, — прошептала она. — И теперь никто меня не остановит.

Сон начал таять, как утренний туман. Зарина почувствовала, что просыпается, но тепло силы осталось с ней. Частичка того, настоящего холода, теперь была здесь, в реальности.

Волшебница открыла глаза.

Глава 13 Ледяные мосты

«Карстовые формы рельефа образуются в результате растворения горных пород водой. Наиболее характерными элементами карстового ландшафта являются воронки, котловины, поля и провалы. Глубина карстовых провалов может достигать десятков и сотен метров. Передвижение по таким участкам без специального снаряжения и детальной карты местности крайне опасно и категорически не рекомендуется».

— *Учебник географии, раздел «Карстовые процессы и формы рельефа»*

Бронетранспортёр всё так же мерно покачивался на ухабах. Бойцы спали. Андрей дремал, привалившись к стене. Скипетр лежал на коленях Зарины, и камень светился, но после яркого, насыщенного сияния из сна это свечение казалось едва различимым, почти болезненным, хотя за последние дни волшебница собрала больше сил, чем за все предыдущие приключения вместе взятые.

Зарина вытерла со лба холодный пот. Кое-что начинало проясняться. Она вспомнила, как заложила в скипетр тайную магию — программу вызволения из плена — вместе с запасённой в камне энергией на случай непредвиденного. Спустя триста лет после того, как скипетр разлучили с владелицей, в нём пробудилась частичка её силы и, ломая оковы, устремилась к богине холода. Вот откуда она знала, что прошло ровно три столетия. Стало понятно и то, что основные накопленные за века силы ушли на борьбу с проклятым Олимпом. Но как именно она выбралась со станции, Зарина так и не помнила. В памяти остался лишь транслокатор и зомби на площади.

И всё же девушка улыбнулась.

— Ну наконец, я что-то помню, — прошептала она. — Хоть что-то!

Она закрыла глаза. Впереди была долгая дорога, но теперь наполненная надеждой на спасение.

Минуты текли бесконечно, сливаясь в часы, а те, в свою очередь, в дни. Четыре долгих дня пути, наполненных движением, усталостью и короткими остановками.

Бронетранспортёр шёл на пределе возможностей, но бережно. Петрович знал своё дело прекрасно. Он вёл машину, словно чувствовал каждый камень под колёсами, каждую ямку, каждую корягу. Когда он уставал, за руль садился Серёга. Пулемётчик оказался неплохим водителем, хоть и нервным. Потом Андрей. Потом снова Петрович. Они менялись на ходу, благо внутри машины было тесно, но перебраться из водительского кресла в отсек можно было, не покидая боевой машины. Только заправки требовали остановок. С собой везли топливо, которое берегли, и потому старались заправиться тем, что находили в пути.

Заправки были редкими и опасными. Андрей заранее отмечал на карте точки, где могли сохраниться запасы: старые станции, военные склады, брошенные колонны. Подъезжали осторожно, выставляли охранение, быстро проверяли территорию. В первый раз наткнулись на зомби — небольшая группа, около двадцати неумерших, копошилась у бензовоза. Обошлось без стрельбы: Зарина заморозила их одним движением, пока бойцы качали топливо. Во второй раз повезло больше. Нашли нетронутый склад ГСМ, охраняемый только ржавым забором. Заправились под завязку, прихватили несколько канистр про запас.

Ели на ходу: сухпайки, консервы, вода из фляг. Спали урывками, привалившись друг к другу в тесном отсеке. Зарина почти не спала, сидела, прижимая к себе скипетр, и чувствовала, как сила по капле прибывает.

Камень светился тускло, но ровно. Не так ярко, как во сне, в лаборатории на Олимпе, но уже не мёртво, как после битвы с личем. Он накапливал энергию медленно, но верно, словно аккумулятор, заряжающийся от солнечной батареи в пасмурный день.

— Сколько ещё? — в очередной, уже, наверное, десятый раз за время движения спросила Зарина у Андрея на исходе четвёртого дня.

— По карте скоро должны упереться в горы, — ответил он, вглядываясь в темноту за стеклом. — А там уже по обстоятельствам.

Пока Зарина рассматривала карту, пытаясь прикинуть оставшееся расстояние, впереди показались горы. Они выросли из темноты внезапно, словно чёрные великаны, заслонившие полнеба. Бронетранспортёр остановился у подножия. Выпустив вперёд Коляна на разведку и соблюдая все предосторожности, экспедиция выбралась наружу. Ночь была тёмной, безлунной, только звёзды мерцали высоко над горами. Воздух пах хвоей и сыростью, где-то рядом была вода.

— Куда теперь? — спросила Зарина.

Дождавшись вернувшегося Коляна, который сообщил, что путь чист от зомби, Петрович, сверившись с картой, молча подошёл к ней, тронул за рукав и повёл к краю леса, раздвигая ветки. Зарина пошла за ним, бойцы двинулись следом, держа оружие наготове.

Лес кончился внезапно. Они вышла на открытое пространство. Впереди, внизу, раскинулось озеро — огромное, тёмное, с чёрной водой, отражающей звёзды. Горы обрывались прямо в воду, а по берегу пролегла узкая полоска суши.

— Вот, — сказал водитель, указывая рукой на песчаный берег. — Это единственный путь вдоль озера. За ним, — он махнул рукой вдаль, — перевал. По-другому горы не обогнуть.

Зарина смотрела на озеро и не верила своим глазам. Не потому, что в ночи оно казалось волшебным, а потому, что берег шевелился.

Тысячи зомби заполняли всю прибрежную полосу, насколько хватало глаз. Стояли, сидели, бесцельно бродили — сплошная серая масса, отсекающая путь к горам.

— Твою мать, — выдохнул Андрей за спиной. — Это ж сколько их...

— Лич рядом, — тихо сказала Зарина. — Чувствую. Он здесь.

— Что делать будем? — спросил Петрович, вглядываясь в темноту.

Зарина молчала, глядя на море мертвецов. Именно через них пролегал путь к кораблю, к сестре, к спасению.

— Ну что, дорогие мои, будем прорываться, — сказала она наконец и подошла к Петровичу. — Гони прямо в озеро. Остальное — моя забота.

Правда, прежде чем её план утвердили, пришлось во всех подробностях объяснить его майору и добиться одобрения. Всё-таки вокруг были военнослужащие, и приказы им отдавал только он. Спустя несколько минут бронетранспортёр рванул с места, сминая кусты на опушке. Зарина, сидевшая на броне, вцепилась в турель. Ветер ударил в лицо, разметал волосы, но она не чувствовала холода — только азарт и разгорающуюся в груди силу.

Лес кончился. Впереди была чёрная вода, отражающая звёзды. Берег приближался с ужасающей скоростью.

— Гони! — крикнула Зарина, хотя Петрович и так выжимал максимум.

Десять метров до воды. Полметра. Пора.

Она ударила скипетром, направляя всю доступную силу вперёд, в воду, под будущие колёса. Лёд взорвался из ниоткуда. Он рос со скоростью пули, формируя ровную, гладкую дорогу прямо по курсу машины. Бронетранспортёр влетел на неё, даже не замедлившись, и понёсся дальше, взрывая ледяную крошку. Зарина оглянулась: позади оставалась сверкающая в лунном свете дорога.

На берегу началось движение. Зомби, привлечённые шумом, бежали к воде — сотни, тысячи тварей. Первые прыгали в озеро, пытаясь плыть, но, добежав, они безнадежно бултыхались, уходя на дно. Другие, менее расторопные, просто стояли на берегу, нелепо размахивая руками. Нашлись и те, кто догадался побежать в сторону, где лёд соединялся с сушей.

— Не хулиганить! — погрозила пальчиком волшебница.

Она создала несколько уходящих ко дну ледяных колонн для поддержки моста и превратила в воду лёд позади машины. Самые шустрые из неумерших, уже успевшие забраться на мост, дружно ушли под воду.

— Красота, — выдохнула Зарина, глядя на это зрелище.

Бронетранспортёр нёсся по ледяной дороге параллельно берегу, набирая скорость. Зомби оставались позади, их крики тонули в рёве двигателя и плеске воды. Петрович вёл машину, ни на секунду не сбрасывая газ. Лёд под колёсами был твёрдым, как бетон, Зарина постаралась на совесть.

Впереди показался перевал — узкая полоска суши между горами и водой, ведущая вглубь каменного массива.

— Туда! — крикнула Зарина, показывая рукой.

Петрович и сам уже заметил. Бронетранспортёр слегка изменил курс, направляясь к перевалу. Когда машина коснулась твёрдой земли, водитель замедлил ход и остановился. Зарина облегчённо выдохнула, оглянулась. Озеро было чёрным и спокойным, лишь кое-где темнели точки — головы тонущих зомби. Девушка растопила лёд позади, возвращая себе часть потраченных сил.

— Проскочили, — сказала она вслух, спрыгнула с брони и коснулась ногами камня.

Бойцы высыпали наружу, возбуждённые, смеющиеся.

— Ну вы даёте! — заорал Серёга. — Это ж надо! По воде аки по суку!

— Тихо, — осадил его Андрей с суровой миной на лице, но взгляд улыбался. — Зарина, как ты?

Богиня прислушалась к себе. В груди, там, где обычно копилась сила, теперь было чуть пустовато. Искра уменьшилась примерно на четверть.

— Нормально, — ответила она. — Не так и сильно потратилась, но бывало и лучше.

— Все в машину, двое на броню, смотреть в оба! — крикнул майор, осмотрев каменный коридор в скале.

Перевал встретил их гулкой тишиной и запахом сырого камня. Узкая дорога вилась между отвесных скал, уходя в темноту, словно в пасть гигантского змея. Бронетранспортёр шёл медленно: Петрович не рисковал на незнакомой трассе, где справа возвышалась стена, а слева зиял обрыв в чёрную пустоту.

Зарина сидела у люка, сжимая скипетр. Камень пульсировал ровно, но тревожно. Казалось, он чувствовал опасность раньше хозяйки.

— Не нравится мне здесь, — произнёс Андрей, высунувшись из люка. — Слишком тихо.

— Согласна, — кивнула Зарина. — Наши поклонники здесь. Я их чувствую.

— Где?

— Везде.

Словно в ответ на её слова, сверху донёсся каменный стук. Зарина выглянула наружу и увидела, как по отвесной стене, цепляясь за малейшие выступы, спускаются тени.

— Сверху! — заорал в тот же миг Серёга.

Первый зомби прыгнул, целясь прямо в крышу. Зарина встретила его ледяной стрелой, тварь замерла в воздухе и рухнула вниз, разбившись о камни. Но следом летели другие.

— Они как обезьяны! — закричал Серёга, строча из пулемёта.

Очередь прошла сразу двух, но третий вцепился в борт, пытаясь залезть внутрь. Колян, молчаливый снайпер, снял его выстрелом в упор.

— Петрович, жми! — орал Андрей. — Не останавливайся!

Бронетранспортёр рванул вперёд, подпрыгивая на камнях. Но зомби не отставали. Они сыпались со скал, как спелые плоды, десятками, сотнями. Прыгали на крышу, на капот, на борта, царапали броню, били по стёклам.

Зарина, выбравшаяся на броню за спиной Серёги, работала скипетром как бешеная. Лёд разил тварей одну за другой, но они лезли и лезли, не зная ни страха, ни боли.

— Зарина, берегись! — закричал Лёха.

Она обернулась. Огромный зомби, чуть ли не вдвое больше остальных, прыгнул прямо на неё со скалы. Зарина выставила скипетр, и лёд ударил твари в грудь, однако инерция уже несла её, и столкновение сбросило волшебницу с крыши. Она покатила по броне, вцепившись в турель, едва не сорвалась под колёса. Андрей перехватил её за руку, втащил обратно.

— Жива? — крикнул он.

— Жива! — выдохнула Зарина, поднимаясь. Сердце бешено колотилось в груди.

Вокруг творился ад. Пулемёт Серёги строчил не переставая, срезая тварей пачками. Колян бил одиночными, не промахиваясь. Близнецы отстреливались из автоматов, Петрович гнал машину на пределе возможностей.

— Сколько же их? — заорал он из кабины.

— Много! — ответила Зарина.

Она подняла скипетр и ударила им по крыше. Ледяная волна пошла вверх, по стенам ущелья, сбивая тварей, заставляя их срываться ледяными изваяниями со скал. Сотни замёрзших тел посыпались вниз, разбиваясь вдребезги.

— Есть! — закричал Серёга.

Но радоваться было рано. Из темноты навстречу вылетела новая волна. Эти были другими — быстрее, злее, с горящими глазами. «Лич, — поняла Зарина. — Лич где-то рядом, командует ими».

— Надо уходить! — крикнул Андрей. — Если этот гад догонит, не отобьёмся!

— Не догонит! — ответила Зарина.

Она направила скипетр вперёд, в темноту ущелья, и ударила. Лёд побежал по дороге, замораживая камни, выравнивая путь, создавая идеальную трассу.

— Петрович, жми! Дорога безопасна!

Бронетранспортёр рванул с новой силой, выжимая максимум. Зомби позади отставали, исчезали в темноте. Только несколько самых быстрых ещё цеплялись за борта, но бойцы добились их прикладами.

Ущелье кончилось. Машина вылетела на открытое пространство, в долину, залитую лунным светом. Позади остались темнота, скалы и тысячи тварей, запертых в каменном мешке.

— Всё, — выдохнул Андрей, оглядываясь. — Кажется, оторвались.

Проехав километр вглубь долины, бронетранспортёр остановился. Зарина сползла с крыши, ноги не держали. Она села прямо на камни, прижимая к себе скипетр. Камень пульсировал слабо, едва заметно, силы уходили катастрофически быстро.

— Ты в порядке? — спросил подошедший Андрей.

— Пришлось поколдовать, — выдавила она улыбку.

Майор нахмурился, но ничего не сказал, только похлопал по плечу. Осмотревшись, бойцы и волшебница заняли свои места в машине. Петрович вновь сел за руль, и группа продолжила путь.

Когда кончилось плоскогорье и они выехали на край каменистого плато, Петрович резко затормозил, едва не отправив Серёгу кувырком с крыши.

— Твою мать! — выругался он, оглядываясь. — Там провалы! Сплошные провалы!

Зарина выбралась вместе со всеми и подошла к краю. Луна освещала странный ландшафт: ровное на первый взгляд плато оказалось изрезано глубокими трещинами и провалами. Некоторые шириной в метр, другие в десятки метров, и все они уходили в чёрную, непроглядную темноту.

— Карстовые воронки, — пояснил Андрей. — Вода вымывает известняк, земля проваливается. Не заметишь — рухнешь и даже не поймёшь, что под тобой пустота.

— И как ехать? — спросил Петрович. — Фары у меня, конечно, есть, но ночью я эти дыры замечу только когда мы в них упадём.

Зарина посмотрела на небо. До рассвета оставалось часа три, не меньше.

— Ждём, — решил Андрей. — Рисковать нельзя. Одного провала хватит, чтобы похоронить нас здесь навсегда.

— А зомби? — спросил Серёга, озираясь. — Если они навалятся ночью...

— Будем дежурить, — ответил майор. — Выставляем наблюдение в четыре стороны. Приборы ночного видения есть у всех?

Бойцы закивали, доставая из рюкзаков очки и монокуляры.

— Вот и отлично. Делимся на пары. Смена каждые два часа. Машину глушим, свет гасим. Сидим тихо, как мыши.

— А я? — спросила Зарина.

— А ты отдыхай, — твёрдо сказал Андрей. — Ты сегодня и так пол-озера заморозила, и ущелье мы прошли только благодаря магии. Если что, разбудим. Сила тебе ещё понадобится.

Зарина хотела возразить, но поняла, что он прав. Она чувствовала, как тают силы, как искра внутри едва теплится. Нужно было беречь каждую каплю.

— Хорошо, — кивнула она. — Но если что, сразу зовите.

— Отдыхай. Это приказ.

Зарина улыбнулась, одарив майора фирменной улыбкой. Он нравился ей всё больше. Она слегка наклонила голову, словно намекая, что будет сама решать, выполнять ли его приказы, и отправилась внутрь машины, невольно включив самую эффектную походку.

Двигатель заглушили, и на девушку обрушилась давящая, густая тишина. Только ветер посвистывал в камнях, да где-то далеко ухал филин. Зарина прижалась спиной к броне, положила скипетр на колени. Спать не хотелось. Мысли крутились вокруг личей, зомби, Вереи и корабля, скакали, как дикие обезьяны, не давая успокоиться. Пришлось даже прибегнуть к медитации.

Она смотрела в темноту за открытым люком и слушала тишину. Бойцы замерли у машины, вглядываясь в ночь через приборы. Никто не разговаривал, только дыхание и редкие шорохи.

Первые два часа прошли спокойно. Потом сменилась стража. Зарина задремала, но сон был чутким, на грани яви. Ей казалось, что она слышит шаги — множество шагов, приближающихся с разных сторон. Но когда она открывала глаза, вокруг стояла тишина.

Перед рассветом похолодало. Девушка зябко повела плечами, хотя холода не боялась в принципе. Это было что-то другое, внутреннее. Предчувствие.

— Зарина, — позвал Андрей шёпотом. — Там, кажется, движение. На два часа.

Она выскользнула из машины, подошла к нему. Андрей протянул прибор ночного видения. Зарина прильнула к окулярам и в зелёном свечении увидела их: десятки фигур, бредущих по краю плато. Они не приближались, просто шли своей дорогой, но если бы заметили машину...

— Не шевелимся, — прошептала Зарина. — Они нас не видят. Просто проходят мимо.

Процессия тянулась долго, минут двадцать, может, больше. Потом последняя тень скрылась в темноте.

— Ушли, — выдохнула Зарина.

— Пронесло, — ответил Андрей. — Но скоро рассвет. Надо быть готовыми.

Небо на востоке начало светлеть, сначала робко, потом всё увереннее. Звёзды гасли одна за другой. Ночь отступала. Когда первые лучи солнца коснулись камней, Андрей скомандовал:

— Заводим. Двинулись. Едем медленно, смотрим в оба. Заметил провал — немедленно докладывать.

Петрович сел за руль, включил зажигание. Бронетранспортёр ожил, взревел двигателем. Зарина снова забралась на крышу — оттуда было лучше видно. Никто не возражал.

— Поехали, — сказала она.

Машина медленно тронулась, объезжая камни и лавируя между провалами. Солнце поднималось, заливая плато золотистым светом, и теперь были видны все опасности. Провалы зияли чёрными ранами в каменной плоти земли.

— Левый борт! — крикнул Серёга.

Петрович крутанул руль, объезжая очередную воронку.

— Правый!

— Ещё левее!

Они петляли по плато, словно заяц, уходящий от погони, но со скоростью беременной черепахи — медленно, осторожно, неуклонно продвигаясь вперёд.

— Сколько ещё? — спросила Зарина.

— Километров пятьдесят, — сверился с картой Андрей. — А там спуск в долину и ваша пустыня.

Зарина кивнула, глядя в горизонт. Где-то там, под землёй, ждал её корабль. Её надежда. Её спасение.

Солнце поднималось всё выше, но легче не становилось. Провалы попадались всё чаще и всё глубже, маневрировать между ними делалось всё труднее.

— Твою мать, — выругался Петрович в сотый раз за утро. — Это не плато, это решето какое-то!

Перед ними разверзлась очередная пропасть, метров двадцать в ширину, не меньше. Дно терялось в темноте, даже брошенный камень летел долго, прежде чем стукнуться о невидимое дно.

— Объезжать? — спросил водитель.

— Не получится, — ответил Андрей, глядя вдаль. — Слева скала, справа ещё провалы. Либо напрямик, либо крюк в три часа.

Все посмотрели на Зарину. Та уже поднялась на броню, сжимая скипетр.

— Мост, — коротко сказала она. — Будет мост.

Она направила скипетр в сторону провала, и лёд послушно пополз от края до края, формируя широкую, надёжную переправу. Метр толщиной, с перилами по краям — Зарина постаралась на совесть.

— Красота, — восхитился Серёга. — Настоящий художник.

— Езжай быстрее, милый, — девушка обратилась к водителю. — Лёд долго не продержится, солнце его ест.

Бронетранспортёр осторожно въехал на мост. Лёд скрипел, но держал. Колёса скользили, однако переправа выдержала.

— Проскочили, — выдохнул Петрович, когда машина коснулась твёрдой земли.

Но радоваться было рано. Через километр их ждал новый провал. Потом ещё один. И ещё. Зарина создавала мост за мостом, чувствуя, как сила утекает с каждым разом. Искра внутри таяла, словно создаваемый ею лёд на солнце.

— Пятый за час, — с тревогой произнёс Андрей, глядя на неё. — Ты как?

— Держусь, — ответила Зарина, хотя голос дрожал. — Сколько осталось?

— Километра три. Там спуск в долину, провалов точно не будет.

— Доберёмся.

Она создала шестой мост. Седьмой. Восьмой. Руки дрожали, перед глазами плыло, но она держалась. Бойцы смотрели на неё с восхищением и тревогой, однако молчали, понимая, что словами не поможешь.

— Всё, — сказал наконец Андрей. — Дальше должно быть ровно. По карте здесь плато кончается, начинается спуск.

Зарина облегчённо выдохнула и сползла с брони внутрь машины. Села на скамью, прижимая к себе скипетр. Камень пульсировал едва заметно, силы оставалось совсем чуть-чуть.

— Передохни, — сказал Андрей. — Мы пока проедем немного, там остановимся на привал.

Петрович прибавил газу, и бронетранспортёр покатил быстрее. Местность и правда стала ровнее, провалы исчезли, остались только камни и редкая трава.

— Нормально, — довольно произнёс Петрович. — Сейчас проскочим этот участок и бу... Земля под ними дрогнула.

Сначала Зарина подумала, что показалось. Но дрожь усилилась, переросла в гул, и вдруг раздался страшный треск.

— Провал! — заорал водитель.

Бронетранспортёр накренился, проваливаясь в бездну. Зарину швырнуло на стену, скипетр вылетел из рук. Бойцы попадали друг на друга, закричали, заматерились.

Машина рухнула в темноту.

Глава 14 Пятнадцать километров под землёй

Время под землёй течёт иначе. Шаг. Ещё шаг. Тысяча шагов. Тьма смыкается за спиной, и кажется, что ты идёшь по кругу.

— *Из личных записей Зарины*

После короткого падения в бездну последовал чудовищный удар о воду. Бронетранспортёр рухнул в озеро на дне провала, и Зарину швырнуло вперёд с такой силой, что она едва не потеряла сознание. Ледяная вода хлынула внутрь через все щели, мгновенно заполняя пространство.

— Наружу! — заорал Андрей, хватая её за шиворот. — Все наружу!

Он рванул люк, который чудом не заклинило, и вытолкнул Зарину в чёрную воду. Она вынырнула, хватая ртом воздух, и замахала руками, пытаясь выбраться на поверхность. Вокруг были только волны, расходящиеся кругами от тонущей машины.

— Скипетр! — в панике закричала она. — Где скипетр?!

Руки нащупали древко — она так и не выпустила его, даже когда вода сомкнулась над головой. Камень светился тускло, это было видно даже сквозь толщу воды.

Зарина подняла скипетр над водой и судорожно начала замораживать её. Нужен лёд, на который можно выбраться.

Вода под скипетром начала замерзать. Вскоре лёд появился — сначала тонкой коркой, потом толще, шире. Зарина вскарабкалась на льдину и огляделась.

Где машина? Где бойцы?

Вокруг была только чёрная вода и стены провала, уходящие высоко вверх. Тонуший бронетранспортёр ушёл на дно, и теперь на поверхности не было ничего, кроме ряби.

— Андрей! — закричала Зарина. — Серёга! Колян!

В этот момент за край льдины уцепилась рука, затем вторая. Подтянувшись на руках, на импровизированную сушу выбрался Серёга. Для того чтобы создать хоть какое-то освещение, Зарина заставила льдину светиться мягким голубым светом.

Через несколько мгновений, пока Серёга пытался отдышаться, из темноты вынырнула голова. Андрей. Он отплёвывался, кашлял, но плыл к льдине, гребя одной рукой — второй, видно, держал кого-то.

— Помоги! — прохрипел он.

Зарина с Серёгой протянули руки, втащив на льдину сначала Андрея, потом того, кого он тащил. Лёха. Молодой близнец был без сознания, но дышал.

— Ещё! — выдохнул Андрей и снова нырнул. Серёга, набрав в лёгкие воздух, последовал за командиром.

Зарина смотрела на чёрную воду и кляла свою беспомощность. Только бы они спаслись!

Андрей вынырнул снова, таща за собой Петровича. Старый водитель был бледен, но в сознании, кашлял водой. За ними плыли Серёга и Колян.

— Ещё! — повторил Андрей, но голос его сорвался.

Он нырнул снова.

Пока Андрея не было, Зарина помогла подняться на льдину Петровичу. Следом за ним туда же вылезли Колян с Серёгой. Спустя минуту майор всплыл. Он был один. Андрей стал выбираться на лёд. Руки тряслись, пальцы не могли ухватиться за край льдины, зубы стучали. Ему спешно помогли.

— Все? — спросила Зарина, когда Андрей выбрался и рухнул на лёд, тяжело дыша.

Андрей молчал. Он активно двигался, чтобы согреться, и одновременно, произнося чуть слышно, пересчитывал бойцов по головам. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

— Нет, — сказал он тихо. — Не все.

Зарина пересчитала сама. Андрей, Лёха, Петрович, Серёга, Колян. Пятеро.

— Паша? — спросила она, уже зная ответ.

— Паша, — эхом отозвался Лёха, открывая глаза. — Где Паша?

— Не успел, — глухо сказал Андрей. — Я нырнул три раза. Его там не было. Наверное, заклинило в машине.

Лёха смотрел на него пустыми глазами, потом перевёл взгляд на чёрную воду. Взгляд его был мрачен.

Серёга сжал рукой плечо Лёхи.

Все молчали. Тишину нарушал только плеск воды о стены.

Зарина стояла на льдине, прижимая к себе скипетр, и смотрела на чёрную гладь озера, скрывшего их друга. Паша. Молодой, весёлый, с такой же улыбкой, как у брата. Она не знала, что сказать.

— Мы выберемся, — сказала она твёрдо. — Мы выберемся ради него. И ради всех, кто нас ждёт.

Андрей поднял голову, посмотрел на неё.

— Давайте подумаем, как будем выбираться. Надо осмотреться.

Они огляделись. В тусклом свете, проникающем сверху, стали видны очертания подземного озера. Из воды поднимались отвесные стены. Вдоль стен, метрах в тридцати от них, углублялась узкая полоска суши.

— Берег, — выдохнул Серёга. — Там берег!

— Гребите, — скомандовал Андрей. — Руками, чем угодно.

Зарина собралась было создать ледяную дорожку, но майор жестом остановил её:

— Силы ещё понадобятся!

Они принялись гребсти — кто руками, кто ногами, всё равно промокли насквозь. Льдина двигалась, пусть медленно, но неуклонно приближалась к берегу.

Когда нос льдины ткнулся в каменный берег, все сошли на твёрдую землю. Зарина была последней. Она пошатывалась и опустилась на камни.

— Переключка, — сказал Андрей, тяжело дыша. — Оружие, припасы. Что у кого есть?

Они принялись осматривать себя. Результат был удручающим.

— У меня автомат, — сказал Андрей, снимая с плеча оружие. — И три рожка в разгрузке.

— У меня тоже, — отозвался Лёха, проверяя свой. — Два рожка.

— Я свой утопил, — глухо сказал Серёга. — Когда машина пошла ко дну, не успел схватить. Только нож остался.

— У меня тоже нож, — сказал Колян. — И пистолет, но он намок, не факт, что стрельнет.

— Патроны к пистолету есть? — спросил Андрей.

— Одна обойма.

Петрович молча развёл руками — у него не было ничего, кроме зажигалки и чудом уцелевшей карты, которую он вытащил из нагрудного кармана.

— Карта? — Андрей оживился. — Дай сюда.

Петрович протянул мокрый, но целый лист. Майор развернул его на камнях, и все склонились над ним.

— Мы здесь, — ткнул он пальцем в точку. — Это озеро подземное, судя по всему, оно соединяется с системой пещер. А вот тут, — палец переместился, — в двадцати километрах есть старая военная база. Зброшенная, но на карте отмечена.

— Зброшенная, — горько усмехнулся Серёга. — Чего мы там не видели? Скорее всего, там мертвяки.

— Там могло сохраниться оружие, — ответил Андрей. — Боеприпасы. Еда. Связь. Может, даже транспорт.

— Двадцать километров, — задумчиво сказал Петрович. — По пещерам, без еды, почти без оружия, с зомби вокруг.

— У нас нет выбора, — жёстко ответил Андрей. — Здесь мы сдохнем. Там — есть шанс. Он посмотрела на Зарину.

— Зарина, сколько у тебя сил?

Та прислушалась к себе. Искра внутри едва теплилась, почти погасла.

— Хватит, — сказала она твёрдо. А потом тихо добавила: — На один-два удара. Если придётся туго.

Андрей кивнул.

— Значит, так. Идём вдоль берега, пока не найдём выход из этой пещеры. Потом по карте — к базе. Экономим патроны, стреляем только в крайнем случае. Ножи используем, если получится.

— А зомби? — спросил Лёха, всё ещё бледный после потери брата.

— Зомби, если одиночные, можно тихо снять. Если толпа, то будем отходить и искать другой путь. Одиночку хватаете вдвоём за руки и валите, третий отпиливает ножом голову.

Он поднялся, закинул автомат за плечо.

— Всё, пошли. Времени нет.

— Стоять! Никуда вы так не пойдёте!

Зарина стояла, уперев руки в боки и топнув ногой.

— У тебя зуб на зуб не попадает, — указала она пальцем на майора, — и парни не многим лучше! Мне холод не страшен, а вам нужно высушиться. Раздевайтесь и выжимайте одежду, я её досушу.

Бойцы стали спешно раздеваться. Зарина легко касалась рукой мокрых вещей, и вода моментально превращалась в лёд, а лёд тут же испарялся. На вопрос Андрея о резерве она махнула рукой — мол, это мелочи, сил почти не требует.

Потом Андрей с Коляном высушили и вычистили всё оружие, и только после этого группа двинулась в путь вдоль берега, цепочкой, держась ближе к стенам. Впереди шёл Андрей, у него в руках был светодиодный фонарик, за ним Лёха, потом Колян, Серёга, Петрович. Зарина замыкала, сжимая в руке скипетр, который светился бледным голубым светом.

Тьма вокруг была почти полной. Только слабый свет сверху позволял различать очертания. Где-то капала вода, шуршали камни, и каждый звук отдавался эхом.

Зарина шла и думала о Паше. О его брате, который теперь шёл молча, сжав зубы. О бойцах, которые потеряли всё, но не сдавались. О себе, которая оказалась в такой дрянной ситуации.

— Глупости! Я дойду, — прошептала она, отгоняя дурные мысли. — Мы все дойдём.

Так они шли много часов. Сколько именно — Зарина не взялась бы сказать. Время в подземельях текло иначе, растягиваясь и сжимаясь, как резиновое. Только усталость, нарастающая с каждым шагом, напоминала, что они в пути уже очень долго.

Пещеры сменяли одна другую. Одни были высокие, с уходящими во тьму сводами, другие низкие, где приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой о каменный потолок. Иногда они шли по широким коридорам, иногда протискивались в узкие щели, рискуя застрять.

Берег подземной реки, вдоль которого они двинулись вначале, давно кончился. Вода ушла куда-то вглубь, в очередной провал, куда никто не стал бы соваться. Перед тем как покинуть последний ручей, Андрей скомандовал привал.

— Пьём, — коротко сказал он. — Наполняем фляги. Дальше неизвестно, будет ли вода.

Вода была ледяная, но чистая. Все напились, потом наполнили фляги — на шестерых человек их оказалось три.

— Двинулись, — скомандовал Андрей, и они снова пошли в путь.

Ноги гудели. Берцы, просушенные магией, всё равно начали натирать мозоли. Зарина чувствовала, что силы на исходе — не только магические, но и обычные, человеческие. Есть хотелось нестерпимо, но никто не жаловался.

— Сколько мы прошли? — спросила Зарина, когда они остановились перед очередным узким лазом.

Андрей задумался, припоминая.

— Двенадцать тысяч шагов где-то. Плюс-минус — километров шесть.

— Всего шесть? — простонала девушка. — А кажется, что все двадцать.

— Кажется, — согласился Андрей. — Идём дальше.

Они лезли, карабкались, пробирались. Пещеры становились всё выше, потолки всё дальше, и в какой-то момент Зарина заметила, что стало светлее. Не намного, но ощутимо — тьма перестала быть абсолютной.

— Мы приближаемся к поверхности, — сказал Колян. — Воздух стал свежее.

Они прибавили шагу. Усталость отступала, уступая место надежде.

К вечеру — свет почти не пробивался с поверхности и приобрёл кровавый оттенок — Андрей остановился и поднял руку.

— Стоп. Дальше не идём.

— Почему? — удивилась Зарина. — Мы же почти вышли!

— Потому что выйдем в темноте, — ответил Андрей. — А там, наверху, ночь. И, возможно, зомби. Мы устали, голодны и почти без оружия. В темноте нас перебьют за минуту.

Он присел на камень, достал карту, подсветил зажигалкой, которую взял у Петровича.

— По моим подсчётам, мы прошли около пятнадцати километров. До базы осталось пять. Но до поверхности — рукой подать. Вы сами видите.

Он указал рукой на маячивший впереди выход из пещеры и спрятал карту.

— Ночевать будем здесь. Выходим на рассвете.

Никто не спорил. Все попадали на камни, кто где стоял. Зарина прислонилась спиной к стене пещеры, прижала к себе скипетр. Камень пульсировал едва заметно — накопить много энергии за день без медитации не получалось.

— Смены ставим? — спросил Колян.

— Ставим, — кивнул Андрей. — По два часа. Первыми я и Лёха. Потом Серёга с Петровичем. Потом ты с Зариной.

— Я не усну, — сказала Зарина.

— Уснёшь, — твёрдо ответил Андрей. — Ты сегодня столько сил потратила, что упадёшь — и глаза сами закроются. Надо отдыхать. Завтра может быть хуже.

Зарина хотела возразить, но вдруг поняла, что он прав. Глаза слипались сами собой, тело требовало отдыха.

— Хорошо, — прошептала она. — Только, мальчики, если что — будите сразу!

— Разбудим, — пообещал Андрей.

Зарина закрыла глаза и провалилась в сон — тяжёлый, без сновидений, похожий на временную смерть. Только где-то на грани сознания пульсировал скипетр, напоминая, что она ещё жива.

Когда на поверхности небо стало по-предрассветному серым, Колян осторожно разбудил девушку. Зарина открыла глаза и поняла, что спала как убитая — ни одного сновидения, ни одного проблеска сознания. Только чернота и отдых. Она до самого рассвета сидела, держа скипетр на коленях, всматриваясь в трещину, сквозь которую в пещеру просачивался свет. Дежурство было тихим и спокойным.

С первыми лучами солнца, пробившимися сквозь расщелину в камнях, проснулся Андрей. Он немедленно разбудил группу. Бойцы поднялись, разминая затёкшие тела.

Воды оставалось мало — по глотку на брата. Еды не было совсем. Желудки сводило голодной судорогой, но никто не жаловался.

— Ну что, на выход? — спросил Серёга.

— Туда, — кивая, жестом показал Андрей. — Я ещё ночью присмотрел. Щель в стене, за ней свет.

Они двинулись к указанному месту. Щель оказалась шире, чем казалось издали, — можно было пройти даже не пригибаясь. За ней начинался пологий подъём, уходящий вверх.

— Осторожно, — предупредил Андрей. — Тихо. Неизвестно, что там.

Он пошёл первым, держа автомат наготове. За ним осторожно двигался Лёха, потом Колян, Серёга, Петрович, и Зарина вновь замыкала, сжимая скипетр.

Подъём занял минут десять. С каждым шагом становилось светлее, воздух — свежее. Пахло травой, камнями и свободой.

Стоило выйти на улицу, солнце ударило в глаза, заставив зажмуриться. Зарина прикрылась рукой, привыкая к свету. Когда зрение вернулось, она увидела небо — чистое, голубое, с редкими облаками, солнце, стоящее ещё невысоко над горизонтом. Увидела каменистое плато, уходящее вдаль.

— Свобода, — выдохнул Серёга, расправив руки в стороны.

— Рано радоваться, — осадил его Андрей, но в голосе тоже слышалось облегчение. — До базы ещё пять километров. И кто знает, что там.

Они двинулись по плато. Камни хрустели под ногами, солнце пригревало всё сильнее. Зарина чувствовала, как становится теплее и комфортнее.

Пять километров показались девушке вечностью. Ноги с непривычки гудели после дневного перехода, в голове шумело от голода. И вот они вышли к обрыву.

Андрей поднял руку, останавливая группу. Все замерли, вглядываясь вниз.

В долине, раскинувшейся под ними, виднелись строения. Ангары, казармы, склады — всё, что осталось от военной базы. Ржавое, полуразрушенное, но узнаваемое.

И среди этих развалин копошились тени.

Зомби. Десятки. Может, сотня. Они бродили между строениями, заходили в ангары, выходили, сталкивались друг с другом и расходились. Бесцельное, бесконечное движение смерти.

— Твою мать, — выдохнул Серёга. — Их там до хрена.

— Тише, — цыкнул Андрей. — Не ори.

Он достал карту, сверился.

— База наша. По документам, здесь должны быть склады с оружием. И, может быть, связь. Но чтобы туда попасть, нужно пройти через этих тварей.

— Или переждать, — предложил Петрович. — Может, они уйдут?

— Не уйдут, — ответил Андрей. — Погляди, как они двигаются. Это их территория. Они здесь, похоже, давно.

Зарина смотрела на зомби, копошащихся внизу, и прикидывала свои силы. Скипетр пульсировал слабо — искра внутри едва теплилась. На один хороший удар, не больше.

— Знаете, я могу попробовать, — сказала она тихо. — Заморозить часть, пока вы будете пробиваться к складам.

— А ты? — спросил Андрей. — Если силы кончатся, ты упадёшь. А там зомби.

— Я справлюсь, — твёрдо сказала Зарина. — Надо рисковать.

Андрей смотрел на неё долго, изучающе.

— Нет, мы сделаем по-другому.

Андрей подозвал всех к себе. Они сидели за большим валуном на краю обрыва, скрывающим их от зомби в долине. Командир разложил на камне карту, посвящая в план, который уже созрел у него в голове.

— Слушайте сюда, — начал он тихо. — Нас мало, патронов ещё меньше. Будем работать по уму.

Он обвёл взглядом каждого. Зарина, Серёга, Колян, Лёха, Петрович — все смотрели на него, ожидая приказов.

— Первое. Проверяем оружие. У кого что есть — пересчитать патроны, проверить затворы, чтобы не заклинило в самый ответственный момент.

Бойцы зашевелились, доставая автоматы, пистолеты, ножи. Андрей подождал, давая им время.

— Второе. Спускаемся вон к тому холму, — он показал рукой на небольшое возвышение метрах в трёхстах от базы. — Оттуда хороший обзор. Значит, так: Колян, Лёха и Петрович остаётесь на холме. У вас автоматы и пистолеты. Начинаете снимать зомби одиночными выстрелами. Один выстрел — один зомби. Патронов мало, стрелять очередями нельзя. Только в голову, только наверняка.

— Понял, — коротко ответил Колян. Лёха утвердительно кивнул головой.

— Когда подойдут ближе, — продолжал Андрей, — переходите на пистолеты. Экономьте основные патроны. Если толпа пойдёт — отходите к скалам, там узкий проход, больше двух не пройдут.

Он повернулся к Серёге и Зарине.

— Мы с Серёгой идём в обход. Вон там, — он показал на восточную сторону долины, где тянулась гряда камней, — можно незаметно подобраться к складам с оружием. Если повезёт, вооружимся, зайдём с тыла и ударим по зомби с другой стороны.

— А если не повезёт? — спросил Серёга.

— Если не повезёт — надежда на то, что зомби быстро кончатся. Но лучше, чтобы повезло.

Андрей перевёл взгляд на Зарину.

— Зарина, ты остаёшься с группой на холме. Твоя задача — беречь силы. Включаешься только если зомби подойдут вплотную и начнут реально доставать. Никакой стрельбы льдом на расстояние, никаких героических подвигов. Силы нужны на крайний случай. Если мы не найдём оружие на складе, ты — наш последний козырь. Поняла?

Зарина кивнула. Внутри всё кипело — хотелось помочь, заморозить их всех сразу, покончить с этим. Но она понимала: Андрей прав. Искра едва теплилась. Один сильный удар — и она упадёт без сознания. А без неё они не дойдут до корабля.

— Поняла, — ответила она. — Только в крайнем случае.

— Хорошо. — Андрей поднялся, поправил автомат. — Время пошло. Как только спустимся к холму, начинаем. Сигнал отхода — три коротких свистка. Если услышите — уходите к скалам, не ждите нас. Начнёте, когда увидите нас вон там.

Он протянул руку, сжатую в кулак, и каждый ударил по нему своей.

— Ни пуха.

— К чёрту.

Они разделились. Андрей и Серёга скользнули в тень скал, исчезая среди камней. Зарина с остальными начала спуск к холму.

Солнце поднималось всё выше, заливая долину золотистым светом. Зомби внизу копошились, вызывая ужас и омерзение.

Глава 15 Бой за базу. Цена припасов

«В/ч 1348 ("База у Пустоши"). Статус: брошена. Координаты: граница пустынного сектора. Потенциальные ресурсы: оружейные склады, запасы ГСМ, электромобили. Уровень угрозы: КРИТИЧЕСКИЙ. Примечание: зафиксирована высокая концентрация заражённых. Рекомендация: обходить стороной. Цена припасов здесь — ваша жизнь».

— «Путеводитель по мёртвым землям: пособие для выживших», издание 3-е, исправленное и дополненное

Холм оказался удобной позицией: невысокий, пологий, с хорошим обзором на долину и подступы к базе. Зарина с бойцами залегла за камнями на вершине, стараясь не высовываться без необходимости.

Колян сразу же устроился как опытный снайпер. Лёха и Петрович устроились рядом, проверяя оружие. Зарина сидела чуть поодаль, прижимая к себе скипетр, и смотрела на замершую внизу долину.

— Долго ещё? — прошептал Лёха, не сводя глаз с базы.

— Сколько надо, — ответил Колян, не оборачиваясь.

Спустя двадцать минут бойцы увидели майора.

— Есть, — выдохнул Колян и вскинул автомат.

Первый выстрел расколол тишину. Внизу, у крайнего ангара, один из зомби дёрнулся и рухнул как подкошенный. Второй выстрел, затем третий.

Зомби зашевелились. Они поворачивали головы, прислушивались, нюхали воздух. Потом, словно по команде, вся масса двинулась к холму.

— Пошла пьяная в гости, — прокомментировал Петрович, вскидывая автомат.

Они стреляли одиночными, целясь в головы. Колян работал как машина: выстрел, пауза, выстрел. Лёха и Петрович поддерживали, снимая ближайших. Зомби падали, но на место упавших вставали новые, и их было слишком много.

— Десятка четыре сняли, — сообщил Лёха, перезаряжаясь. — А прёт их, кажется, целая сотня.

— Не считай, стреляй, — оборвал Колян.

— Я к тому, что мы просчитались. Их там штук двести, не меньше, — тяжело выдохнул Лёха.

Зомби подбирались всё ближе. Вот они уже у подножия холма, вот начинают карабкаться вверх. Выстрелы стали чаще, но результата это приносило мало: попасть в голову движущейся цели с первого раза мог не каждый, а ранения в корпус зомби почти не замечали.

— Патроны кончаются! — крикнул Петрович, передёргивая затвор.

Спустя минуту автоматы опустели.

— Переходим на пистолеты! — скомандовал Колян.

Бойцы один за другим отбросили бесполезное оружие и выхватили пистолеты. Стрельба стала реже, но точнее — ведь в упор промахнуться сложнее. Первые зомби, добравшиеся до вершины, падали замертво. Однако их было слишком много, и они стали прорываться. Так один успел вцепиться зубами в руку водителю, когда волшебница заморозила его голову.

— Лёха, прикрой! — крикнул Колян, меняя обойму.

Лёха шагнул вперёд и принялся стрелять почти в упор. Два выстрела — зомби не падает. Ещё два, ещё один. Только после этого мертвяк рухнул, но следующие лезли за ним по телам убитых.

— Отходим! — заорал он. — Зарина, Петрович, назад! В расщелину!

Зарина схватила Петровича за руку и потянула к узкому проходу между скал, замеченному ещё при подъёме. Старый водитель, хоть и раненый, ковылял за ней, отмахиваясь ножом от самых ретивых тварей.

Лёха и Колян прикрывали отход, стреляя из последних сил. Когда обоймы опустели, они выхватили ножи и начали отступать, рубя тянущиеся к ним руки.

— Быстрее! — орал Лёха.

Зарина втащила Петровича в расщелину и развернулась. Лёха с Коляном пятились к ним, отбиваясь от наседающих зомби. Лезвия ножей мелькали в воздухе, во все стороны летела чёрная кровь.

— Заходите! — крикнула Зарина.

Они влетели в расщелину, и в тот же миг проход заполнили зомби. Узкий, меньше метра шириной, он не пропускал больше двух тварей одновременно, но мертвецы всё лезли и лезли, мешая друг другу, не чувствуя ни страха, ни боли.

Лёха и Колян встали плечом к плечу, выставив ножи.

— Зарина, назад, — тяжело дыша, сказал Лёха. — Мы их задержим.

— С ума сошли? — крикнула она. — Их там десятки!

— А патронов нет, — ответил Колян, рубанув очередного зомби. — И сил тоже. Но мы попробуем.

Девушка просунула посох между парнями и, зажмурившись, послала мощный заряд холода прямо в надвигающихся тварей.

Ледяная преграда встала в расщелине, намертво перекрыв проход. Передние зомби так и остались стоять, замороженные в стену. Волшебница опустила на камни, тяжело дыша и чувствуя, как искра внутри едва теплится. Лёха с Коляном, мокрые от пота и чёрной крови, привалились к стенам, переводя дух. Петрович сидел чуть поодаль, зажимая раненую руку.

— Надолго ли? — спросил Лёха, кивая на лёд.

— Не знаю, — честно ответила Зарина. — Силы почти кончились, толстая стена не вышла.

— Значит, отдыхаем, — подвёл итог Колян. — А потом снова.

Они сидели в тишине, прислушиваясь. С той стороны льда доносились удары, шарканье и вой. Зомби не уходили, они ждали.

Минуты тянулись бесконечно. Лёха и Колян перевязывали друг другу раны, Петрович молчал, глядя в одну точку. Зарина сжимала скипетр и молилась, чтобы лёд продержался подольше.

Но он не продержался.

Через двадцать минут по льду пошли трещины. Сначала тонкие, едва заметные, потом всё глубже и глубже. И вдруг кусок льда обвалился, открывая проход.

— Приготовились! — крикнул Колян, вставая с ножом.

Зомби полезли, медленно, по одному: проход расширился не сразу. Первого Лёха встретил ударом ножа в горло, повалил на землю, и Колян, подскочив, в несколько движений отделил голову от туловища.

Второго принял на себя Петрович. Старый водитель, несмотря на рану, работал ножом словно заправский мясник. Зарина помогла, на секунду заморозив голову твари, отчего та лишилась возможности двигаться.

— Держим строй! — орал Лёха.

Они работали как единый механизм. Лёха хватал, валил, прижимал. Колян рубил головы. Петрович подхватывал, если мертвецы лезли вдвоём. Зарина замораживала тех, кому удавалось прорваться. Так они бились минут двадцать-тридцать, хотя девушке казалось, будто прошла целая вечность. Её искра становилась всё тусклее, но она раз за разом поддерживала бойцов, которые обезглавливали зомби одного за другим.

Первым начал сдавать Лёха. Руки дрожали, дыхание сбилось, движения стали медленнее. Колян подбадривал его отборным матом, но сам еле стоял на ногах. Петрович побледнел так, что сам стал похож на мертвеца, однако продолжал работать. Они отступали всё быстрее, и Зарине приходилось всё чаще использовать магию. В глазах у неё темнело.

А потом ледяная преграда рухнула окончательно.

Зомби хлынули потоком, уже не по одному, а десятками, затапливая расщелину серой массой гнилой плоти.

— Назад! — заорал Лёха.

Петрович схватил Зарину, которая пыталась поднять скипетр для нового заклинания, и рванул к выходу из расщелины.

— Беги! — крикнул он. — Я прикрою!

Бежать было некуда: выход был завален камнями, которые образовали пусть пологую, но высокую стену. Уперевшись в неё, Зарина почувствовала, как её охватывает отчаяние. Она обернулась и увидела, что Колян с Лёхой пятаются от полчища живых мертвецов, заполнивших расщелину сплошным потоком. Девушка закрыла глаза.

«Это конец», — прошептала она.

А потом случилось то, чего никто не ожидал.

Прогремела пулемётная очередь. Длинная, злая, ревушая. Она врезалась в толпу зомби сзади, кося их пачками.

— Ложись! — заорал Колян, и все рухнули на землю.

Зарина замешкалась, но Петрович утянул её вниз, приобняв за плечи. Пулемёт строчил не переставая. Пули свистели над головами, выбивая камни из стен, срезая зомби одного за другим. Бойцы отбивались от нападающих тварей кто чем мог, лёжа на земле.

Лёха закричал: несколько зомби вцепились в его руку и потащили в толпу. Колян рванул к нему, пытаясь отбить, размахивая ножом, но тварей было слишком много. Лёху унесли в гору тел, и Колян, пробившись к нему, исчез там же, в месиве плоти и крови.

— Нет! — закричала Зарина, пытаясь подняться.

Петрович навалился на неё всем телом, прижимая к земле.

— Лежи! — прохрипел он. — Не высывайся!

А потом его самого резко рвануло в сторону. Зарина перевернулась и увидела, как огромный зомби вцепился старому вояке в горло. Кровь хлестала фонтаном, Петрович хрипел, пытался отбиться, но силы оставили его.

— Нет! — закричала Зарина.

Она направила скипетр — последнее, что осталось, последнюю искру. Лёд ударил точно в голову твари, замёрзшая голова отвалилась и покатилась по камням. Но Петрович уже не двигался. Глаза его смотрели в небо, и в них застыло что-то похожее на покой.

— Петрович... — прошептала Зарина.

А потом стало тихо.

Пулемёт замолчал. Выстрелы стихли. Только редкие хрипы доносились из груды тел, заваливших расщелину.

В проходе, на горе трупов, показались фигуры. Андрей и Серёга. Окровавленные, грязные, но живые. Они шли, добывая из автоматов шевелящихся мертвяков, перелезая через груды тел.

— Зарина! — крикнул Андрей, заметив её.

Она сидела на коленях, прижимая к себе тело Петровича, и смотрела пустыми глазами. Скипетр валялся рядом, погасший, мёртвый.

— Где остальные? — спросил Серёга, оглядываясь.

— Там! — крикнула она, показывая рукой. — Он там! Живой!

Андрей и Серёга рванули к куче. Они отбрасывали зомби одного за другим, хватая за руки, за ноги, за одежду. Мёртвые тела летели в стороны, чёрная кровь брызгала на лица, но мужчины не останавливались.

— Колян! Лёха! Держитесь! — орал Серёга, разгребая трупы.

Зарина подбежала к ним, подключилась. Руки скользили по гнилой плоти, пальцы сводило от холода и отвращения, но она тоже тащила из последних сил, отбрасывала, разгребала.

— Вижу! — закричал Андрей.

Он ухватил Коляна за ворот разгрузки и рванул на себя. Ему на помощь бросился Серёга. Вдвоём они вытащили снайпера, и тот рухнул на камни, зажимая рукой горло.

— Живой, гад! — выдохнул Серёга, падая рядом. — Живой!

Колян выглядел страшно: весь в чёрной крови, разгрузка порвана, на лице глубокий порез, из шеи хлестала кровь, которую он тщетно пытался зажать пальцами. Но глаза его были открыты и смотрели осмысленно.

— Лёха... — прохрипел он. — Там Лёха...

Все посмотрели на груды трупов. Лёха был где-то там, под этой горой.

Андрей шагнул было к куче, но Зарина остановила его рукой.

— Не надо, — тихо сказала она. — Там уже неживое.

Андрей замер, потом выдохнул и кивнул. Он вернулся к Коляну, помог ему сесть, разорвал свою рубаху и начал перевязывать рану на шее.

— Держись, брат, — бормотал он. — Держись, мы тебя вылечим.

Колян смотрел на него и молчал. Зарина отвернулась.

Серёга оглядывал расщелину, пересчитывая тела. Петрович лежал чуть поодаль, с разорванным горлом. Лёха остался под грудой зомби, откуда они только что вытащили Коляна. Паша утонул в озере. Из семерых, вышедших из бункера, осталось четверо. Может стать трое, если Колян не выживет.

— Надо идти, — сказал Андрей, затягивая повязку. — Здесь оставаться нельзя. Они чуют кровь.

— Куда? — спросил Серёга. — База вон она, рядом. Но там зомби.

— Нет, — ответил Андрей. — Все зомби собрались здесь. На базе чисто.

Он поднялся и помог встать Коляну, который покачнулся, но устоял на ногах.

— Зарина, — позвал Андрей. — Идём.

Зарина подошла к телу Петровича, наклонилась и закрыла ему глаза. Потом выпрямилась, сжала в руке скипетр. В нём не осталось ни капли сил.

— Иду.

Они вчетвером двинулись к выходу из расщелины. Израненные, обессиленные, но живые. Впереди маячили ржавые ангары военной базы.

— Колян, держись, — сказал Серёга, подставляя плечо снайперу.

Колян ничего не ответил, только сильнее сжал руку на перевязанном горле и шагнул вперёд.

Гора трупов тянулась от самого входа в расщелину до подножия холма. Сотни тел громоздились друг на друге, образуя настоящий вал из мёртвой плоти. Чёрная кровь залила камни, в воздухе стоял тошнотворный запах смерти.

— Нормально мы тут накопили! — выдохнул Серёга, оглядывая поле боя.

Андрей молчал, только смотрел на вершину холма, где что-то блестело на солнце.

— Там, — обратился он к Зарине, показывая рукой.

Они стали карабкаться через гору трупов. Ноги скользили по гнилой плоти, руки хватались за почерневшие конечности, запах делался всё невыносимее. Колян, бледный как смерть, шёл, опираясь на Андрея и Зарину, но держался.

На вершине холма их ждало зрелище.

На самом высоком месте стоял пикап. Старый, ржавый, но на удивление целый. В кузове его был установлен армейский пулемёт — крупнокалиберный, с длинным стволом и сошками. Вокруг, на камнях, валялись тысячи гильз, сверкающих на солнце.

— Это вы? — спросила Зарина, обводя рукой поле боя.

— Мы, — кивнул Серёга. — Добрались до складов, нашли пулемёт, ленты и этот пикап. Электрический, представляете? Старая военная разработка на аккумуляторах. Тихо, быстро, запаха нет.

— Дотащить пулемёт и два ящика с лентами сюда мы бы вдвоём не смогли, — добавил Андрей. — А на пикапе запросто. Заехали на холм, развернулись и дали вам поддержку.

Зарина представила эту картину: Андрей и Серёга на холме, пулемёт строчит, кося зомби пачками, а они там, внизу, отбиваются ножами и руками.

— Вовремя вы, — тихо сказала она. — Ещё немного, и нас бы не было.

Андрей только кивнул, не находя слов.

— Давайте Коляна в кабину, — скомандовал он. — Серёга, Зарина, в кузов. Едем на базу.

Они усадили снайпера на пассажирское сиденье. Тот даже не стонал, только смотрел перед собой остановившимся взглядом и прижимал руку к перевязанному горлу.

Андрей сел за руль, включил зажигание.

Зарина и Серёга забрались в кузов и устроились рядом с пулемётом. Под ними лежали пустые ящики из-под лент, валялись гильзы, пахло порохом.

— Поехали, — сказал Андрей.

Пикап тронулся и покатил вниз, объезжая груды трупов. Ветер ударил в лицо, развевая волосы Зарины. Она смотрела на приближающуюся базу и думала о тех, кто не доехал, а ещё о том, что её снова спасли. Ценой собственной жизни её спас Петрович, прикрыв от тварей. А Андрей с Серёгой без единого выстрела сумели снарядить пикап с пулемётом и пришли на помощь, когда она уже была уверена, что всё кончено.

Пикап остановился у большого ржавого ангара, когда-то выкрашенного в защитный зелёный цвет. Теперь краска облупилась, ворота наполовину сорваны, но внутри угадывалось что-то похожее на склад.

Как только машина остановилась, на них обрушилась тишина, гулкая и плотная. Только ветер посвистывал в дырявых стенах, да где-то капала вода.

— Приехали, — сказал майор, вылезая из кабины. — Колян, выходи. Тут будет твоя временная берлога.

Серёга и Зарина спрыгнули с кузова, помогли снайперу выбраться. Тот двигался медленно, осторожно прижимая руку к горлу. Повязка пропиталась кровью, но кровотечение вроде бы остановилось.

Внутри ангара было сумрачно, но глаза быстро привыкли. Вдоль стен тянулись стеллажи с ящиками, в углу стояла старая железная койка с продавленным матрасом. Рядом имелась тумбочка, на которой валялись какие-то склянки.

— Вот, — Андрей показал на койку. — Садись. Сейчас обрабатываем.

Колян опустился на матрас, заскрипевший пружинами. Андрей подошёл к тумбочке, порылся в склянках. Нашёл бинты, пожелтевшие от времени, но сухие. Нашёл флягу с жидкостью: спирт, судя по запаху.

— Терпи, — сказал он и плеснул спиртом на рану.

Колян даже не вздрогнул, только зубы сжал. Зарина стояла рядом, сжимая в руках скипетр, и смотрела, как Андрей ловко бинтует шею товарища.

— Я бы могла... — начала она.

— Знаю, — перебил Андрей, не оборачиваясь. — Если бы у тебя были силы. Но их нет. Так что делаем по-человечески.

Он закончил бинтовать, осмотрел работу и удовлетворённо хмыкнул.

— Всё, Колян, отдыхай. Автомат возьми, положи рядом. Ворота отсюда видишь? — Колян кивнул. — Отлично. Если кто сунется кроме нас, стреляй. Внутри вроде чисто, но бережёного бог бережёт.

Колян взял автомат, положил на колени, прислонился спиной к стене. Было видно, что он слаб от потери крови, но постепенно приходил в себя.

— А вы куда? — спросил он хрипло.

— Базу обойдём, — ответил Андрей. — Посмотрим, что тут есть. Нужны оружие, патроны, еда, вода и медикаменты. Кто знает, сколько ещё идти.

Зарина дёрнулась, хотела что-то сказать, но Андрей опередил.

— Я знаю, риск напороться на зомби есть, — произнёс он. — Но на пикапе далеко не уедем. Аккумуляторы сядут через пять километров, а заряжать их негде. Значит, придётся идти пешком. А пешком без еды и воды мы не дойдём.

Он подошёл к Зарине и посмотрел ей в глаза.

— Понимаешь? Не дойдём. Сдохнем в пустыне от жажды или голода. И тогда всё, что мы сделали, все, кто погиб, — всё будет зря.

Зарина молчала, сжимая скипетр. Её бесила собственная беспомощность. Цель была близка, но недавняя схватка с зомби ещё не отпускала. Ужас надвигающейся смерти гнал её вперёд, к безопасности, но он же заставлял разум довериться майору. Она прекрасно понимала, что Андрей прав.

— Хорошо, — сказала она. — Я с вами. Я тоже могу искать. И если найдутся зомби, хоть как-то смогу их задержать.

— Идёт, — ответил Андрей. — Но сначала всем нужно подкрепиться. Мы не ели больше суток. Здесь, — он указал на мешок, брошенный на пол, — то, что мы похватали, пока грузили пулемёт на пикап.

Никто не стал отказываться. В мешке оказались запечатанные пайки и несколько пластиковых бутылок с водой.

Зарина сидела рядом с бойцами, жевала древний сухпаёк, запивая водой из бутылки, и настроение потихоньку поднималось. Страх отходил на задний план, а надежда на успешный исход возвращалась.

Перекусив, они вышли из ангара и первым делом направились к воротам базы. Тяжёлые, металлические, покрытые ржавчиной, но на удивление целые, только скрипели несмазанные петли.

— Помогай, — скомандовал Андрей Серёге.

Вдвоём они навалились на створки, и ворота с протяжным скрипом поползли, закрывая проём. Лязгнул засов, отрезая базу от внешнего мира.

— Теперь одиночки нам не страшны, — удовлетворённо сказал Андрей, оглядывая закрытый периметр. Забор вокруг базы был высоким, бетонным, кое-где поросшим мхом, но без единой дыры. — Только если толпой с личом во главе пожалуют.

— Считаешь, появятся? — спросил Серёга.

— Посмотрим. Пошумели мы знатно. Но надеюсь, новые, даже если сбегутся на звук пулемётной трели, останутся там, за стеной.

Они двинулись по территории. База оказалась довольно большой: несколько ангаров, склады, мастерские, а в центре стояло пятиэтажное кирпичное здание, когда-то, видимо, бывшее штабом или казармой. Окна его заколотили досками, но кое-где доски оказались выбиты, и в чёрных провалах клубилась тьма.

— Начнём с чего попроще, — решил Андрей. — Склады.

Первый склад встретил их полумраком и запахом старого металла. Вдоль стен тянулись стеллажи с ящиками. Андрей вскрыл первый попавшийся: патроны, автоматные, россыпью.

— Это хорошо, — сказал он, ссыпая несколько обойм в рюкзак. — Это очень хорошо.

Дальше нашлись гранаты, сухие пайки (старые, но съедобные, в герметичной упаковке), несколько ящиков с водой в бутылках. Андрей довольно кивал, заполняя рюкзак.

— Еда есть, вода есть, патроны есть. Уже неплохо.

Во втором складе обнаружили запчасти и инструменты. Главное — там стояли ещё несколько электромобилей, похожих на тот пикап, на котором они приехали. Андрей проверил батареи: почти пустые, на пару километров хода.

— Бесполезно, — констатировал он. — Без зарядки это груда металла.

Третий склад оказался пуст: только ржавые бочки да обрывки колючей проволоки.

Они вышли на улицу и остановились перед пятиэтажным зданием.

— Там самое интересное, — сказал Андрей. — Штаб, казармы, может быть, медпункт. Если где и есть медикаменты, то там.

— И зомби, — добавил Серёга, вглядываясь в тёмные провалы окон.

— И зомби, — согласился Андрей. — Но идти надо, выбора нет. Периметр требуется очистить.

Зарина смотрела на здание и чувствовала, как внутри поднимается тревога. Скипетр в руке пульсировал слабо, сил в нём не осталось совсем. И несмотря на это, она вдруг сказала:

— Я пойду первой. Если что, заморожу.

— Нет, — твёрдо ответил Андрей. — Пойдёшь в центре. Мы с Серёгой прикрываем. Если наткнёмся на толпу, работаешь ты, но только в крайнем случае. Бережешь силы.

Зарина была благодарна Андрею. Он прав. И что её только дёрнуло на героизм? Раньше она бы ни за что такого не предложила.

Они подошли к тяжёлой двери главного входа. Андрей толкнул: заперто. Тогда обошли здание и нашли разбитое окно на первом этаже. Доски, закрывавшие его, оказались выломаны снаружи.

— Понятно, что здание брали штурмом, — тихо сказал Серёга. — И понятно кто... или что.

— Другого и не ждали, — ответил Андрей, перелезая через подоконник. — Идём.

— Скажи, — спросила Зарина тихо, пока они пробирались внутрь, — почему отсюда всё не вывезли? База выглядит брошенной, но оружие, патроны, машины — всё на месте. Неужели не могли пригодиться?

Андрей усмехнулся, но как-то невесело.

— Могли, — ответил он. — Если бы было кому вывозить.

Он достал карту, развернул и показал точку, где они находились.

— Смотри. Эта база на границе пустыни. Дальше на сотни километров ничего. Ни городов, ни посёлков, ни стратегических объектов. Просто камни и песок.

Он обвёл рукой окрестности.

— А ближайший город вот здесь. — Палец ткнул в другую точку. — Километров пятьдесят. И это был один из первых городов, который накрыло зомби-апокалипсисом.

— Когда всё началось, — продолжал Андрей, — отсюда эвакуировали всех. Срочно, в течение суток. Люди бросали всё и бежали вглубь страны. Тогда не думали, что понадобятся опорные пункты вроде этого. И что будет такой дефицит боеприпасов и техники, тоже не думали.

— А потом, — добавил Серёга, — когда стало понятно, что эпидемия не локальная, а всемирная, сюда уже никто не возвращался. Анклавы далеко, ресурсов мало, связи нет, а до ближайшего убежища сотни километров по территории, кишасей зомби. Так и стоит база ненужная.

Зарина смотрела на здание, на заколоченные окна, на ржавые ангары и думала о тех, кто здесь служил. О людях, которые в спешке бросали оружие, патроны, машины — всё, что могло бы спасти их потом, но тогда они думали только о том, как выжить.

— И никто не вернулся? — спросила она.

— Мы первые за много лет, — ответил Андрей. — Судя по всему.

— Ирония судьбы, — тихо сказала она.

— Судьба тут ни при чём, — отрезал Андрей. — Просто совпадение, просто мир сошёл с ума. Ладно, хватит философии. Надо внутрь.

Он поправил автомат, кивнул Серёге. Тот достал фонарик, осветил в тёмный проём разбитого окна.

— За мной, — скомандовал Андрей и полез внутрь.

Зарина, забираясь следом, размышляла о том, насколько невероятно цепочка событий, приведших её сюда. Обитаемая база на вилле, которая находилась даже ближе к городу с зомби, чем эта; то, что они смогли пройти этот путь; то, что её раз за разом вырывают из лап смерти. И теперь эта база, ставшая спасательным кругом на их пути. Она не просто так вспомнила про судьбу — в отличие от людей, она прекрасно знала, что судьбы не статичны и линии судеб можно направлять при должном умении, а ещё, обладая способностью видеть будущее, конечно.

Зарина сморщилась и выкинула из головы ненужные мысли — многие знания — многие печали, а она никогда не была особенно заикленной на научной стороне вопроса. Она предпочитала доверять интуиции и своей магии. Единственное, что заставило её пускаться в подобные размышления, — пустой резерв в груди. Сейчас нужно было сосредоточиться на опасностях, которые таились в темноте, что девушка и сделала.

Тьма внутри здания была плотной, почти осязаемой. Андрей включил фонарик, прикрепленный к автомату, и узкий луч вырвал из мрака кусок коридора с ободранными стенами, осыпавшейся штукатуркой и мусором на полу.

— Держитесь ближе, — шепнул он. — Серёга, свети назад. Зарина, между нами.

Они двинулись по коридору первого этажа. Воняло сыростью, плесенью и ещё чем-то сладковатым, тошнотворным — запахом смерти, который Зарина ни с чем бы не спутала.

За первой дверью оказалась бывшая канцелярия: столы, стулья, перевёрнутые шкафы. На полу лежала гора бумаг, истлевших от времени. Ничего полезного.

За второй — столовая. Длинные ряды столов, на некоторых стояли тарелки с остатками еды, высохшими в пыль. Зарина представила, как люди сидели здесь, смеялись, обсуждали свои дела, не зная, что через несколько часов это место станет могильником.

— Двигаем, — скомандовал Андрей.

Они вышли на лестничную клетку. Вверх уходили ступеньки, покрытые слоем пыли. И на этой пыли — следы. Множество следов.

— Не только мы тут ходили, — тихо сказал Серёга, направляя луч фонарика на отпечатки.

— Они где-то здесь, — кивнул Андрей.

Второй этаж встретил их таким же коридором, но запах смерти здесь оказался сильнее. Двери в комнаты были распахнуты, некоторые сорваны с петель. Везде угадывались следы борьбы: давно почерневшие пятна, следы пуль на стенах, пустые гильзы на полу.

— Здесь был бой, — констатировал Андрей. — Люди отбивались до последнего.

В одной из комнат они нашли тела. Два скелета в истлевшей форме, с автоматами в руках. Кости разбросаны: видимо, их тревожили уже после смерти.

Зарина смотрела на останки и чувствовала странную пустоту. Когда-то это были люди, солдаты, защитники. Теперь — просто кости, которые никто не похоронил.

— Идём дальше, — поторопил Андрей. — Нам нужны медикаменты.

Третий этаж. Казармы. Ряды двухъярусных кроватей, тумбочки, на которых местами сохранились личные вещи: фотографии, письма, дешёвые безделушки. Зарина взяла одну

фотографию — женщина с ребёнком, улыбается в объектив. На обороте надпись: «Жду дома, родной» и подпись.

Она сунула фото в карман. Глупо, но захотелось сохранить память о ком-то, кто, наверное, уже никогда не вернулся домой.

И тут они появились.

Зомби вылезли отовсюду: из-за кроватей, из шкафов, из тёмных углов. С десяток, не меньше. Гнилые, страшные, с пустыми глазами и разинутыми ртами.

— Работаем! — крикнул Андрей.

Короткая очередь, которую дал майор, срезала двоих. Серёга добавил ещё двоих. Остальные полезли, размахивая руками, пытаясь добраться до живых.

Зарина отступила назад, сжимая скипетр, готовая ударить, если потребуется. Но бойцы справлялись сами.

Андрей бил короткими очередями, целясь в головы. Серёга прикрывал фланги, не давая зомби окружить себя. Через минуту всё было кончено: десять тел валялись на полу, истекая чёрной жижей.

— Чисто, — выдохнул Серёга, перезаряжаясь.

— Идём дальше, — скомандовал Андрей.

Четвёртый этаж встретил их табличкой «Медсанчасть». За ней обнаружили несколько комнат: бывшая аптека, процедурная, палаты.

Но внутри оказалось пусто.

— Твою мать, — выругался Андрей, обводя фонариком пустые полки. — Всё вывезли.

Они обыскали каждый угол. Нашли несколько упаковок пожелтевших бинтов. Нашли коробку с медикаментами: простой анальгин, парацетамол.

— Это всё, — сказал Серёга, обводя руками пустые полки.

Андрей стоял, уперев руки в бока, и смотрел на жалкие остатки медицинских запасов.

— Берём всё, что есть, — скомандовал он.

Зарина подошла ближе.

— Этого хватит? — В человеческой медицине волшебница ничего не смыслила.

— Смотря для чего, — ответил Андрей. — Будем надеяться, что серьёзных раненых больше не будет.

Он забрал у Серёги найденное и упаковал в рюкзак.

— Всё, осмотр закончен. Уходим отсюда.

Они вернулись в ангар, когда солнце уже начало клониться к закату. Колян сидел на койке, привалившись к стене, автомат лежал на коленях. Увидев входящих, он расслабился и опустил руку.

— Живой? — спросил с усмешкой Андрей.

— Вполне, — хрипло ответил тот, вернув ухмылку. — Тихо было. Никто не лез.

— Хорошо. — Андрей сгрузил рюкзак на пол и выложил найденные припасы. — Вот бинты, таблетки. Еда есть, вода есть. Заночуем здесь, а утром решим, что дальше.

— Заночуем? — переспросил Колян. — А зомби?

— Забор должен выдержать, — ответил Андрей. — Ворота мы закрыли. Если полезут толпой, у нас пулемёт, и патронов теперь полно. Отобьёмся.

Он разложил на ящике карту и подозвал Зарину.

— Зарина, подойди. Пора рассказать, куда мы идём. До сих пор ты давала только направление. Теперь, когда мы почти у цели, нужно знать точно.

Зарина подошла, взглядываясь в карту. Андрей подсветил фонариком.

— Мы здесь, — показал он. — Это база. Дальше пустыня на тысячу километров. Где-то там наша цель, насколько я понимаю.

Она смотрела на карту и молчала. Внутри всё сжалось. Корабль был близко, она чувствовала это, как чувствовала холод и смерть. Но теперь, когда бронетранспортёр утонул, когда они остались без нормального транспорта, путь в пустыню становился смертельным.

— Зарина? — Андрей вывел её из оцепенения.

Она подняла глаза.

— Я не могу сказать точно. Примерно сто километров на восток, вглубь пустыни.

Серёга присвистнул.

— Сто километров по пустыне? Пешком? С тем, что у нас есть?

— Я знаю, — твёрдо сказала Зарина. — Поэтому дальше я пойду одна.

Повисла тишина. Андрей медленно выпрямился, уставился на неё.

— Что значит «одна»?

— То и значит. — Зарина сжала скипетр. — Вы и так сделали больше, чем могли. Потеряли людей, рисковали жизнями. Дальше моя дорога. Я не имею права тащить вас в пустыню, где нет ни воды, ни укрытий, и неизвестно, сколько зомби.

— Вы с ума сошли? — подал голос Колян, забыв о ране. — Сто километров по пескам в одиночку? Да вы не дойдёте!

— Дойду, — ответила Зарина. — Я богиня. Я сильнее, чем кажусь.

— Сейчас ты выглядишь так, что ветром сдует, — отрезал Андрей. — Скипетр еле светится, сама на ногах едва стоишь. Какая, к чёрту, богиня?

Зарина вспыхнула.

— Не тебе судить! Я прожила тысячи лет, я пережила столько, что вам и не снилось. И я дойду. Одна. И вернусь за вами на корабле.

Она даже топнула ногой.

— Нет, — твёрдо сказал Андрей. — Не дойдёшь. Или дойдём все, или никто.

— Андрей, послушай...

— Нет, это ты послушай! — он шагнул к ней, взял за плечи. — Зарина, мы не для того через всё это прошли, не для того теряли людей, чтобы бросить тебя сейчас. Ты наша надежда. Если ты погибнешь в пустыне, всё было зря. Все, кто погиб, погибли зря.

— Я не погибну...

— А если погибнешь? Если упадёшь без сил, а рядом никого? Если зомби нападут? Если лич там? — Андрей не отпускал её плечи. — Мы идём с тобой. До конца. Это не обсуждается.

Серёга и Колян молча кивнули, поддерживая командира.

Зарина смотрела на них — на уставших, израненных, но не сдающихся людей. На тех, кто потерял друзей, но не потерял веру. На глазах у неё выступили слёзы.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем вам это? Я же чужая. Я даже не человек.

— С каких это пор ты для нас чужая? — усмехнулся Андрей. — С первых минут, что мы тебя знаем, ты делаешь всё для спасения людей. Ты спасла нас увиллы. Ты убила лича. Ты дала нам надежду. Да и в походе билась наравне со всеми. Ты своя, что бы ни случилось. И я, и парни за тебя в огонь и в воду.

Он отпустил её плечи и шагнул назад.

За его спиной парни смотрели на командира с одобрением.

— Завтра на рассвете выходим. Все. Колян, ешь, пей, к утру должен восстановиться. Никто не остаётся.

Колян хмыкнул, но спорить не стал.

— А теперь спать, — скомандовал Андрей. — Зарина, ты тоже. Впереди тяжёлый день.

Глава 16 Через пустыню

«Не хвались базой до заката, а пирамидой — до души».

«Забор высок, да пирамида выше. Лич быстр, да богиня быстрее».

«В пустыне две радости: вода в фляге и пирамида на горизонте».

«Кто в пирамиде не бывал — тот жизни не видал».

- Поговорки эпохи зомби-апокалипсиса. Авторство приписывается богине холода Зарине

Утро встретило их серым светом. Он пробивался сквозь щели в стенах ангара.

Зарина проснулась первой. Привычка, выработанная за последние дни. Скипетр лежал рядом. Камень пульсировал слабо, но гораздо ярче, чем накануне. Силы возвращались. Очень медленно, но возвращались.

Андрей уже не спал. Сидел на ящике у входа, смотрел на дверь, держал автомат на коленях. Услышав, что Зарина зашевелилась, обернулся.

— Проснулась? — спросил тихо. — Как самочувствие?

Зарина прислушалась к себе.

— Нормально. Гораздо лучше, чем вчера. Но для магии недостаточно.

Она села, поджав ноги, посмотрела на бойцов. Серёга спал, свернувшись калачиком на груди старых мешков. Колян дремал, прислонившись к стене, автомат в руках. Рана на шее выглядела лучше. Перевязана чистыми бинтами.

— Андрей, — сказала Зарина. — Нам нужно поговорить.

Он подошёл, присел рядом.

— Слушаю.

— Мы не можем идти сейчас. — Она говорила твёрдо, не допуская возражений. — У нас есть еда, вода, безопасное место. А у меня почти нет сил. Один хороший бой, и я упаду. В пустыне без прикрытия это смерть.

Андрей нахмурился, но промолчал.

— Предлагаю пересидеть здесь несколько дней. — Зарина продолжала. — Сколько смогу. Буду медитировать, накапливать силы. Вы будете отдыхать, залечивать раны. Когда я буду готова, выйдем.

— Несколько дней, — задумчиво повторил Андрей. — Рискованно. Залётные зомби не страшны. Но если лич придёт, забор не защитит. Да и если толпа ползет, втроём не отобьёмся.

— Риск есть. Но если нападут в пустыне, нам конец.

Андрей смотрел на неё. В глазах боролись командирская привычка действовать быстро и понимание, что она права.

— Сколько тебе времени нужно на восстановление? — спросил наконец.

— Дня три. Может, четыре. Не знаю точно. После прошлого истощения было так. Сейчас, как видишь, я не в коме хотя бы. — Девушка грустно усмехнулась.

Андрей вздохнул, потёр лицо ладонями.

— Ладно, — сказал он. — Чёрт с тобой. Сидим. Но если что-то пойдёт не так, уходим сразу. Подготовим всё к отходу.

— Договорились.

Зарина улыбнулась. Впервые за долгое время.

— Спасибо, Андрей.

— Не за что, — буркнул он. — Ты главное силы копи. А мы пока осмотримся тут получше. Может, ещё чего полезного найдём.

Он поднялся, подошёл к Серёге, легонько пнул носком берца.

— Вставай, соня. Дело есть.

Серёга заворочался, замычал, но поднялся.

— Чего? Выступаем?

— Обход территории. Проверим забор, поищем, чем можно укрепиться. А ты, — он обернулся к Колян, — отдыхай пока. Рана заживать должна. Появилось несколько дней на восстановление.

Колян кивнул. Слышал, но глаз не открыл.

Зарина осталась одна. Села в позу лотоса, положила скипетр на колени, закрыла глаза. Дыхание выровнялось, мысли успокоились. Сила текла в неё тонкими ручейками. Откуда-то издалека. От людей, которые верили. От самой земли. От неба над головой.

Едва Зарина закончила утреннюю медитацию, Андрей объявил:

— В казарме на втором этаже есть душевая. Вода холодная, но работает. Насос от генератора. Генератор на солярке. Соляры полно в бочках. Можешь привести себя в порядок.

Зарина даже подскочила.

— Душ? Настоящий душ?

— Ну, не особо настоящий. Но помыться можно. — Серёга усмехнулся. — Мы с Андреем уже сполоснулись, пока вы медитировали.

— А чего сразу не сказали? — В голосе Зарины не было злости. Только радость.

— Так ты занята была. — Андрей пожал плечами. — Думали, не до душа.

Зарина пулей бросилась к зданию. Через минуту уже поднималась по лестнице в казарму.

Душевая оказалась обычной армейской. Ряд ржавых леек, кафельный пол с дырами. Но вода была! Холодная, скорее ледяная. Из скважины. Какая разница для богини холода?

Зарина с наслаждением встала под струи. Смывала грязь, пот, кровь, память о пережитых ужасах. Вода стекала мутными ручьями. Уносила всё плохое. Она намылилась жёстким армейским мылом, растёрлась до красноты. Потом выключила воду. Стояла мокрая, холодная, но счастливая.

Завернулась в вафельное полотенце. Старое, выцветшее, но, как ни странно, чистое. Подошла к мутному зеркалу на стене.

Из зеркала смотрела девушка с мокрыми волосами, бледной кожей, огромными синими глазами. Красивая. Даже в этом убогом помещении. Даже после всего.

— Ну здравствуй, — сказала она отражению. Улыбнулась. — Богиня!

Одеваться обратно в грязные, пропитанные кровью и потом штаны с курткой не хотелось. Зарина завернулась в полотенце, спустилась вниз, пересекла территорию и зашла в ангар, где висела старая форма. Через полчаса вышла оттуда довольная, как кошка, наевшаяся сметаны.

На ней были шорты. Обычные армейские, камуфляжные. Но она обрезала их так, что они сидели на бёдрах, подчёркивая фигуру. И топ, завязанный узлом на животе. Открывал талию и плечи. Цвет, конечно, хаки. Но Зарина чувствовала себя почти как в любимом синем платье.

Она прошла по территории, покачивая бёдрами. Поймала взгляд Серёги. Тот смотрел во все глаза, потом отвернулся и почему-то покраснел.

— Ну как? — спросила Зарина, подходя к Андрею. — Нормально?

Андрей окинул её взглядом, хмыкнул.

— Для пустыни — самое то. Не замёрзнешь?

— Я богиня холода. — Зарина напонила, надув губки. — Мне не бывает холодно.

— А, ну да. — Кивнул Андрей. И почему-то тоже отвернулся.

Зарина улыбнулась про себя. Работает.

Дни потекли размеренно. Почти спокойно.

Утром — медитация. Богиня сидела в позе лотоса на старой армейской койке. Бойцы притащили её из казармы. Скипетр на коленях. Сила возвращалась по капле. Камень светился всё ярче, пульсировал всё увереннее.

Днём — обходы территории, проверка забора, мелкие дела. Андрей и Серёга таскали ящики с патронами, чистили оружие, готовились к выходу. Колян восстанавливался. Рана заживала, но его слегка лихорадило.

Вечерами сидели у костерка. Развели прямо во дворе. Забор защищал от ветра, а дым, надеялись, не привлечёт зомби. Ели сухпайки и консервы, пили воду, разговаривали.

— Андрей, — спросила Зарина как-то вечером, — расскажи о других поселениях. Кроме вашего бункера и того Анклава. Много их осталось?

Майор задумался, поворошил палкой угли.

— Немного, — ответил он. — Есть несколько бункеров, как наш. Есть другие Анклавы, но их мало. Люди прячутся в горах, в лесах, в подземельях. Кто где может. Связи почти нет, так что точно не знаем.

— А до апокалипсиса? — спросил Серёга. — Каким был этот мир?

Зарина начала рассказывать. О городах, в которых бывала. О людях, которых встречала. О красоте природы, о музыке, об искусстве. Бойцы слушали, затаив дыхание. Для них это была сказка о потерянном рае.

— Никогда не видел моря, — вдруг сказал Серёга. — Всю жизнь в городе, да в бункере. А море так и не увидел.

— Увидишь. — Зарина пообещала. — Когда всё закончится. Я тебя отведу.

Серёга улыбнулась. Но в глазах была грусть. Верил ли он, что это когда-нибудь случится?

С каждым днём общение становилось свободнее. Андрей перестал быть просто командиром. Стал другом. Серёга откровенничал. Рассказывал о семье, о девушке, которая осталась в городе. Наверное, не выжила. Колян, молчаливый снайпер, вдруг оказался философом. Любил порассуждать о жизни и смерти, о судьбе и случайности.

А Зарина сама не заметила, как начала использовать свою старую технику. Взгляд из-под ресниц. Случайное прикосновение. Наклон головы. Улыбка. Мизинец, поднесённый к губам. Девушка становилась собой.

— Зарина, — сказал как-то Андрей, — ты это... специально, что ли?

— Что специально? — невинно спросила она, хлопая ресницами.

Андрей только рукой махнул. Пошёл проверять периметр. А Серёга с того вечера вообще перестал смотреть ей в глаза. Краснел и отворачивался.

Четвёртое утро на базе встретило ярким солнцем и полной тишиной. Зарина закончила медитацию. Скипетр на коленях сиял ровным голубым светом. Не так ярко, как в лучшие времена. Но уже уверенно.

Андрей сидел на ящике у входа в ангар. Задумчиво крутил в руках пустую канистру. Серёга чистил автомат. Колян дремал, прислонившись к стене.

— Зарина, — позвал Андрей, заметив, что она открыла глаза. — Подойди, пожалуйста.

Она поднялась, подошла, села рядом на перевернутый ящик. Закинула ногу на ногу.

— Слушаю, милый.

Андрей вздохнул. Помолчал, собираясь с мыслями.

— У нас есть топливо, — сказал он. — Не много, но есть. Соляра в бочках, генераторная. Для машины, возможно, пойдёт.

Зарина вопросительно подняла бровь.

— И?

— И есть город. — Андрей кивнул в сторону горизонта. Слева от пустыни виднелись высотки. — Километров тридцать отсюда начинаются жилые кварталы. Далее — мегаполис. До апокалипсиса там больше миллиона человек жило.

— И что там сейчас?

— А хрен его знает. — Честно. — Может, зомби. Может, личи. Может, ничего. Но там наверняка есть машины. Целые, не разбитые. Если найдём что-то приличное, с большим запасом хода... Не пешком же сто километров по пустыне переть. Домчим быстро.

Зарина задумалась. Идея разумная. Пешком через пустыню — дни пути, изнеможение, риск. На машине — несколько часов.

— Рискованно, — сказала она.

— А не рискованно не бывает. — Андрей усмехнулся. — Я с Серёгой схожу. Вдвоём. Быстро, тихо, по-умному. Посмотрим, что там. Если найдём тачку, приедем на ней. Если нет, вернёмся пешком.

— А если не вернётесь?

— Значит, не судьба. — Андрей поднялся, поправил автомат. — Вы с Коляном остаётесь. Будете начеку. Забор держится, пулемёт на пикапе заряжен. Если что, отобьётесь.

Он подошёл к Серёге, хлопнул по плечу.

— Готов?

— Всегда готов, — ответил тот, закидывая автомат за спину.

Андрей взял канистру, перекинул ремень через плечо.

— Мы максимум до вечера. Если к закату не вернёмся, значит, нас нет. Завтра уходите без нас.

— Андрей... — начала Зарина.

— Без разговоров, — перебил он. — Ты главное. Ты должна дойти до корабля. Мы — прикрытие. Если прикрытие пало, ты идёшь дальше. Поняла?

Зарина смотрела на него. Внутри всё сжималось.

— Поняла, — тихо ответила она.

— Вот и отлично.

Андрей повернулся и зашагал к воротам. Серёга задержался на секунду. Обернулся, улыбнулся Зарине. И тоже пошёл.

Они открыли калитку в заборе, выскользнули наружу. Исчезли за ближайшими камнями.

Зарина стояла и смотрела им вслед. Пока не скрылись из виду. Потом вернулась в ангар, села рядом с Коляном, положила скипетр на колени.

— Будем ждать, — сказала она.

Колян молча кивнул.

Солнце медленно ползло по небу. Заливало двор базы жарким маревом. Зарина сидела в тени ангара, скрестив ноги, скипетр на коленях. Пыталась медитировать. Но мысли разбегались, как тараканы от света. Всё время возвращались к двум фигурам, которые ушли утром в сторону мёртвого города.

— Хватит дёргаться, — буркнул Колян, сидевший рядом с автоматом. — Вернутся.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Зарина, не открывая глаз.

— А куда они денутся? — философски ответил снайпер. — Андрей башковитый. Серёга везучий. Прорвутся.

Зарина вздохнула и снова попыталась сосредоточиться.

Время тянулось невыносимо медленно. Девушка медитировала, обходила периметр базы, взглядывалась в даль из окон пятиэтажки.

Солнце достигло зенита. Потом начало клониться к закату. Тени удлинились, воздух становился прохладнее. Андрея и Серёги всё не было.

— Скоро стемнеет, — сказала Зарина, глядя в горизонт.

— Знаю, — ответил Колян. — Подождём ещё час. Если не вернутся, ложитесь. Я у ворот буду дежурить.

Зарина поднялась, подошла к забору, вцепилась пальцами в ржавую сетку. Внутри всё кипело от беспокойства. Они почти дошли. Остался последний рывок. Пусть вернутся. Она уже потеряла Петровича, Лёху, Пашу. Не хотела терять ещё.

— Давай, Андрей, — прошептала она. — Давай, Серёга. Возвращайтесь.

Колян подошёл сзади, положил руку на плечо.

— Слышите?

Зарина прислушалась. Сначала ничего. Только ветер и далёкий крик птицы. Потом, да, точно! Гул мотора. Далеко, но с каждой секундой всё ближе.

— Машина, — выдохнула она.

На горизонте показался столб пыли. Из-за бархана вылетел пикап. Старый, ржавый, с чёрным дымом из трубы. Нёсся прямо к базе, подпрыгивая на кочках.

— Открывай ворота! — заорала Зарина, бросаясь к створкам.

Колян рванул следом. Вдвоём навалились на тяжёлые створки, распахивая настежь. Пикап влетел внутрь, едва не сбив их с ног. Затормозил у ангара, взметнув тучу пыли.

Из кабины выпрыгнул Андрей. Грязный, потный. За ним вылез Серёга, таща какой-то ящик. Волшебница едва остановила себя от порыва обнять и расцеловать обоих.

— Зарина! — заорал Андрей, даже не поздоровавшись. — Грузитесь! Выезжаем немедленно!

— Что случилось? — крикнула она, подбегая.

— Личи! — ответил Андрей, хватая рюкзаки. — Мы их зацепили в городе. Они знают, что мы здесь. За нами мчались зомби. Скоро будут тут. У нас час, максимум два.

Колян уже тащил к машине ящики с патронами и едой. Зарина схватила скипетр, вещмешок, бросилась к пикапу.

Серёга заправлял бак. Андрей закидывал припасы в кузов.

— Живо! — орал он. — Всё кидаем в кузов! Всё, что приготовили!

Через пять минут они уже сидели в машине. Андрей за рулём, Зарина рядом. Колян и Серёга в кузове, вцепившись в борта.

Пикап нёсся по пустыне. Взрезал колёсами спрессованный песчаник. Зарина вглядывалась в горизонт. Ветер через открытое окно трепал волосы, выбившиеся из косы. Она не замечала. Вся сосредоточилась на дороге, на направлении, на том единственном пути, который знала только она.

— Левее! — скомандовала она Андрею. — Бери левее, там твёрже!

Андрей крутанул руль. Пикап послушно вильнул, объезжая участок рыхлого песка.

Солнце село быстро. Как всегда в пустыне. Сначала золотой шар коснулся горизонта, расплавился, растёкся багрянцем. Потом тьма упала мгновенно, будто кто-то щёлкнул выключателем.

Но ехать не стало труднее. Поверхность пустыни в этом месте была особенной. Спрессованный ветром и временем песчаник. Твёрдый как камень, гладкий как асфальт. Колёса шуршали почти бесшумно, только мотор гудел ровно и уверенно.

— Ни хрена себе дорога, — удивился Серёга, крикнув из кузова. — Прямо автобан какой-то.

— Это не просто так, — ответила Зарина, вглядываясь в темноту. — Древнее плато. Когда-то здесь было море. Потом вода ушла, а дно спрессовалось. Мы едем по дну древнего океана.

— Красиво, — только и сказал Андрей.

Ехали уже часа два. Зарина указала направление и добавила:

— Андрей, тормози вон там!

— Что случилось? — слышалось из кузова.

— Смотрите!

Она показывала рукой вперёд. Туда, где в свете фар вырисовывались очертания чего-то гигантского.

Пирамиды.

Они вырастали из темноты как древние стражи пустыни. Три огромных сооружения из тёмного камня. Сложены так искусно, что даже тысячелетия не смогли их разрушить. Стояли треугольником, гранями указывая в разные стороны света.

— Откуда здесь пирамиды? — удивился Колян.

— Эти построили по моему приказу, — тихо сказала Зарина. Голос дрогнул. — Три тысячи лет назад. Я велела сложить их так, чтобы они указывали путь к моему кораблю.

Они поехали в сторону пирамид.

— Смотрите. — Она показала на вершины. — Две указывают на закат, одна на восход.

— Три тысячи лет? Вы серьёзно?

— Абсолютно. — Усмехнулась. — Бессмертие имеет свои преимущества. Можно строить долгострой. Едем дальше. К восточной пирамиде.

Пикап остановился у подножия. Массивное сооружение возвышалось над ними, выхваченное светом фар. Древние камни, сложенные с идеальной точностью, хранили тайну тысячелетий.

— Приехали, — сказал Андрей, заглушив мотор. — Дальше-то что?

Зарина вылезла из кабины и направилась ко входу. Бойцы высыпали следом, сжимая автоматы, готовые к любой неожиданности.

— Зарина, вы куда? — окликнул Серёга.

Девушка ничего не ответила. Она медленно подошла вплотную к каменной кладке и провела рукой по поверхности. Пальцы нащупали едва заметный шов, почти невидимый глазом. Зарина надавила, и часть стены бесшумно ушла внутрь, открывая углубление.

— Ни хрена себе, — выдохнул Колян. — Прямо как в фильмах про искателей сокровищ.

Зарина обернулась, улыбнулась. Поднесла мизинец к губам. Жест, который бойцы уже успели запомнить.

— Сейчас, мальчики, будет ещё интереснее.

Она взяла скипетр. Камень в навершии пульсировал ровным голубым светом. Девушка уверенным движением вставила его в отверстие. Скипетр вошёл идеально, как ключ в замок.

На секунду ничего не произошло. А потом земля под ногами дрогнула.

— Назад! — крикнул Андрей, подбежал и схватил Зарину за руку.

— Не бойся. — Она высвободилась. — Так и должно быть.

Пирамида загудела. Глухой, низкий звук шёл из самой глубины камня. И вдруг огромное сооружение начало вращаться.

Медленно, величественно. Вместе с людьми, стоящими у входа. Каменные блоки скрежетали, но не рассыпались. Они двигались как единый механизм. Пыль взметнулась в воздух, застилая всё вокруг.

— Дерьмо демона... — только и выдохнул Серёга.

Когда пирамида остановилась, повернувшись ровно на девяносто градусов, перед ними открылся проход. Но это был не узкий тёмный коридор из древней гробницы. Металлический тоннель, уходящий вверх, в самое сердце пирамиды. Гладкие стены из серебристого сплава слабо светились изнутри.

— Металл? — изумился Андрей, подходя ближе. — Откуда в древней пирамиде металл?

Зарина вынула скипетр из отверстия и повернулась к бойцам. На губах играла та самая улыбка. Уверенная, чуть надменная, бесконечно женственная.

— Хочешь что-то спрятать надёжно, — сказала она, — сделай это на виду. Пусть все видят, но никто не догадается. Заходим внутрь.

Когда шедший последним майор зашёл в стальной коридор, металлическая плита бесшумно встала на место. Отрезала их от внешнего мира. Андрей машинально дёрнулся, проверяя. Нет, не открыть. Только гладкая поверхность. В ней отражались их усталые, перепачканные лица.

— Герметично, — констатировал Колян, прижимая ладонь к стене. — Прямо как в бункере.

— Лучше. — Зарина покачала головой. — Надёжнее.

Она двинулась вперёд по коридору. Бойцы последовали за ней. Стены светились мягким, приятным светом. Не резким, не давящим. Каким-то уютным, домашним. Справа и слева попадались двери. Гладкие, без ручек, с едва заметными панелями рядом.

— Тут живут? — спросил Серёга, с любопытством оглядываясь.

— Это как раз на такой случай, как сейчас. — Зарина провела рукой по стене, свет стал чуть ярче.

Коридор вывел их в просторное помещение. Круглое, с высоким потолком. Уставленное удобными креслами. Напротив кресел — огромные мониторы во всю стену. Сейчас транслировался ночной пейзаж пустыни. Чёрное небо, звёзды, тёмные силуэты двух других пирамид вдалеке.

— Охренеть, — выдохнул Серёга, крутя головой. — Какой обзор!

— Пустыня как на ладони, — добавил Колян. — Если кто подойдёт, увидим за километры.

Зарина подошла к одному из кресел, провела рукой по мягкой обивке. Глубоко вздохнула и повернулась к бойцам. Те стояли перепачканные, уставшие, но счастливые. На их лицах читалось облегчение.

— Ну что ж, — сказала она. Голос дрогнул от нахлынувших чувств. — Мы в полной безопасности.

Махнула рукой влево.

— По левой стороне — комнаты. Их пять. На каждого хватит. Первая моя, остальные разбирайте как хотите.

Указала направо.

— По правой стороне — душевая. Настоящая, с горячей водой. — Улыбнулась. — И самое главное. Во вторую комнату от входа раненые будут заходить по очереди. Ко мне. Когда помоетесь.

Она перевела взгляд на Коляна.

— Колян, ты первый. Я тебя подлечу. Обещаю.

Колян молча кивнул. В глазах мелькнула благодарность.

— А теперь... — Зарина шагнула к правой стороне. — Чур, я первая в душ!

Она сорвалась с места и побежала по коридору, хохоча как девчонка. Бойцы смотрели ей вслед и улыбались. Впервые за долгое время улыбались по-настоящему.

— Ну что, мужики, — сказал Андрей, скидывая рюкзак. — Жить будем. Похоже, жить будем. Разбирайте жилплощадь.

Глава 17 Последний рубеж

«Обещали, что Олимп — место отдыха богов. Отдых — это когда из тебя выкачивают силу, стирают память и держат в коме? Мило. Очень мило. Я запомнила. Я вернусь и обеспечу отдых каждому, кто обеспечил его мне. Вечный отдых».

— Из будущих мемуаров Зарины

Горячая вода лилась по телу, смывая не только грязь и пот, но и память о пережитых ужасах. Зарина стояла в душевой кабине, запрокинув голову, и чувствовала, как напряжение уходит из каждой клеточки. Она уже и не помнила, когда в последний раз была в настоящем душе. Были, конечно, бункер и армейские казармы, но это — это было нечто иное. Мягкая, тёплая вода, пахнувшая чем-то травяным, приятный гель, пушистое полотенце, которое ждало на вешалке.

Она выключила воду, вышла из кабины и замерла перед большим зеркалом во весь рост. Из запотевшей глубины на неё смотрела девушка с мокрыми русыми волосами, синими глазами и румянцем на щеках. Красивая. Настоящая. Живая.

Зарина улыбнулась своему отражению и поднесла мизинец к губам.

— Здравствуй, — прошептала она. — Я вернулась.

Завернувшись в огромное пушистое полотенце, она прошла босиком по тёплому полу к своей каюте. Дверь бесшумно открылась, впуская её в личное пространство, которое не менялось триста лет.

Комната была небольшой, но уютной. Кровать с балдахином, туалетный столик с зеркалом, шкаф во всю стену. Зарина подошла к шкафу, провела рукой по дверце — и та бесшумно отъехала в сторону.

Внутри, на плечиках, висели её наряды. Все, что она оставила перед уходом. Вечерние платья, коктейльные, повседневные. Шёлк, бархат, кружево. Всё сохранено благодаря специально распыляемым в воздухе частицам. И в самом центре, на отдельной вешалке, словно дожидаясь именно этого момента, висело ОНО.

Синее платье.

То самое. Любимое. Цвета вечернего неба перед первой звездой. С идеальным вырезом, с юбкой чуть выше колена, с рукавами-фонариками, которые она обожала. Зарина осторожно сняла его с вешалки, прижала к груди. Ткань пахла чем-то родным, забытым, счастливым.

— Здравствуй, — прошептала она платью. — Я соскучилась.

Она оделась медленно, с наслаждением. Платье скользнуло по телу, облекая фигуру с идеальной точностью. Зарина покрутилась перед зеркалом, проверяя, как сидит, — безупречно.

Обувь. Внизу шкафа, на специальной полке, стояли туфли. Десятки пар — лодочки, босоножки, сапожки. Зарина выбрала синие босоножки на высокой платформе — те, что делали ноги бесконечными, а походку летящей.

Обулась, прошлась по комнате, цокая каблуками. Хорошо. Очень хорошо.

Волосы. Она подошла к туалетному столику, нашла фен. Через несколько минут русые волосы струились по плечам мягкими волнами, обрамляя лицо.

Зарина посмотрела на себя в зеркало в очередной раз. Из отражения на неё смотрела та, прежняя Зарина — богиня, женщина, мечта. Та, от чьего взгляда мужчины краснели и запинались.

— Выходим, — сказала она своему отражению и шагнула к двери.

В коридоре, у входа в медкабинет, уже ждал Колян. При виде Зарины он замер, открыл рот и забыл, как дышать.

— Вы... — выдавил он наконец. — Вы...

— Я, — улыбнулась Зарина, поднося мизинец к губам. — Проходи, Колян. Лечиться будем.

Она открыла дверь медкабинета и жестом пригласила его войти.

Внутри было светло и стерильно. Белые стены, высокотехнологичное оборудование, кушетка посередине. Зарина указала Коляну на кушетку.

— Ложись.

Он послушно лёг, не сводя с неё глаз. Зарина подошла к панели управления, нажала несколько кнопок. Автодок — древняя технология давно умершей цивилизации — загудел, просыпаясь.

Тонкие манипуляторы протянулись к ране Коляна. Осторожно сняли повязку, осмотрели. На мониторе высветилась информация: состояние раны, наличие инфекции, рекомендуемые действия.

— Гной, — прокомментировала Зарина, глядя на экран. — Но сейчас почистим.

Манипуляторы задвигались быстрее. Колян почувствовал лёгкий укол — местный наркоз. Потом ещё один. Он почувствовал, как металлические пальцы ловко удаляют омертвевшие ткани, очищают рану, накладывают шов — идеально ровный, аккуратный.

— Больно? — спросила Зарина.

— Не чувствую, — удивлённо ответил Колян.

— Это наркоз. Сейчас пройдёт.

Автодок закончил с раной, потом сделал два укола — в плечо и в бедро. На мониторе высветилось: «Антибиотики введены. Рекомендуется пероральный приём в течение трёх дней».

Из специального отсека выехал маленький подносик с тремя блистерами таблеток.

— Это допить, ну ты понял, — Зарина протянула лекарства Коляну. — Утром, днём и вечером. Через три дня будешь как новенький.

Колян сел, потрогал шею — там, где ещё недавно зияла страшная рана, теперь красовался аккуратный шов, залитый прозрачным гелем.

— Спасибо, — сказал он просто. — Вы... вы настоящая богиня.

— Я знаю, — улыбнулась Зарина. — Иди отдыхай. Завтра интересный день. Отправимся в полёт.

Колян кивнул и вышел, на прощание ещё раз оглянувшись на неё.

Зарина осталась одна в медкабинете. Посмотрела на своё отражение в зеркальной стене. Синее платье, синие босоножки, распущенные волосы. И скипетр в руке, пульсирующий ровным светом.

— В полёт... — девушка тихо повторила свою последнюю фразу. Она встала и пошла к пульту в рубке. Там она вывела на экран состояние корабля, удовлетворилась результатами и дала команду на расконсервацию и подготовку к полёту. — Ну вот теперь можно спать, — промурлыкала она.

Спать девушка легла с удовольствием — мягкий матрас, подушка, приятное на ощупь бельё. Никакого леса, никаких зомби. Сон пришёл сразу, а с ним — воспоминания.

Зарина вырвалась.

Это слово пульсировало в висках в такт шагам, гулким и неровным. Её скипетр, холодный и родной, сжимался в ослабевшей руке. Голубой камень в наверхии светил тусклее обычного. Она потеряла слишком много. Почти половину своей силы.

Распущенные волосы развевались, русые пряди липли к вспотевшему лбу. Жеманность, её вечное оружие, исчезла, оставив лишь голую, незамутнённую ярость. Она шла по стерильному коридору станции «Олимп», и каждый её шаг отдавался дрожью в коленях.

Из первой же двери, которая открылась с шипением, выскочили двое в униформе службы безопасности. Зарина даже не остановилась. Она лишь устало повела скипетром в их сторону. Воздух перед ней сжался, выдохнув облачко ледяного пара. Кристаллы льда, острые, как бритва, соткались из ничего и с тихим свистом впились в грудь мужчин. Они даже не вскрикнули. Просто замерли, покрываясь матовой коркой и превращаясь в два изваяния, навечно застывших в беге. Зарина прошла мимо, так и не взглянув в их сторону. Её глаза, большие и голубые, теперь напоминали замёрзшие озёра — настолько они были бездонные и пугающе спокойные.

Коридор вывел богиню в просторный зал управления. Здесь было многолюдно. Техники, учёные в белых халатах, пилоты. Увидев её, они замерли. Кто-то потянулся к оружию, кто-то — к панелям связи, кто-то просто попятился.

— Ах, какие люди... и не люди, — её голос, обычно протяжный и мурлыкающий, сейчас сочился ледяной усталостью и презрением. Она картинно, на автомате, поднесла к губам оттопыренный мизинец, но жест вышел не кокетливым, а угрожающим. — Не стойте на пути у дамы. Это... невежливо... и опасно.

В ответ кто-то попытался выпустить в неё очередь из бластера. Зарина даже не шелохнулась. Энергетические сгустки, не долетев до неё метра, увязли, не сумев расплавить появившиеся из ниоткуда ледяные глыбы. Она взмахнула скипетром. Каждого, кто делал шаг в её сторону, достигал его личный ледяной саркофаг. Она не целилась, не старалась. Просто указывала скипетром, и очередной смельчак превращался в ледяную статую с ужасом, застывшим в глазах. Зал погрузился в звенящую тишину, нарушаемую лишь хрустом намерзающего льда под её ногами. Люди, ещё не тронутые магией, забились в углы, прячась за пультами. Зарина не обращала на них внимания. Она видела цель.

Пульт транслокации. Массивная арка и панель управления перед ней, усеянная кнопками и мерцающими экранами. Её спасение. Её путь домой!

Дрожащими пальцами, которые наконец вновь ощутили силу, она начала вводить координаты. Родная планета, любимый город, столица, где её знали, где её боготворили, где она проводила время с настоящими, живыми людьми, где она была. На мониторе появилось изображение знакомой площади, залитой солнцем. Сердце на миг пропустило удар. Свобода.

Она нажала «активация». Тишина. Ни гула энергии, ни мерцания портала. Лишь равнодушный писк ошибки на панели. Транслокатор не работал. Питание отсутствовало. Своей ли магией она выжгла местные цепи, или они, сволочи, всё отключили специально — было уже не важно.

В этот момент из глубин станции донёсся низкий, вибрирующий гул. Заработали резервные генераторы? Зарина похолодела, но не от холода, которого никогда не боялась. Она почувствовала это кожей, каждой ослабевшей клеточкой. Давление. Чужеродное, давящее чувство. Подавитель магии. Тот самый, из-за которого она провела в плену триста лет.

Выбора не осталось. Решение пришло мгновенно, как удар сердца.

Она положила скипетр на пол и обеими ладонями, словно обнимая, прижалась к холодной панели транслокатора.

— Забери... — прошептала она, чувствуя, как из неё потоком уходит то, что оставалось. — Забери всё, только отправь.

Магия хлынула из пальцев, рук, самой её сути. Холод, некромантия, сама жизнь — казалось, перетекали в бездужиную машину. Перед глазами поплыло, мир сузился до болезненной пульсации в висках и гудения оживающего механизма. Платформа под её ногами засветилась. На панели зажглись огни, и механический голос начал отсчёт.

10... 9... 8...

Она подобрала скипетр с тусклым камнем и, пошатываясь, взошла на платформу. Сил оставалось пугающе мало. Она стояла, обхватив себя руками, глядя на свои туфли сквозь пелену слёз отчаяния и боли.

7... 6... 5...

Дверь с грохотом взорвалась внутрь. На пороге стоял человек в белом халате, с перекошенным от ненависти лицом. В руках он сжимал не бластер. Нечто куда более страшное — ружьё для усыпления животных, заряженное толстым шприцем, полным мутной, маслянистой жидкости. Той самой жидкости для стирания памяти.

4...

Их взгляды встретились. В его глазах — торжество. В её — ледяная ярость умирающего зверя. Они вскинули руки одновременно. Зарина — пустую ладонь, в которую попыталась вложить последнюю крупицу воли. Учёный — ружьё.

3...

Мир взорвался тишиной. Воздух вокруг человека в белом халате сжался, выдохнул морозный пар, и он начал превращаться в ледяную статую, застывая в позе победителя. Но его палец уже нажал на спуск. Пневматика сработала.

...2...

Зарина не увидела, как шприц вошёл ей в живот. Она лишь почувствовала тупой, холодный удар, а затем резкую, раздирающую боль, когда, повинувшись инстинкту, рванула пластмассовую трубку из своего тела, но жидкость уже была внутри.

...1...

Мир вокруг завертелся, разрываясь на клочки. Стерильный свет станции смешался с тьмой, огни отсчёта — с кровавыми кругами перед глазами.

...0

Зарина упала на колени. Но не на холодный металл платформы. Под её руками была тёплая, пыльная брусчатка. Пахло гарью, сыростью и... смертью. Она подняла голову.

Вокруг неё, на залитой солнцем площади её любимого города, стояли мертвецы. Десятки, сотни зомби.

Богиня села на кровати, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Всё тело было мокрым от пота. Не спасал даже идеально поддерживаемый в её комнате климат.

— Триста лет, — прошептала она. — Триста лет они держали меня в плену.

Воспоминания теперь были чёткими, ясными. Не обрывки, не намёки, а вся правда. Как её заманили на Олимп обещаниями отдыха для богов. Как опоили, усыпили. Как год за годом выкачивали силу, переливая в свои накопители, в свои генераторы, в свои ничтожные жизни.

— Смертные, — выдохнула Зарина, и в голосе её зазвенела сталь. — Жалкие смертные посмели обращаться с богиней как с батареейкой.

Она встала, подошла к монитору. На нём простиралась пустыня, залитая первыми лучами солнца. Красиво. Но Зарина не видела красоты — её глаза застилала красная пелена гнева.

— Триста лет, — повторила она. — Я могла бы предотвратить нашествие зомби. А вместо этого лежала в коме, пока какие-то ничтожества доили мою силу.

Скипетр на тумбочке пульсировал — ровно, спокойно. Малая часть её мощи, которая осталась. Крохи. Жалкие проценты.

Но даже этих крох хватит.

— Сначала зомби, — сказала Зарина вслух. — Сначала личи. Я обещала этим людям спасти их мир. Я выполняю обещание.

Она подошла к зеркалу, посмотрела на своё отражение. Из глубины на неё смотрела богиня — с горящими глазами, сжатыми губами, с холодной решимостью во взгляде.

— А потом, — прошептала она, — я вернусь на Олимп. И спрошу с каждого. Кто смел касаться богини. Кто смел красть её силу. Кто смел обманывать.

Она улыбнулась — той улыбкой, от которой у врагов холодела кровь.

— Никто не смеет обманывать меня. Никто.

Зарина приняла душ, вернулась в комнату, надела синее платье, поправила волосы, взяла скипетр и вновь вышла в коридор, мягко ступая по светящемуся полу. Коридор встретил её приглушённым сиянием и полной тишиной. Она прошла в главный зал.

Здесь было пусто и светло. Огромные мониторы показывали утренний пейзаж пустыни — голубое небо, величественные силуэты пирамид. Кресла стояли полукругом, обещаая комфорт.

Зарина выбрала центральное кресло. Оно, как и все, было удобное, уютное, с высокой спинкой и мягкими подлокотниками. Девушка опустилась в него, откинулась, прикрыла глаза на секунду. Синее платье мягко облегалo фигуру, босоножки на платформе чуть касались пола. Скипетр она положила на колени, погладила тёплый камень.

— Кофе со сливками, — сказала она негромко, но чётко.

В столешнице, встроенной в подлокотник, что-то щёлкнуло.

Маленькое отверстие открылось, и оттуда, поднимаясь на миниатюрном лифте, выехала чашка. Фарфоровая, тонкая, почти прозрачная на вид, с золотым ободком по краю. От неё поднимался пар, и запах... божественный запах свежесваренного кофе поплыл по залу.

Зарина взяла чашку в руки, с наслаждением вдохнула аромат. Тёплый, чуть горьковатый, с мягкими сливочными нотками. Она сделала маленький глоток, и по телу разлилось блаженство.

Богиня сидела в мягком кресле перед огромным обзорным экраном, поджав под себя ноги. Туфли лежали у кресла. В руках она держала чашку с кофе. После армейского суррогата из бункера он казался нектаром.

Она смотрела на пустыню. Солнце уже поднялось над горизонтом, заливая песок золотистым светом. Красиво. Дико. Пустынно. На одном из мониторов был выведен процесс подготовки корабля к вылету.

— Раньше сюда никто не смел приближаться, — прошептала она, отпивая кофе. — Моя пустыня. Моя территория. Люди обходили её за сотни километров, боясь гнева богини холода.

Она усмехнулась собственным воспоминаниям. Как караваны сворачивали с маршрутов, лишь бы не пересекать эти пески. Как цари и императоры посылали гонцов с дарами, прося разрешения пройти по краю. Как её имя произносили шёпотом, крестясь и сплёвывая через левое плечо.

— А теперь... — Зарина вздохнула. — Теперь даже зомби не боятся.

Она допила кофе, поставила чашку на подлокотник кресла. Рука сама собой потянулась к пульту — старая привычка проверять периметр. Пальцы пробежали по сенсорным панелям, вызывая спутниковые снимки.

На главном экране появилось изображение базы. Той самой, где они провели почти неделю. Ангары, казармы, забор — всё было на месте. И всё было заполнено зомби.

Зарина подалась вперёд, вглядываясь. Тысячи, десятки тысяч серых фигур копошились на территории, лезли на стены, заполняли каждый свободный метр. Они пришли. Добрались.

— Чтоб вас всех, — выдохнула она.

Пальцы забегали по пульту быстрее, уменьшая масштаб. Камера поднималась выше, охватывая всё большую территорию. И то, что открылось Зарине, заставило её испугаться.

Волна. Огромная, необъятная волна мертвецов двигалась от мегаполиса вглубь пустыни. Сплошная серая масса, шириной в километры, длиной — в десятки километров. Они шли медленно, но неумолимо, и направление их пути было очевидным.

Пирамиды. Её убежище.

— Они уже прошли большую часть пути, — прошептала Зарина, и чашка выпала из ослабевших пальцев, разбиваясь о пол.

Она вскочила с кресла, подбежала к обзорному экрану, вглядываясь в горизонт. И увидела.

Там, на границе видимости, где песок сливался с небом, что-то двигалось. Серая лента, медленно, но неуклонно приближающаяся. Волна смерти, текущая через пустыню.

— Они идут сюда, — выдохнула Зарина. — Они знают. Личи знают.

За спиной послышались шаги — заспанные Серёга и Колян в халатах и Андрей, уже одетый в форму, привлечённые звуком разбитой чашки, вбежали в зал.

— Зарина, что случилось? — спросил Андрей, переводя взгляд с неё на экран, на который Зарина указывала пальцем.

Бойцы подошли ближе, вглядываясь.

— Твою мать, — выдохнул Серёга. — Это что, все зомби мира сюда ползут?

— Не все, — тихо ответила Зарина. — Но достаточно. Десятки тысяч. Может, сотни.

— Сколько у нас времени? — деловито спросил Андрей.

Зарина прикинула расстояние, скорость движения толпы.

— Несколько часов. Наверное. Может, час.

— До корабля сколько?

— Двадцать минут езды вдоль края пустыни. — Зарина лихорадочно соображала. — Если прямо сейчас выехать — успеем. Но зомби будут приближаться всё время.

— Погнали! — скомандовал Андрей. — Хватайте припасы, всё в пикап!

Он выбежал на улицу, Серёга и Колян за ним. Зарина метнулась в свою комнату, схватила вещмешок, потом заскочила в комнату напротив — оружейную. Там, на стене, висели два футуристических орудия. Длинные, матово-чёрные, с толстыми стволами и прицелами, похожими на глаза стрекоз.

— Пригодятся, — прошептала она, срывая их с креплений.

Через минуту она уже была у пикапа. Бойцы грузили ящики с патронами, водой, едой. Зарина закрепила оба ствола на бортах кузова, направив их назад. Стволы деловито обхватили борта автоматически выехавшими из корпусов креплениями.

— Это что за хрень? — спросил Андрей, кивая на оружие.

— Автоматические турели, — ответила Зарина, проверяя крепления. — По пять тысяч выстрелов каждая. Сами наводятся на движущиеся цели. Просто развернём пикап кормой к зомби, и они сделают всю работу.

— Заводи! — крикнул Андрей Серёге, уже сидевшему за рулём. — Все в машину!

Завтракали на ходу. Пицца, приготовленная автоповаром на базе, была на порядок вкуснее опостылевших просроченных армейских сухпайков. С собой взяли термос с кофе. Пикап нёсся по спрессованному песку, подпрыгивая на редких барханах. По правому борту, на горизонте, росла тёмная волна.

— Быстрее! — крикнула Зарина, вглядываясь в даль.

— Быстрее некуда! — отозвался Серёга. — Развалится же!

— Лучше развалиться, чем стать зомби!

День набирал силу. Солнце палило нещадно, но в пустыне это было даже хорошо — зомби слабее при ярком свете. Тёмная волна неумолимо приближалась. Уже можно было разглядеть отдельные фигуры — бегущие, падающие, встающие снова.

— Зарина! — крикнул Андрей. — Сколько до корабля?

— Минут десять! — ответила она, вглядываясь вперёд.

Там, на горизонте, что-то блеснуло. Зарина замерла, вглядываясь. Металлический блеск. Знакомые очертания.

— Есть! — заорала она. — Вижу! Корабль!

Пикап прибавил ходу. Теперь все смотрели вперёд, на странный силуэт, поднимающийся из песков. Он был похож на огромную летающую тарелку — метров тридцать в диаметре, матово-серебристую, с куполом наверху. Часть её всё ещё была скрыта песком, но большая уже освободилась, сверкая на солнце.

— Это что, НЛО? — выдохнул Серёга.

— Это мой корабль, — с гордостью ответила Зарина. — Вчера я запустила команду на расконсервацию. Он сам откопался.

Пикап подлетел к кораблю. Рядом с ним, на песке, валялись огромные куски песчаника — видимо, песок, высвободившийся при откапывании корабля.

Пикап взвизгнул тормозами, остановившись в трёх метрах от корабля. Зарина выпрыгнула из кузова ещё до полной остановки, приземлилась на песок, чудом удержав равновесие в босоножках на платформе.

— Разворачивай машину! — закричала она Серёге, который выбирался из кабины. — Кормой к зомби!

Тот мгновенно оценил обстановку и сдал назад, нацелив кузов в сторону приближающейся орды.

— Автоматические турели активируются сами, — Зарина уже бежала к кораблю, на ходу бросая команды. — Как только первые войдут в радиус поражения — начнут стрелять. Ваша задача — прикрыть фланги!

— А ты? — крикнул Андрей, доставая автомат.

— Пойду готовить корабль! — Зарина подбежала к люку, приложила ладонь к гладкой поверхности. Металл потеплел, люк открылся, заливая песок тёплым светом. — Без энергии корабль — просто металлическая коробка. Мы не взлетим!

— Сколько времени нужно? — Андрей уже тащил ящики с патронами к опускающемуся трапу.

— Реактор на нейтрино! — крикнула Зарина, исчезая внутри. — Я включила его, как только мы приехали вечером, но для разгона нужно время! Без него мы беззащитны!

— Да сколько?! — заорал ей вслед Андрей.

Из корабля донёсся приглушённый голос:

— Сорок четыре минуты!

Андрей выругался так, что даже Серёга, привыкший ко всему, удивился.

— Сорок четыре минуты, — повторил он, глядя на приближающуюся волну. — Ребята, занимаем позиции на трапе. Колян, ты с пулемётом прикрываешь левый фланг. Серёга — правый. Я в центре.

Бойцы бросились к трапу — широкой металлической аппарели, ведущей внутрь корабля. С этой высоты открывался отличный обзор на пустыню. И на зомби, которые были уже в полукилометре.

— Автоматические турели, — напомнил Андрей, кивая на пикап. — Если они работают...

Как по команде, турели ожили. Два футуристических ствола на бортах пикапа зашевелились, наводясь на приближающуюся массу. Тонкий, почти музыкальный звук — и очереди ударили по первым рядам зомби. Они били не пулями, а сгустками энергии. Каждый выстрел разносил голову одного из монстров в труху. Головы разлетались, тела падали, но на место упавших вставали новые. Волна не останавливалась.

— Это ненадолго, — мрачно сказал Колян, вскидывая автомат. — Патроны кончатся.

— Значит, будем экономить, — ответил Андрей, прицеливаясь. — Огонь только по тем, кто прорывается через турели.

Первые минуты тянулись бесконечно. Турели работали без остановки, поливая энергией наступающих. Горы трупов росли перед ними, создавая вал. Но зомби лезли по телам своих, не чувствуя страха, не зная усталости.

— Тридцать минут, — выдохнул Серёга, бросив взгляд на часы. — Ещё тридцать минут!

— Держимся, — коротко ответил Андрей.

Турели замолчали. Одна за другой, почти одновременно. Тишина наступила внезапно, оглушительная после непрерывной стрельбы.

